

БУРГО ПАРТРИДЖ

ИСТОРИЯ
ОРГИЙ

BURGO PARTRIDGE

**A HISTORY
OF ORGIES**

БУРГО ПАРТРИДЖ

**ИСТОРИЯ
ОРГИЙ**

МОСКВА
КРОН-ПРЕСС
1997

ББК 84.4 ВЕЛ
П18

Перевод с английского
М. ЖАРНИЦКОГО

Партридж Б.
П18 История оргий / Пер. с англ. М. Жарницкого. —
М.: КРОН-ПРЕСС, 1997. — 160 с. — (Серия «Экс-
пресс»).

ISBN 5-232-00594-4

Эта книга — попытка проследить историю оргий с древности до наших дней, узнать, что побуждает людей принимать в них участие, пренебрегая общественным мнением, не боясь осуждения близких.

Почему это явление, возникнув на заре цивилизации человечества, сопровождает нас столько столетий и в Европе, и в Америке, и в Азии?

Ответы на эти вопросы читатель найдет в книге, которую мы предлагаем его доброжелательному вниманию.

52P(03)—97

© Burgo Partridge, 1958
© КРОН-ПРЕСС, 1997
© Перевод, М. Жарницкий, 1997

ПРЕДИСЛОВИЕ

Что есть оргия? Организованное выпускание пара, избавление от истерии, вызванной воздержанием у невротиков и слабых индивидуумов.

Любое сдерживание вызывает напряжение. Ужас человеческого бытия заключается в сосуществовании цивилизованного и животного начал, которые вынуждены уживаться, первое обычно главенствует, но давление не может нарастать бесконечно, потому и наступает неизбежно время освобождения — оргия. Конечно, многие оргии не укладываются в такую схему. Войны — высшая точка шкалы, где-то в середине — скандалы на вечеринках, легкие супружеские измены, пожалуй, дальше можно не перечислять.

Эта книга посвящена исключительно оргиям сексуальным, во-первых, потому что они чрезвычайно интересуют каждого, во-вторых, остальные трудно распознать и тем более описать.

Оргии полезны не только потому, что снимают напряжение, вызванное необходимым или вынужденным воздержанием, но и помогают бороться со скукой повседневной жизни. Поэтому их использовали и жители Древней Греции, и средневековая христианская Церковь (неосознанно).

Конечно, существует и другой вид оргий — индивидуальный, неорганизованный. Их общество и государство не прощают. Индивидуальные оргии вызваны конфликтом между индивидуумом и социумом. Нередко, обсуждая проблему отношений между ними, мы допускаем ошибки.

Эти оргии наиболее разнообразны и интересны: бунтарь привлекательней конформиста, поэтому мы надеемся, что читатель извинит автора за его предпочтения.

Оба вида оргий — послушание и мятеж — сводятся к одному: избавлению от невыносимого напряжения. Если удар нанести верно, а чувство вины и отвращение к себе не слишком сильны, успех обеспечен.

Оргия-мятеж также может приносить удовлетворение, но оргиаст одинок и несчастлив.

В первых двух главах мы рассматриваем феномен оргиастов-послушников, но следует помнить, что послушание предшествует «мятежам». У оргий греческие и римские корни, потом были многие века этической эволюции.

Глава первая

ГРЕКИ

Тем, кто полагает, что достижения и успех в жизни зависят от изысканности и утонченности человека, а ум и простота не сочетаются, изучение образа жизни и мыслей греков преподнесет немало сюрпризов.

Достижения греков в искусстве, мышлении, политической теории были столь грандиозны, что их никому не удалось превзойти за следующие столетия. В повседневной, реальной жизни в основе поведения греков, их морали лежал предельный гедонизм. Они обладали иммунитетом к болезни, которая поразила сегодня многих и многих: не заикливались на чем-то одном в ущерб другим ценностям жизни.

Греки были идеалистами, они восхищались жизнью. Юность они почитали как особо ценный дар, а утехи юности — как величайшее счастье. Прежде всего они жаждали красоты и любви, поэты воспевали их. Здоровье считалось непременным условием счастья, а счастье — венцом жизни. Солон учил, что радостное наслаждение жизнью в целом суть достойная вещь и стоит того, чтобы ее добиваться. И в литературе, и в жизнеописаниях отдельных людей мы находим указания на стремление греков к идеалу, а не только к богатству или карьере. Вся культура греков — гимн наслаждению, в основе которого лежит предельно развитая чувственность. Все греки понимали, как важен истинный материализм. Состарившись, Софокл заметил, что следует благодарить почтенный возраст, ибо он избавляет от оков чувственности.

Отношение греков к страсти было неоднозначным. Поэт Симонид спрашивает: «Была бы жизнь смертных восхитительной без плотского наслаждения? Ведь даже боги не могут без него обойтись?»

Греческие боги лучше всего выражают природу созданных ими людей, но и сами являются объектами желания.

В восьмой книге «Одиссеи» есть замечательное место, когда Афродита предается недозволенным радостям любви с богом войны Аресом. Ее муж, хромой Гефест, призывает других обитателей Олимпа быть свидетелями прелюбодейния. Вдоволь налюбовавшись, Аполлон, сын Зевса, обращается к Гермесу: «Эрмий, Кронионов сын, благодатный богов вестносец, искренне мне отвечай, согласился ль бы ты под такую сетью лежать на постели одной с золотою Кипридой?» Гермес отвечает: «Если б могло то случиться, о царь Аполлон стреловержец, сетью тройной бы себя я охотно опутать дозволил, пусть на меня бы, собравшись, богини и боги смотрели, только б лежать на постели одной с золотою Кипридой!»

Так сказал он, и бессмертные боги рассмеялись. Никакого морализаторства, только смех и восхищение были их ответом, они насмеялись над супружеской верностью. Сексуальное поведение греков регулировалось только гражданским механизмом, идея греха порождена христианской цивилизацией.

Историк Мегаклид осуждает поэтов, уделяющих слишком большое внимание трудам и подвигам Геракла, героя Древней Греции. Он писал, что Геракл получал величайшее наслаждение от плотских утех, был женат много раз и произвел на свет бесчисленное количество детей. Ему нравилось есть, пить и лежать в мягкой постели. Мегаклид обвиняет поэтов не только за то, что они замалчивают этот аспект жизни Геракла, но скорее за предположение, что такое поведение унижает героя. Впрочем, греки были слишком разумны, чтобы предаваться лишь отдыху и наслаждению. Они понимали, что целомудрие не такая уж плохая вещь, а сексуальные утехы, как бы они ни были восхитительны, не могут занимать все время. Но греки считали чувственность серьезным предметом.

Афенаус в двадцатой главе своих «Деипнософистов» рассуждает о наслаждении, рассказывает о персах, пре-

дающихся пирам и разврату, описывает людей, ведущих бурную плотскую жизнь.

Царь персов — так считал Гераклит — владел гаремом из трехсот женщин, и «они днем спали, чтобы бодрствовать ночью, ночью пели и играли на арфах при светильниках и служили царю наложницами». Эти женщины сопровождали царя и на охоту.

Ксантипп пишет, что лидийцы кастрировали не только мальчиков, но и девочек, чтобы использовать в качестве евнухов во дворцах знати.

Жители Сибарии ввели в обиход горячие ванны и первыми использовали ночные горшки во время застолий.

Клеарх сообщает, что в итальянском городе Таренте люди, «достигшие могущества, жаждали такой роскоши, как гладкая кожа на всем теле. Все мужчины носили прозрачные плащи с пурпурной каймой... Эта одежда ныне вошла в моду у женщин. Встав на путь насилия ради роскошной жизни, они выгнали жителей Карбины из их домов, согнали мальчиков, девочек и женщин в храм и устроили там представление, выставив их обнаженными всем напоказ. Любой желающий мог, как хищник на жертву, наброситься на несчастных и удовлетворить свою похоть». Очевидно, богам не понравились подобные утехы, ибо однажды развратников поразила молния.

Каждому, кто хотел бы пропеть панегирик образу жизни древних греков, следует вспомнить трактат Гераклита Понтийца, ученика Платона, весьма оригинального мыслителя. В своем труде «О наслаждении» он объявляет роскошь прерогативой правящего класса, а тяжкий труд и скуку — уделом рабов и бедняков. Тот, кто ценит плотские утехы и роскошь, сильнее других людей. Жители Афин стали великим народом благодаря, а не вопреки сибаритскому образу жизни. С этим мнением Гераклита трудно согласиться, неизвестно, насколько верно он отразил истинное положение вещей, но не следует забывать, что рабов и бедняков тогда не считали за людей. Греки так почитали удовольствия, что полагали, будто все, что дарит радость, — добро, независимо от обстоятельств. Гедонизм греков отличался от гедонизма Джона Стюарта Милля.

Жители Колоны никогда не видели ни рассвета, ни заката, ибо на рассвете были *еще* пьяны, а когда солнце садилось — были пьяны *снова*.

Сарданапал, последний владыка Ассирии, сочинил для себя эпитафию: «Я был царем и, пока видел свет солнца, предавался еде и питью и воздавал должное радостям любви, сознавая, что человеческая жизнь коротка и подвержена переменам и несчастьям и другие соберут урожай от владений, что я оставляю после себя. Поэтому я не позволял дню пройти без того, чтобы пожить таким образом». Рассуждая в точности как автор Экклезиаста, он пришел к совсем другим выводам.

Аристобал так описывает памятник Сарданапалу в Анхиеапе: царь как будто щелкает пальцами правой руки. Надпись гласит: «Сарданапал, сын Анакинदारакса, воздвиг Анхил и Тарсис в один день. Еда, питье и другие забавы тоже его занимали». Оратор Лисий рассказывает о Альцибиаде и Аксиохе: «...оба они сожительствова-ли с Медонтией из Абидия. Позже она родила им дочь, про которую они объявили, что не могут сказать, от кого из них этот ребенок. Но, когда она достигла поло-вой зрелости, стали сожествовать и с ней, Альци-биад оправдывал радость обладания ею тем, что она дочь Аксиоха, и наоборот».

Клеарх приводит следующий рассказ о Дионисии Младшем, тиране Сицилии:

«Когда Дионисий добрался до своего родного города Локрия, он велел наполнить самый большой дом в го-роде тимьяном и розами, затем послал за молодыми женщинами, разделся сам и обнажил их и стал катать-ся с ними по кровати, творя все мыслимые непристой-ности. Вскоре после этого, когда оскорбленные мужья и отцы захватили жену и детей Дионисия, они застави-ли их совершить непотребства у всех на глазах и преда-лись с ними всем мыслимым и немислимым видам раз-врата. Удовлетворив свои желания, они загнали жерт-вам иголки под ногти и предали их смерти».

Страбон повторяет эту историю, добавляя, что в ком-нату запустили голубей с подрезанными крыльями и голых девушек заставили ловить их, обув в непарные сандалии, одну на низкой, другую на высокой подошве.

Деметрий из Палермо, который в течение многих лет был правителем Афин, «совершал тайные оргии с женщинами и еженощно предавался любви с юношами», придавая особенное значение своей внешности, красил волосы и употреблял краску для лица.

То, что наслаждение является истинным содержанием жизни, обосновывалось целым философским течением, которое возглавлял Аристарх, собственной жизнью доказывавший истинность своего учения и имевший в любовницах известную гетеру Лаю.

Большинство упоминаемых Афенаусом мужчин достойны жалости. Они относятся к категории бунтарей, и их оргии представляют собою попытку избежать чего-то более неотвратимого, чем просто ограничение условностей. Они не похожи на большинство греков, ибо здравомыслие у этого народа всегда преобладало. Они могли быть гедонистами, но у них хватало ума сознавать, что плотские удовольствия приедаются, если не чередуются с отдыхом и воздержанием.

Можно привести множество примеров, свидетельствующих о стремлении к невероятной роскоши и разврату в эллинском мире. Следует вспомнить греческую концепцию брака, их отношение к женщинам, которых они делили на матерей и шлюх. Вспомним, как греки относились к гетерам, эротическим играм, общественным оргиям и гомосексуализму.

Положение женщины не было одинаковым в разных уголках страны. Женщины вели жизнь изолированную и ограниченную, но если некоторых держали под замком в гинекеях и охраняли с собаками, то в Лидии, например, было принято, чтобы незамужние девушки зарабатывали себе на приданое проституцией.

Нет никаких сомнений в том, что физическая свобода греческих женщин была, с современной точки зрения, невыносимо стеснена. Греки считали, что женщина должна быть хозяйкой дома и матерью. Женщине не было места в общественной жизни, она не могла появляться без сопровождения на улице. Из этого вовсе не следует, что к женщинам относились, как к низшим созданиям. Прелюбодеяние мужчин считалось более терпимым, чем у женщин, поскольку греки осоз-

навали полигамные инстинкты мужчин и — теоретически — моногамные склонности женщин. Внебрачные сексуальные приключения допускались в том случае, если женщина не была свободнорожденной, но считались невозможными для жены или матери семейства. Все это странным образом напоминает викторианский взгляд на жизнь, присущее ему разделение на респектабельных женщин и куртизанок — «мать/шлюха». Разница в подходах двух миров состоит в том, что викторианство исходило из постулата, что секс не может быть навязан или принести удовлетворение с представителем собственного класса. Иное дело греки. Брак в Древней Греции, несмотря на очевидную порабощенность женщины, носил более цивилизованный характер, чем у викторианцев. Развод мог быть получен в случае взаимной несовместимости, что выгодно отличает его от современного понимания проблемы обществом. Между супругами, счастливыми во всяком случае, существовало настоящее влечение, они восхищались друг другом, делили обязанности. Об этом имеются подробные свидетельства в литературе. Пусть всякий, кто думает, что греческая женщина становилась рабыней из-за привязанности к дому, а греческий мужчина обращался с ней, как хозяин, прочтет описание встречи Гектора и Андромахи в «Илиаде» Гомера. Неверность среди мужей и — реже — среди жен, осуждаемая современной моралью, порождалась гедонистическим взглядом на жизнь и почти не угрожала браку.

Греки лучше, чем все их потомки, понимали, что мимолетную страсть к А. нельзя сравнивать с постоянной любовью к Б. Легкомысленные уловки жен, желающих обмануть мужей, стали материалом для комедий. Более того, в отличие от викторианцев греки знали, что ограничения, накладываемые на замужних женщин, как бы справедливы они ни были, создают напряжение, которое женщины будут стремиться время от времени разрядить. На эмоциональном уровне гречанки могли испытывать ревность и гнев из-за того, что мужья развлекаются с гетерами. Трудно было бы ждать от них иного, но они благоразумно мирились с этим явле-

нием, пусть даже подобный конформизм кажется нам циничным.

Гетеры не были лишь клапаном для выпускания излишнего пара. Греки скорее относились к ним, как к жрицам гедонистического культа. Разницу между положением гетер в Греции и проституток в современном обществе лучше всего можно проиллюстрировать двумя примерами. Жители Теспии, города, которому знаменитая гетера Фрина подарила потрясающую статую Эроса, сделали ответный жест, заказав Праксителю ее позолоченную статую. Она была установлена на площади между статуями царей, и никто не оскорблял этот памятник. На могильном камне Каллирои из Византии выбита следующая надпись: «Я была проституткой и дарила всем любовь, что я продавала. Я, Каллироя, опытная во всех видах сладострастия. Уколотый жалом любви Фома сделал эту эпитафию на моей могиле и тем выразил страсть, пылающую у него в душе, его сердце расплавилось и стало мягким, как воск». Гетер, которые стояли на более высокой ступени, чем обитательницы борделей, ценили и за интеллектуальные, и за физические достоинства, хотя мы допускаем, что одно могло помешать объективно оценить другое.

Гетеры часто участвовали в почитании Афродиты в Коринфе — городе, упоминаемом в греческой литературе в связи с развращенностью его жителей. Лихт говорил, что жизнь в столице «безудержна», а Афенаус писал: «Существовал обычай: когда в честь Афродиты молящиеся составляли процессию, в нее вовлекали как можно больше гетер, и они также молились богине и присутствовали при жертвоприношениях». Во многих городах существовала храмовая проституция, особенно в Коринфе, Абидии и на Кипре. Храмам иногда дарили девушек победители Олимпийских игр.

Страбон писал о храме Афродиты в Коринфе: «Храм Афродиты был так богат, что мог содержать более тысячи гетер, посвященных богине мужчинами и женщинами. Ради этих девушек собиралось множество паломников, так что город разбогател». (То, что Афродита, богиня любви, могла быть потаскухой, доказывает отсутствие у греков иллюзий относительно человеческой природы.)

Лукиан так описывает храм в Библосе: «В Библосе я также видел великий храм Афродиты и устраивавшиеся там оргии. Жители города верят, что гибель Адониса, убитого вепрем, произошла здесь, и в память об этом несчастье каждый год устраивают самоистязания, причитают, и скорбь царит по всей земле. Покончив с этим, они устраивают погребение Адониса, а на следующий день представляют, что он воскрес и вернулся на небо, в его честь бреют головы, как египтяне в честь Аписа. При этом все женщины, отказывающиеся срезать волосы, подвергаются наказанию. В определенный день они обязаны проституировать, и к ним допускаются только чужеземцы. Все это происходит в храме Афродиты».

Идея использовать секс в качестве наказания совершенно не свойственна грекам. Представление о том, что сексуальное влечение — волшебный дар, позволяющий войти в контакт с божествами, что за него необходимо благодарить богов и приносить им жертвы, соседствует у них с чувством, что и сам секс божествен и должен быть умиротворяем.

Почти так же обстояло дело у вавилонян, почитавших Милитту. По их закону каждая женщина была обязана раз в жизни явиться в храм богини и отдаться первому встреченному там чужестранцу. Геродот писал: «Многие женщины, гордящиеся своим богатством и не желающие смешиваться с простолюдинами, следуют в закрытых повозках в сопровождении служанок в храм... там они садятся и не возвращаются домой, пока кто-нибудь из чужестранцев не бросит ей на колени золотую монету и не совокупится с ней вне стен храма, но, бросая деньги, он должен сказать: «Я требую тебя во имя Милитты».

Гетеры были подругами великих людей — воинов, философов и художников. Когда Александр Великий разгромил Дария, он двинулся в Вавилон, захватил Сузы и затем вошел в Персеполис, бывшую столицу. Было дано представление, в котором ужасную роль сыграли гетеры. Их вела и подстрекала Таис, которая вступила в связь с самим Александром. Именно она предложила сжечь Персидский дворец, повела пьяную толпу к его

стенам и бросила первый факел. При этом они пели, играли на флейтах и танцевали.

Профессиональные гетеры участвовали в религиозных праздниках. Афродисия, хотя и не признанная официально, не становилась из-за этого менее популярной и праздновалась повсюду. То был праздник в честь Афродиты, и проститутки и гетеры всегда появлялись на нем. Специально для гетер устраивали праздник на Эгине, где Фрина вела себя совершенно свободно, что и описывает Афонаус: «Самой красивой была Фрина, но трудно было увидеть ее нагой, поскольку она носила обтягивающий хитон и не ходила в публичные бани. Но на празднике на виду у всех эллинов она снимала одежды, распускала волосы и входила в море. Она послужила Апеллесу моделью для Афродиты Анадиомены».

Многочисленные проститутки Коринфа отмечали Афродисию в собственной, особо бурной и сладострастной манере. Церемония, известная как «панникис», продолжалась всю ночь. Задуманный как религиозный обряд, праздник был в действительности пьянкой и развратом. «Лошадки Афродиты», почти обнаженные, продавали свое расположение за символическую плату, которую с радостью отдавали многие.

Праздник Афродиты Аносии, отмечаемый в Фессалии, отличался тем, что был целиком лесбийским. Детали нам практически неизвестны, но мы знаем, что эротическое бичевание (флагелляция) играло важную роль. Другими празднествами эротического характера были дионисии (близкие к римскому культу Либера) и линии, праздник виноделия. Устраивалось грандиозное пиршество на государственные деньги, через город проходила процессия танцоров в причудливых одеяниях, нимф, вакхантов и сатиров, которые грубо и откровенно шутили. В марте и апреле отмечали Элафиболион, или городские дионисии.

Хоры пели дифирамбы в честь Дионисия, прекрасные мальчики исполняли танцы, вечером люди на улицах предавались возлияниям. В отдаленных районах Греции, особенно на Кифероне, Парнасе и других островах, устраивались специальные дионисии для женщин и девочек. Ночью, переодевшись в вакхические костю-

мы и козы шкуры, с распущенными волосами, они собирались на ближайшей горе и разгоряченные вином, которое в других обстоятельствах употребляли крайне редко, принимались плясать и приносили жертвы. В оргии такие праздники переходили редко.

Пузоний, чьи заметки могут служить путеводителем по Древней Греции, пишет, что не понимал, что именно Гомер называл «плясками Пенопея», пока ему не объяснили, «кого афиняне зовут Фиадами».

«Эти Фиады — аттические женщины, которые каждый год вместе с женщинами из Дельф собираются на Парнасе и совершают оргию в честь Диониса. В их обычае плясать на дороге, ведущей из Афин, в других местах, одно из которых — Пенопей». Описывая Корицийскую пещеру, он говорит: «На вершинах, что выше облаков, эти Фиады беснуются в честь Дионисия и Аполлона».

Здесь следует остановиться на сущности дионисий, ибо они очень отличаются от других известных нам праздников плодородия. Греки любили объяснять свое возбуждение «одержимостью богами».

В отличие от римлян они скорее восхищались, чем повиновались, используя все средства, чтобы достичь «теолепсии», т. е. приблизиться к своим богам. Это объясняет, как грекам удавалось сочетать возлияния, пляски и совокупления с религиозным трепетом.

Вакхический культ греки считали облагораживающим, хотя современная психиатрия наверняка охарактеризовала бы его совершенно иначе, сведя к сексуальной оргии.

На оргиях греки снимали сексуальное напряжение. Осенью же праздновались таинственные Елисейские мистерии. Церемония длилась девять дней. В основе ее была идея умирающего и возрождающегося зерна — неясный намек на бессмертие человека.

В первые дни праздника совершались шествие к морю, ритуальные купания и очищения, не всегда бывшие приличными и скромными. На шестой день процессия покидала Афины, шла на Элизий. Участники, а их было несколько тысяч, увенчивали себя миртом и плющом. Они несли горящие факелы и колосья нового

урожаем. Когда они достигали Элизия, начинался праздник шумный и веселый, хотя и несколько грубый. Инцест был составной частью этого эзотерического ритуала.

Большинство церемоний, включающих обрядовое совокупление или другие оргиастические ритуалы, подразумевало и период воздержания.

Вот что мы знаем от Аристофана об аттической Тесмофории, единственном общенациональном празднике: «Все женщины, желавшие принять участие в празднике, были обязаны в течение девяти дней до него воздерживаться от сексуальных сношений. Умные жрецы выставляли это требование как знак почитания богов, хотя настоящая причина состоит, конечно, в том, что женщины, распаленные долгим воздержанием, могут раскрепощеннее участвовать в эротических оргиях. Чтобы укрепить себя в столь тяжком для них целомудрии, женщины клали в постель успокаивающие ароматические травы и листья, особенно *Agnus castus* и другие растения. Как пишет Фотий, в это время женщины ели чеснок, чтобы отпугнуть мужчин неприятным запахом изо рта».

Однако самыми великолепными, разнузданными и популярными были празднества в честь Афродиты. Именно она подарила грекам и их богам радости любви. Для греков любовь и красота были неразрывно переплетены и взаимозависимы. Афродита — еще и богиня Весны и цветов, особенно розы и мирта, которым она обвивает себя, когда гуляет по лесу. За ней следуют звери, они ласкаются к богине. Большинство афродисий устраивались именно весной.

На Кипре, острове, где так много цветов, фруктов и дивных ароматов, даров Афродиты, там, на берегу возле Пафоса, где родилась богиня, появился самый известный праздник. Изваяние богини с любовью купали в море и украшали цветами. Это делали девушки, которые специально омывали себя ради предстоящей любовной оргии в холодных ручьях, бьющих из-под кустов священного мирта и текущих по долинам, поросшим миндалем. Боги выражали их чувства, люди хотели походить на них в отличие от римлян, которые часто приписывали своим богам злые намерения. Религия гре-

ков основана на единении с богами, а не на слепом повиновении им. (Впрочем, Салюстиц пишет, что излишества предавались лишь на священных праздниках.) Статуи Афродиты олицетворяют всех женщин, все мыслимые виды женской красоты. Пожалуй, греков особенно привлекала нижняя часть тела женщины, и они с наивностью строили храмы Афродиты Каллипиги, богини с прекрасными ягодницами, и поклонялись ей с энтузиазмом, типичным для этого народа. Вот что пишет Афенаусу:

«У одного крестьянина было две красивые дочери, которые однажды стали спорить между собой, у которой из них красивее зад. Мимо проходил юноша, сын старого богача, и они выставили себя перед ним. Поглядев, он сделал выбор в пользу старшей. И влюбился в нее до беспамятства, а вернувшись в город, слег. Он рассказал о случившемся с ним младшему брату, и тот отправился в деревню поглядеть на девушек и тоже влюбился, но в другую. Отец пытался уговорить их на более подходящий брак, но потерпел неудачу и привез девушек, сговорившись с их отцом, и соединил сыновей с ними браком. Горожане прозвали девушек «прекраснозадыми», о чем писал в стихах Керидий из Мегаполиса: «В Сиракузах была пара прекраснозадых сестер». Получив огромное богатство, они основали храм Афродиты, назвав богиню «Прекраснозадой», о чем также сообщает Архелай».

Статую Афродиты Каллипиги можно увидеть в Национальном музее в Неаполе. Несомненно эротичная, но без малейшей вульгарности, малоромантичная и не вызывающая почтения, эта статуя позволяет мгновенно понять отношение греков к сексу и жизни.

Греческие Олимпийские игры были выражением восхищения человеческим телом и его возможностями. Современным людям, привыкшим всегда носить одежду, очень трудно понять тягу греков к наготы. Утверждение, что чувство стыда было порождено ношением одежды, а не наоборот, а белье появилось по гигиеническим и климатическим причинам, стало общепринятой точкой зрения. Греки понимали, что скрывать интимные части тела под одеждой — значит испытывать пре-

зрение или стыд за них. А ведь греки считали гениталии инструментом наслаждения и чудесного плодородия, они их почитали и испытывали к ним благодарность.

Нельзя не признать, что в играх была эротика, а восхищение атлетизмом переходило в жажду сексуальных утех.

В Мегарах весной устраивались диоклеи, игры в честь национального героя Диоклея. Там проходили состязания по поцелуям среди красивых мальчиков, которые описал Феокрит: «На его (Диоклея) могиле, как только приходит весна, дети соревнуются в поцелуях, и тот, кто сластнее прижимает свои губы к другим губам, возвращается к матери, увенчанный венком».

В Спарте, где образ жизни и взгляды людей заметно отличались от остальной Греции, ежегодно устраивались гипнопедии — пляски обнаженных мальчиков в честь спартанцев, погибших на войне. Мальчики не только плясали, но и показывали гимнастическое представление. К этому празднику, столь далекому от малейшего расслабления, относились с таким благоговением, что предпочитали его всем другим.

Победитель Олимпийских игр, возвращаясь в родной город, становился героем чествований и празднования. Он входил в ворота, увенчанный венками, ему пели песни, на рыночной площади воздвигали его статую. Он навечно становился почетным жителем. Его триумф сравним с возвеличиванием римских полководцев — это трудно не признать.

В Греции все религиозные и светские праздники сопровождались танцами. Конечно, танец в его современном виде тогда не существовал. Греки в танцах выражали свои мысли и чувства (и достигали состояния катарсиса). Существовали и эротические танцы, не связанные с религией, в том числе знаменитые сиккийий и кордекс. Оба танца мы сегодня признали бы непристойными, в них было слишком много откровенных движений и поз, танцующие сбрасывали всю одежду. Одновременно представлялись сцены о сатирах под будоражащую мелодию флейт.

Во время застолий и мужчины и женщины-виночерпии обычно плясали. Сладострастие приветствовалось,

но отсутствие изящества и потеря самоконтроля осуждались и презирались.

У правителя Сикиона Клейсфена была дочь, Агариста, чья красота была так совершенна, что мужчины более года осаждали его дом. Он серьезно испытывал каждого.

Гипоклейд был признан лучшим из всех, и в последний день в доме устроили пир, где женихи демонстрировали музыкальность и умение вести себя. Выпивший слишком много Гипоклейд показал соблазнительный танец и зашел так далеко, что встал на голову на столе и начал болтать ногами в воздухе. Его гипотетический тест потерял терпение и объявил, что тот протанцевал свою невесту. Незадачливый исполнитель ответил, что ему все равно, и, смеясь, покинул зал.

Сдержанность и достоинство были самыми важными качествами в глазах греков. Во время пиров среди виночерпиев преобладали мальчики. То, как преподносилась чаша, считалось великим искусством. Ксенофонт считал, что лучше всех им владеют персы. Лукиан рассказывает в этой связи интересную историю.

«Я увидел прекрасного юного раба, назначенного виночерпием, который стоял позади Клеодемия и улыбался. Мне захотелось узнать причину, я стал пристально наблюдать за ним, и вскоре, когда прекрасный Ганимед подошел забрать чашу у Клеодемия, я заметил, как он погладил палец мальчика и вложил ему в руку пару драхм. Мальчик улыбнулся в ответ на ласку, но не заметил денег. Монеты со звоном упали на пол, и оба — философ и мальчик — густо покраснели».

Клеодемий отрицал, что это его деньги, мальчик — тоже, но хозяин дома решил удалить виночерпия. Позор Клеодемия заключался в неспособности его, философа, контролировать свои эмоции и прямом обращении к рабу.

Хотя женщины редко бывали виночерпиями, девушки-рабыни и гетеры присутствовали на пирах. Когда опьянение достигало определенной степени, в обязанности рабынь входило выливать вино на землю.

Плясуньи и флейтистки не только удовлетворяли

сексуальные требования пирующих. Они развлекали гостей и иными способами.

Филарх говорит, что народ Колофона «издал закон, который в силе и в наши дни, он гласит, что флейтистки, арфистки и другие затейники могут получать плату с раннего утра до середины дня, и позже, пока не зажгут светильники...». Феопомпий говорит о фессалийцах: «Одни проводят жизнь среди плясуний и флейтисток, другие — в играх, винопитии и другом расслаблении».

Кардийцы, возможно, для разнообразия, «научили лошадей плясать во время пирушек под аккомпанемент труб, поднимать задние и махать передними ногами». Этот фокус обернулся против них самих, ибо их враги выкупили кардийских флейтисток, те научили их музыкантов мелодиям «лошадиных» танцев, и, когда началось сражение, кардийская кавалерия была внезапно выведена из строя знакомой музыкой.

Страх, что роскошь может ослабить военную мощь и безопасность, был главным доводом против нее.

Поликрат, тиран Самоса, был свергнут из-за склонности к удовольствиям. По Клеарху, «Поликрат, тиран Самоса, был низвергнут из-за беспорядочного образа жизни, при этом он подражал изнеженным лидийцам. Он устроил в городе знаменитый «район», соперничавший с парком «Сладкое объятие» в Сардах. Завидуя роскошным цветам Лидии, он сплетал цветочные гирлянды из растений Самоса. Проходы между домами кишели женщинами-«профессионалками». Поликрат предпочитал пищу, способствующую возбуждению чувственности. Цветы тоже расслабляли мужчин и женщин. Когда город был погружен в праздничное веселье и пьяную оргию, персы атаковали и захватили его».

Лакедемоняне (спартанцы) заботились о физической форме армии, заставляя солдат раз в неделю маршировать голыми, чтобы обнаружить толстые животы или другую распушенность. Раз в неделю проверяли, не слишком ли мягки матрасы, не подорвут ли они моральный дух войска.

Рассуждения Афенауса о нации не так интересны для нас, как портреты отдельных людей, например

Дионисия Сицилийского и Сарданапала. О последнем Ктезий рассказывает следующее. Мидиец Арбейс захотел побеседовать с Сарданапалом и получил аудиенцию. «Когда мидиец вошел, он увидел царя, чье лицо было закрыто белым покрывалом, на нем были женские украшения, он чесал шерсть, сидя с поднятыми коленями, в обществе наложниц. На нем была женская одежда, веки были подкрашены, лицо натерто пемзой. Глянув на Арбейса, он закатил глаза». Существует несколько версий смерти этого царя. По некоторым, Арбейс, охваченный яростью и негодованием, что такой человек — его царь, напал на него. По другим сведениям, он умер в своей постели. Был возведен громадный погребальный костер, в который бросали его наложниц, царицу, сокровища и одежду. Костер горел пятнадцать дней, возбудив массу толков.

Греки были убеждены в андрогенной сущности человека. Многие мужчины появлялись на людях в женской одежде, будучи во всем остальном вполне мужественными. Этот обычай существовал и в повседневной жизни, и в праздничной. Во время оскофории, отмечаемой в месяце пианепсионе (ноябрь—декабрь), получившей название от слова оскоя — гроздь винограда, лозу несли два красивых мальчика, одетых как девочки. В Матии на Кипре почиталось двуполое божество, во время обряда юноша ложился в детскую кроватку и подражал крикам роженицы. Так устраивали праздник в честь Ариадны, которая приплыла на остров вместе с Тезеем и умерла родами.

Рассказывая о переодевании, следует упомянуть фригийцев Андрокотия и Сагариса Мариандинианского. Последнему «до глубокой старости пищу разжевывала нянька, ибо он не желал беспокоить себя жеваньем и никогда не опускал руки ниже пупка». Аристотель шутит по поводу Ксенократа из Халцедона, который молчал, не касаясь рукой своего члена, и цитирует: «Мои руки чисты, а помыслы порочны!»

Вера в двуполость человека проявляется в обычных на эротических праздниках флагелляциях, которые у греков в отличие от римлян не вызывались чувством вины.

Феопомпий, автор «Истории царя Филиппа», пишет, что «Стратон, царь Сидона, превзошел всех людей в наслаждениях и роскоши. Стратон обычно устраивал вечеринки с флейтистками и арфистками, ему привозили множество куртизанок с Пелопонесса, певичек из Ионии и девушек из всех уголков Греции, среди которых тоже были певицы и танцовщицы. У него вошло в привычку устраивать их состязания перед приятелями, в их обществе он проводил все свое время, радуясь такой жизни, ибо по природе своей был рабом удовольствий. Кроме того, он мечтал превзойти Никоклея в разврате и снобизме, они ревновали друг друга к молве».

Феопомпий упоминает и другого любителя роскоши, царя Котия. Странствуя по стране, он устраивал пиры под открытым небом. Однажды Котий дал роскошный пир, заявив, что Афина выйдет за него замуж. «Воздвигнув брачный шатер, Котий ожидал богиню, погрузившись в пьяный кутеж. Потеряв разум, он послал стражника посмотреть, не прибыла ли богиня. Когда бедняга вернулся и объявил, что в шатре никого нет, Котий убил его, так же убил он и второго вестника, и только третий благоразумно известил, что богиня давно появилась и ждет. Однажды этот царь в припадке ревности собственноручно зарезал жену, начав с гени-талей».

Кар, афинский полководец, брал с собой в походы флейтисток, арфисток и проституток и тратил на них часть денег, предназначенных на ведение войны, некоторых он потом отсылал в Афины для развлечения обедневших или преследовавшихся законом граждан. Это сделало Кара очень популярным среди населения, «ибо они вели такой же образ жизни, юноши все время проводили среди флейтисток и в борделях, а те, кто постарше — в пьянках и дебошах, транжиря деньги. Правители тратили больше денег на общественные пиры и раздачу продовольствия, чем на управление государством». Так пишет Феопомпий.

Гераклид Понтийский в книге «Об удовольствии» говорит о Фемистокле, что «когда еще афиняне не при-страстились к попойкам и общению с проститутками, он запрягал куртизанок к себе в колесницу и ехал по

заполненным улицам». Этот рассказ слегка путает Идомен, оставляя открытым вопрос, были ли гетеры запряжены или просто сидели в колеснице Фемистокла. Подобные же гадости рассказывают о Марке Антонии.

Греки даже военные кампании считали не такими важными, как удовольствия, дарующие радость жизни. Какой яркий контраст с современными политиками, обожествляющими военную силу. Сам Александр Великий имел пристрастие к роскоши.

Во время пиров он любил забавляться танцами и музыкой, пил неразбавленное вино, вовлекал в разгул окружающих. Александр любил переодеваться в маскарадные костюмы богинь, иногда надевал рога, представляя египетского бога, а иногда носил платье Артемиды. Очень часто Александр «надевал львиную шкуру и вооружался палицей, подражая Гераклу, или облачался в костюм Гермеса. Обычно Александр носил пурпурный плащ всадника, пурпурную тунику с белыми полосами и македонскую шляпу с царской лентой. В Эктобанах царь устроил праздник в честь Дионисия, на котором сатрап Сатрабат оказывал гостеприимство всей армии».

Историк Кар пишет, что, когда Александр «разгромил Дария.... он устроил свадьбы себе и ближайшим друзьям. В одном месте было сооружено девяносто два брачных покоя. Сотни лож были украшены брачными покрывалами, на каждое пошло не меньше двадцати мин серебра — Александр же покоился на золотом. Все друзья царя получили приглашение на пир и возлегли напротив царя и других женихов. Все вокруг было пышно задрапировано дорогими тканями, под ногами — пурпурные и малиновые ковры, вышитые золотом. Шатер поддерживали золоченые и посеребренные колонны высотой в пятнадцать метров, украшенные самоцветами. Свадьбы длились пять дней, множество слуг обносили пирующих яствами».

Поликлет из Ларис сообщает, что в лагерь Александр всегда возвращался в сопровождении флейтистов обо-его пола, с которыми потом пил до заката.

Свадьба всегда была поводом для пира, но одна выделялась особым великолепием — женитьба Корана из

Македонии. Подробное описание приводит Афенаус. Двадцать гостей ели, пили и развлекались, они получили от радушного хозяина множество подарков, в основном блюда и кубки с яркой отделкой. После закуски — цыплят, уток, вяхирей, гусей, зайцев, козлят, необычных пирогов, голубей, горлиц, куропаток и «множества другой дичи», когда «все покончили с трезвостью, вошли флейтистки, певички и исполнители на самбуках с Родоса. Девушки казались совершенно нагими, хотя кое-кто утверждал, что на них туники». (Это могли быть знаменитые изделия мастеров Коса, которые научились достигать в своих тканях прозрачности паутины; их отвергали нудисты, их же вождедели модники. В огромном количестве эти ткани экспортировали в Рим.)

После закусок подали на «серебряном блюде с толстой позолотой огромную свинью. Она лежала на спине, в раскрытом животе ее были зажаренные дрозды, утки и бесчисленное количество мелких певчих птиц, гороховое пюре с яичным соусом, устрицы в раковинах гребешков... За этим ошеломляющим чревоугодием снова следовали развлечения. Появились танцоры, клоуны, обнаженные акробатки и фокусницы, «кувыркавшиеся среди мечей и выдувающие огонь изо рта». Еда опять сменяла представление, а вино — голых девушек. Нам были предложены теплые тонкие вина Фасоса, Лесбоса и Мидии. Каждому гостю подали очень большую золотую чашу. Когда угощали рыбой, дарили хрустальные блюда, потом снова появились танцовщицы, одетые nereидами и нимфами, и череда живых Купидонов, Диан, Панов и Гермесов с факелами в серебряных оправах. Гости, как ни странно, были еще живы. Один из них свидетельствует: «Чудо заключалось в том, что хотя мы накачались вином и расслабились, стоило нам все это увидеть, и мы протрезвели настолько, что сумели встать на ноги». Им предстояло выдержать еще одно испытание: кабанов, насаженных на серебряные вертела. Затем их с дарами отпустили домой «вполне трезвых... свидетели боги! — ибо беспокоились за безопасность уносимых ценностей».

Собственно говоря, то была гастрономическая оргия,

но свадьбы возбуждают в гостях эротические мысли, так что сексуальная природа не подлежит сомнению.

Все источники свидетельствуют, что Александр был очень привержен питью, хотя в Древней Греции алкоголизм в крайних формах встречался редко. Впрочем, Дионисий Сицилийский смотрел на мир через мутное стекло этого порока, однажды его запой длился девятью днями. Нисай, став тираном Сиракуз, стал есть и пить так, «как если бы он опасался серьезных обвинений и ему оставалось жить несколько месяцев». К тому времени, когда его отравили, он стал развратен в исключительной степени и вовлек в оргии и женщин и мальчиков. Сицилийцы вообще славились жадностью к еде и питью. На Платона это произвело неприятное впечатление, он отмечает: «Жизнь там никоим образом меня не удовлетворяла: представьте себе необходимость обедаться дважды в день, невозможность провести ночь одному, уж не говоря обо всем остальном». Диотимий из Афин заработал кличку «воронка», поскольку «часто вставлял в рот воронку и пил непрерывно, пока не кончалось вино».

Жестокое насилие над поработанными жителями со стороны армии-победительницы было свойственно неэллинскому миру. Так, скифы, жившие на границе с греками, «распробовав вкус излишеств», по сообщению Киарха, «зашли так далеко в своей дерзости, что стали отрезать носы у мужчин на захваченных землях... а их женщины наносили татуировки на тела женщин фракийских племен, живших возле них к западу и северу, выполняя рисунок иглами».

Сравните это с историей Дионисия и девушек Локриды (см. выше). Это уже не захваченные в плен люди, а предметы, но Дионисий выступает как индивидуалист, а не как «конформист». Он возбуждался, растаптывая чужую мораль.

Может возникнуть вопрос: зачем грекам оргии при столь здоровом, гедонистическом мировоззрении? Почему они не «выпускали пар», сексуальное напряжение в обыденной жизни? Ответ достаточно прост: жизнь греков была очень уравновешенна, они не позволяли одной ее стороне перечеркнуть радость другой. Женитьба

обещала чувственные удовольствия, но одновременно ставила вопрос о продолжении рода, правильном воспитании детей. В «Одиссее» Нестор просит Афины быть благосклонной и одарить славой его, детей и любимую жену. Греки полагали, что неограниченная сексуальность не удовлетворит никого, но уничтожить может многое. Даже такие праздники, как дионисии, устраивались строго определенное количество раз. При всей своей наивности греки были весьма практичны и знали, что следует время от времени приоткрывать предохранительный клапан, чтобы спасти котел. Более того, они знали, что гедонизм вовсе не есть наслаждение мгновением. Подоплека оргии достаточно проста: любой человек — наполовину животное, наполовину божество, и обе эти ипостаси находятся в постоянном конфликте между собой. Супруга неприкасаема в качестве партнерши по сексу, поскольку ведет дом и рождает детей.

Некоторая изоляция женщин провоцировала гомосексуальность, это же проявлялось позже в мусульманских странах.

Любовь между юношей и более взрослым человеком считалась желательной, поскольку могла оказать положительное влияние на поведение первого. Полагали, и не без основания, что желание быть привлекательным влияет на достижения молодых.

Греки были одной из двух великих цивилизаций, которые сделали оргии принадлежностью национального поведения, официально признанным способом «выпускания пара». Иными были римляне.

Глава вторая

РИМЛЯНЕ

Трудно вообразить бо́льшую разницу, чем та, что существует между жизненной философией римлян и греков.

Как мы говорили выше, греки испытывали тягу к жизни, изящной во всем — в еде, одежде и в сексе. Но греки умели и считали нужным контролировать свою сексуальность, а у римлян сексуальность стала главенствовать, они отдались ей полностью, и ею же были уничтожены.

Сексуальная жизнь греков была на удивление свободна от извращений. (Я исключаю гомосексуальность, поскольку в ее основе не лежит ошибочное понимание сексуальности.) Здоровье или нездоровье в сексуальной жизни цивилизации легко обнаружить в ее литературе, и римляне здесь заслуживают самого сурового осуждения, а вот греки совершенно чисты. Я думаю, что большинство несчастий, вызываемых сексуальными проблемами, связаны с отказом от активного секса, так что секс всегда — основа счастья.

В литературе греков много ссылок на гомосексуальную любовь, но она всегда идеализируется, приукрашивается, одевается тайной. В целом и мировоззрение состоит в приятии и восхищении возможностями чисто чувственных удовольствий, интеллектуальное и физическое наслаждение не смешиваются (поскольку это неизбежно нанесло бы ущерб тому или другому). В литературе же римлян изначально присутствует жестокость, отражающая реальную жизнь. Римляне жадно искали наслаждений и одновременно стремились к саморазрушению.

Конечно, и греками порой овладевала агрессивность, но садизм был для них неприемлем. Оргиастические

праздники вроде дионисий не только помогали достичь «теолепсии», но и хранили от проявлений разрушительных эротических инстинктов.

Близостью богов объясняли древние то, что не могли ясно истолковать. Многие желания человека были непонятны ему самому, но оргии снимали излишнее напряжение, а потому почитались «даром богов».

Немногие позволяют темным инстинктам овладеть их душами, но оргии таким людям противопоказаны. Римляне не желали бороться с собой, но обожали оргии.

Трудно поверить, что могут найтись особи, получающие сексуальное удовлетворение от вида чужих страданий, пыток и даже смерти, но, увы... их достаточно много.

Розенбаум пишет, что многие проститутки («История сифилиса») собирались в борделях возле Большого Цирка, чтобы завлекать возвращающихся после игр мужчин. Те были до предела возбуждены боями гладиаторов, видом и запахом крови, рычанием диких зверей.

Римляне были крайне изобретательны по части пыток и мучений. Любовь к публичному наказанию плетью заставила потомков считать римлян извращенцами. Римлянам недостаточно было убить врага, сначала он должен был испытать боль, как можно больше боли. «Бей так, чтобы он чувствовал, что погибает», — произнес однажды Калигула. Вы скажете, что не стоит цитировать эпилептика и лунатика, но история свидетельствует, что Калигула отнюдь не был оригинален. Римляне владели рабами и обращались с ними ужасно, как мужчины, так и женщины.

Ювенал обличает женский садизм.

Стоит труда изучить хорошенько, что делают жены,
Чем они заняты целые дни. Если ночью ей спину
Муж повернет — беда экономке, снимай гардеробщик
Тунику, поздно пришел носильщик будто бы, значит,
Должен страдать за чужую вину — за сонливого мужа:
Розги ломают на том, этот до крови исполосован
Плетью, кнутом (у иных палачи нанимаются на год).
Лупят раба, а она себе мажет лицо да подругу

Слушает или глядит на расшитое золотом платье;
Порют — читает она на счетах поперечные строчки;
Порют, пока изнемогшим секущим хозяйка не крикнет
Грозное «вон!», увидав, что закончена эта расправа.
Домоправленье жены — не мягче двора Фалариса.
Раз уж свиданье назначено ей, должно нарядиться
Лучше обычных дней — и спешит к ожидающим в парке
Или, быть может, скорей, у святилища сводни — Исиды.
Волосы ей прибирает несчастная Псека — сама-то
Вся растрепалась от таски, и плечи и груди открыты.
«Локон зачем этот выше?» — И тут же ремень наказует
Эту вину волоска в преступно неверной завивке.

Ища причину странной жестокости общества, естественно обратиться к системе образования. Детей и подростков часто жестоко пороли, как будто готовя к взрослой жизни. Как и две тысячи лет спустя, жестокость по отношению к детям лишь еще больше развращала общество. Следует спросить себя: является ли подобная порочная система образования причиной или следствием болезни общества.

Игры становились все более жестокими, а нравы — изнеженными по мере снижения военной активности. Очень долго римляне выплескивали жестокость и ярость на полях сражений. Когда же наступил мир, обнаружилось, что победить темные инстинкты очень трудно, почти невозможно. Постепенно жестокость была перенесена римлянами на сексуальную сферу жизни.

Каждый человек обладает сексуальной фантазией, почти всех можно развратить, ничто не прививается так быстро, как мазохизм и садизм. Августин рассказывает следующую историю:

«Молодой христианин жил в Риме и был школяром. Он долго избегал ходить в Цирк, но наконец друзья затащили его туда. Он говорил, что они могут завлечь его тело, но не душу, ибо он будет сидеть с закрытыми глазами, а значит, отсутствовать. Так он и сделал, но ужасный крик пробудил его любопытство и заставил открыть глаза. Душа его оказалась уязвлена, он пал, ибо вид крови пробудил в нем жестокость, он не мог отвести взгляд, опьяненный кровью. Должен ли я продол-

жать? Уйдя, юноша унес с собой безумие, которое заставит его вернуться в Цирк».

В основе садомазохизма лежит идея тождества насилия и соития. Человек решает, что, во-первых, в сексе есть нечто преступное, несправедливое, а во-вторых, что активные партнеры всегда нападают на пассивных. Те в свою очередь, желая отомстить, отвечают тем же.

Подобная логика свидетельствует о сбое в сознании: мазохист решает, что должен пожертвовать своей сексуальностью во имя спасения души партнера.

Я думаю, то, что римляне были привержены садомазохизму в сексе, не означает, что они были жестоки по природе своей. Никто не свободен от животных инстинктов, но человек не может быть только зверем либо только Богом.

Римское общество было рабовладельческим. Одни люди жили за счет других, возможно, не осознавая этого, но чувствуя постоянную угрозу своему миру.

Это вовсе не фрейдизм. Римляне были похожи на азартных игроков, желающих выиграть, но всегда боящихся проигрыша, при том, что самое большое наслаждение приносят страх и чувство опасности. Римляне не были гедонистами, хотя и любили роскошь, в их психологии превалировало стремление к самоубийству.

Недопустимо считать, что все римляне были настоящими садистами. Но образ жизни высших слоев общества породил понятие упадничества.

Почти всем богам, даже пришедшим в Древний Рим из других стран, римляне придавали человеческие черты, в том числе и в половой сфере.

Венера, богиня любви, была хранительницей брака, ей поклонялись матроны — матери семейств. Но одновременно Венера была патронессой «меретрис» — проституток. Венера считалась также прародительницей всех римлян и представляла в образе Вертикордии — охранительницы сердец от распущенности. Почитать Венеру — Вертикордию — начали в 114 г. до н. э., когда трех весталок осудили на смерть за связь с мужчинами. День Венеры — покровительницы проституток, прозванной Волгивага (гулящая), праздновали 23 апреля

(так пишет Овидий, но, к сожалению, не сообщает подробностей).

Приведенный нами пример свидетельствует, что культ любого бога у древних римлян мог видоизменяться. Полагают, что с именем Венеры связано и почитание Фортуны Вирилис, когда женщины низших сословий «усплаждали неприкрытые части мужского тела». Как это далеко от эллинской утонченности! Богом плодородия был Либер, в его честь отправлялись фаллические культы. Большие деревянные фаллосы торжественно провозили на повозках по городу и окрестностям, после чего матроны украшали их. Августин пишет: «Варрон в том числе сообщает, что обряды в честь Либера совершаются в Италии на перекрестках дорог, при этом распущенность доходит до того, что поклоняются мужским гениталиям открыто, иступленно предаваясь разврату. В городе Ланувииум праздник Либера длился целый месяц, и все это время жители употребляли самые позорные слова. Потом фаллос вновь устанавливали на рыночной площади — до следующего года. Обязательной частью праздника было возложение венка самыми благородными и уважаемыми матронами на этот тотем. Римляне верили, что Либер бережет урожай, отводит злой глаз от полей, если замужние женщины прилюдно совершают то, чего не сделает даже шлюха». Кифер утверждает: «То, что Либера чествовали благородные женщины, означало, — это не распутство, но старинный обычай религиозного характера».

Кифер рассматривает фаллос как амулет от сглаза, пытается лишить его сексуального смысла.

«Иногда фаллос устанавливали на городских воротах как амулет от болезней. Иногда — делая под ним надпись: «Здесь обитает счастье». Это вовсе не означало какого-то особого сексуального счастья, просто фаллос своей магической силой изгонял несчастья людей».

То, что Кифер так ошибается, не странно. Фаллос действительно может принести мужчинам, женщинам счастье вполне определенного вида, и чудесная природа этого дара казалась древним магической.

Кифер говорит, что в запасниках разных музеев скрывают от посетителей амулеты-фаллосы: «Современни-

ки смотрят на эти вещи, почти как блаженный Августин, не отдавая себе отчета в исходном значении символа».

Трудно справиться с мыслью, что современный человек прав, как, впрочем, и святой Августин, а Кифер в своих умозаключениях ошибается.

Приап, бог садов, всегда был связан с фаллосом. Вначале его изображали в виде громадного фаллоса с человеческой головой, руками и ногами. Очень скоро воображение человека превратило его в сексуальное божество. Приапа почитали чисто эротически. Из известного собрания латинских стихов «Приапея» мы узнаем, что фаллос Приапа часто служил орудием наказания. Почти во всех стихах есть садистские мотивы. В «Сатириконе» Петроний насмехается над культом Приапа, когда описывает дефлорацию Панникисье, семилетней девочки, Бетоном, мальчиком чуть постарше.

Культ вакханалий возник в Южной Италии и быстро распространился на севере. С этими праздниками связаны вспышки истерии и бурной сексуальной активности. Официально власть это не одобряла. Как свидетельствует Ливий, поначалу к ним относились довольно терпимо:

«Вы хорошо знаете, сограждане сенаторы, что вакханалии, которые давно распространились по Италии, теперь процветают и в Риме: вы знаете о них не по слухам, но по шуму и крикам, будящим город по ночам».

То, что большинство римских граждан относились к вакханалиям неодобрительно, мы знаем тоже из рассказа Ливия:

«Молодой человек по имени Эбиций вступил в связь со свободной женщиной Ниспалой, которая когда-то была шлюхой с ужасной репутацией. Его мать и отчим хотели — из-за денег — разрушить эту связь и принудили его участвовать в вакханалиях. Мать позвала юношу и сообщила ему, что, пока он болел, она дала обет посвятить его Вакху. Поэтому ему надо десять дней воздерживаться от соитий, чтобы подготовиться к инициации. На одиннадцатый день, после ужина и омовений, мать должна была отвести сына к месту поклонения.

Когда Ниспала узнала (или догадалась) о планах матери Эбиция, — он предупредил, что проведет несколько ночей один, — то пришла в ужас и заявила, что лучше им вместе умереть, чем ему совершить подобную глупость. Объясняя любовнику свои чувства, она рассказала, что в бытность рабыней сопровождала свою хозяйку к месту сборищ поклонников Вакха, где они предавались распутству. Если в руки безумных попадался юноша моложе двадцати лет, его отдавали в руки жрецу, как жертвенное животное. Его выводили на площадку, воздух дрожал от криков, пения, барабанного боя и звуков цимбалов... так что воплей жертвы никто не слушал.

Вернувшись домой, Эбиций сообщил родителям, что отказывается от посвящения, они впали в ярость и выгнали его из дому. По наущению тетки он предстал перед консулом Постумом и сообщил свое дело.

Консул, убедившись, что юноша не лжет, послал за Ниспалой и учинил ей допрос. Вначале она от страха все отрицала, но потом открылась.

Женщина сказала, что в самом начале в святилище допускали только женщин. Три дня в году были отведены на инициации. Замужние женщины по очереди исполняли обязанности жрицы, но однажды женщина из Кампаньи изменила ритуал якобы по воле богов и начала с инициации своих сыновей. Когда обряд стал доступен всем, мужчинам и женщинам, расцвела распущенность, мужчины совокуплялись между собой, превосходя в аморальности женщин. Тех, кто сопротивлялся или был пассивен, приносили в жертву, как диких зверей. Главный завет «гласил» ни о чем не задумываться. Мужчины пророчествовали в экстазе, корчась от вожделения. Переодетые вакханками женщины распускали волосы и бежали к Тибру с горящими факелами в руках: они опускали их в воду и вынимали, а те не гасли, так как были пропитаны серой. На мужчин устраивали облавы и затаскивали их в темные пещеры, крича: «Боги забрали его!» Так поступали с теми, кто отказывался дать клятву участвовать в оргиях или подвергаться насилию. В секте было множество членов, в том числе мужчины и женщины благородного происхождения.

Консул запросил у сенаторов согласие на полное расследование, и они его дали. Позже он представил сенату отчет: «Много у них приверженцев среди женщин, они и были причиной всех бед. Но многие мужчины подобно женщинам участвуют в оргиях, их растлевают фанатики, доведшие себя до безумия вином, бдениями и воплями.

Узнай вы, в каких летах юношей подвергают инициации, вы бы почувствовали не только жалость к ним, но и стыд. Верите ли вы, сограждане, что юноша, давший там клятву, может быть солдатом? Можно ли доверить оружие тем, кто побывал в позорном капище? Станут ли они, отягощенные своими, да и чужими, грехами, сражаться и защищать честь ваших жен и детей? Все, что порождает похоть, ложь и дикость, свершалось в последние годы в том святилище. Зло становится сильнее с каждым днем. Оно угрожает благополучию всего Рима».

Консул продолжал, сообщив, что предлогом для преступления выставили волю богов, и он был прав. Описанные выше вакханалии были уродливым, искаженным подражанием греческим дионисиям. Римляне были изобретательнее греков, и это подвело их. Оргиастическое действие перестало быть очистительным, оно превратилось в наркотик. Повышенная сексуальность римлян заставила их покуситься даже на богов — именно им приписывали волю, побуждающую совершать извращения.

Преследования по делу Эбиция затронули семь тысяч человек. Некоторые были наказаны, многие пытались скрыться из Рима, чтобы избежать огласки и суда. Завершил дело Указ сената от 186 г. до н. э. (его текст дошел до нас на бронзовых табличках), который навечно запрещал вакханалии на территории Рима и всей Италии. Допускались исключения, но только с разрешения претора.

Власти вмешались не из моральных побуждений, но потому, что не желали мириться с существованием сообщества, которое в будущем могло бы угрожать безопасности государства.

Вакханалии начинались как невинный культ вина и

виноделия, но эротическая их составляющая очень быстро стала доминирующей. Люди научились возлагать на плечи богов ответственность за свои действия, запреты исчезали, а боги, переставая быть первыми среди равных, становились идолами.

Легче всего привились римские извращения у этрусков, издавна славившихся легкомыслием и любовью к роскоши. Афениус из Науклии оставил нам подробное описание их сборищ и игр. На пирах, отмечает он (Депинософист, IV, 39), этруски украшали цветами лежа и тяжелые серебряные чаши для возлияний.

«Тимей в своей первой книге сообщает, что у фантастически изнеженных этрусков рабыни прислуживают мужчинам обнаженными. И Феопомпий в сорок третьей книге своих «Историй» пишет, что в обычае этрусских женщин заботиться о своем теле и предаваться любви с мужчинами, иногда со многими сразу, для женщин нет бесчестья в демонстрации наготы. Обедают они не с мужьями, но с любым мужчиной, и угощают вином любого, кого сами пожелают. Они очень склонны к пьянству, но при этом весьма хорошо выглядят. Этруски растят всех рожденных детей, не зная, кто чей отец. Дети же учатся на примере взрослых, вступая в связь с кем попало. Этруски не стыдятся предаваться утехам в публичных местах, и если гость спрашивает хозяина дома, а тот совокупляется в этот момент с женщиной, то не стыдится сообщить об этом в непристойных выражениях. Когда они собираются с друзьями или семьей, то поступают следующим образом: слуги приводят им проституток, красивых мальчиков, а иногда и жен; после того как они наслаждаются, им предоставляют развратных юношей, и те ублажают их. Они занимаются любовью иногда даже на виду друг у друга. Но в большинстве случаев вокруг лож устанавливаются ширмы из деревянных решеток, на которые бросают одежду. Этруски охотно вступают в связь с женщинами, но еще больше любят мальчиков и юношей. В этой стране подростки очень хороши, поскольку живут в роскоши и холят свои тела. Все варвары, живущие на западе, удаляют волосы с помощью смоляных пластырей и бритвы. У этрусков во многих лавочках, где мастера удаляют

клиентам волосы, посетители открыто предаются разврату, не стыдясь зрителей-прохожих. Этот обычай распространен и среди греков, живущих в Италии, — они переняли его у самнитов. Стремясь к роскошной жизни, этруски месят тесто, боксируют и устраивают порки под аккомпанемент флейты».

То, что этрускам был известен вакхический культ, убедительно подтверждают настенные росписи в Тарквинии и Чузии. Как пишет автор «Прошлого и настоящего Этрурии» М. А. Джонстоун, «в Тарквинии в «Гробнице надписей» есть изображение буйной вакхической пляски. Танцоры обнажены, на ногах — высокие длинноносые башмаки. Очень редко пляшущие одеты в набедренные повязки или куртки, ожерелья и венки на голове подчеркивают ритм движений. Слуги, разносящие сосуды с праздничным вином, смешиваются с танцорами, музыканты играют на свирелях, кто-то боксится, кто-то боксирует».

«Гробница леопардов» названа так из-за фрески на фронте: два леопарда охотятся на свою жертву, а ниже, на ложах занимаются любовью юноша и девушка.

Очень похожи на вакханалии обряды поклонников культа Кибелы, хотя эти действия были гораздо более низменными.

Во многих религиях самобичевание являлось частью обряда. Те, кто поклонялся Кибеле, были мазохистами, причем воинствующими. Общеизвестен постулат, что моральна в жизни только пассивность, в том числе и в сексуальных отношениях. Пассивное — чистая женское — начало означает добро, а агрессивное, мужское — зло, значит, мужественностью следует пожертвовать, если ищешь спасения. Кликушествующие жрецы Кибелы возвели идею в абсолют. Возможно, сыграло свою роль и то обстоятельство, что неожиданный расцвет культа пришелся на конец войны с Ганнибалом, народ был доведен до крайности. Жрецы Кибелы были евнухами. Они верили в мир Аттиса, который кастрировал себя ради спасения юной богини, которую любил. Эту историю мы знаем в изложении Овидия:

Аттис, любимец фригийских лесов,
очаровал богиню короной из цветов.
Ее прислужница, чтобы привлечь к себе,
его спросила: «Сможешь не всегда быть юношей?»
Он обещал, сказав: «Пусть я нарушу клятву,
хотя б объятем, то будет любовь в последний раз».
Но он солгал и доверил свою невинность
объятиям нимфы. Богиня отомстила.
Обрушив дерево, она убила наяду,
жившую и погибшую под его сенью.
Аттис, обезумев, решив, что кровля падает,
выбежал и кинулся на горную вершину,
крича: «Огня!», крича: «О, кара, кара!»
Крича, что фурии загоняют его насмерть.
Вдруг резанул он острым камнем свое тело,
склонившись длинными власами до земли,
рыдая: «Заслужил я крови и страдания!»
Пусть пропадет тот член, из-за которого я клятву
нарушил. Прочь его!» — и уд мужской отсек...
так что не стало видно, был ли он мужчиной.
Его безумие заразно до сих пор,
ученики, власы раскинув, режут по живому.

Почитание Кибелы помимо самокастрации в состоянии исступления включало как важную часть ритуала окропление алтаря кровью, которая вытекала из жертвенного животного. Пирь в честь богини устраивались в частных домах, но главные обряды жрецы совершали в одиночестве. По Апулею, жрецы Кибелы склоняли сильных юных крестьян к гомосексуализму. Тем не менее я не могу не думать, что основное значение культа в том, что мною отмечено. Греки тоже знали флагаellation, но идея вины у них отсутствовала (вспомните: «Заслужил я кровь и страдания!»).

Исида была богиней земледелия и плодородия в Египте. Ее культ, как и поклонение многим другим богествам, пришел из Рима и видоизменился. Плодородие отождествляется с соитием, но противопоставляется распутству. Впрочем, храмовая проституция играла важную роль в культе этой богини.

Власти настороженно отнеслись к новому культу,

который впервые начали отправлять открыто при Калигуле. Тиберий даже повелел вытащить статую богини из храма и бросить ее в Тибр, считая, что жрецы своими обрядами оскорбляли благородных женщин. Сексуальность культа была вопиющей. Овидий говорит: «Не спрашивай, что может случиться в храме Исиды». И еще: «Не соблазняйся храмами Исиды, многих женщин делает она подобными себе». Ювенал, всегда говорящий кратко и ясно, называет жриц Исиды просто своднями. Кифер пишет: «Конечно, жрецы и жрицы Великой матери очень часто удовлетворяли свои страсти в сексуальных оргиях, но это не имело ничего общего с истинной природой богов». Но нам точка зрения Кифера кажется слишком академичной, кто же лучше жрецов выражает суть культа? Служение богине часто требовало сексуального воздержания, но то было воздержание ради полного высвобождения накопленной энергии!

Близок культу Исиды культ Благой Богини — доброго божества. По некоторым свидетельствам, она была чисто «женской» богиней, то есть ей поклонялись лишь женщины. Мужчины уходили, оставляя женщин одних. Плутарх пишет, что та, в чьем доме происходило действо, отвечала за ритуал, музыку и развлечение гостей. Ювенал, озабоченный упадком римской религии, возлагал вину за это на распутство пьяных женщин.

«Что видит пьяная Венера? Никто никого не узнает, средь бела дня пожирают гигантских устриц, пьют пенящееся неразведенное фалернское, пока потолок не закружится над головой, стол не запляшет, а каждый фонарь не раздвоится!

Глядите, как фыркает Тулия, а Маура шепчет что-то своей печально известной молочной сестре, когда она проходит мимо древнего алтаря добродетели, где оставляли на ночь разбросанные вещи, а потом перед статуей богини до самого утра предавались распутству».

Далее он описывает сцены служения Благой Богине, когда женщины остаются одни в доме.

«О, эти обряды! Женские чресла возбуждены звуками флейты, вино и трубы сводят их с ума, они кружатся и визжат, в восторге от Приапа. Затем их сердца разгораются похотью, а голоса запинаются от вожделения,

вино льется рекой. Никакого притворства, все по-настоящему: от такого зрелища разгорелись бы даже Приаповы дряхлые чресла и ветхий от старости Нестор. Их зуд не терпит отлагательств, и вот уже повсюду слышатся женские крики: «Время, подайте мужчин!» Любownik спит... сдерните с него плащ, быстрее! Нет? Тогда живей за рабами. Нет даже рабов? Тогда пусть с улицы явится сборщик мусора».

«Если же мужчина не находится, они вступают в связь с ослом», — заключает Ювенал. Этот автор любил оскорбительные и грубые описания, но если бы Богиня была добродетельна и возвышенна, полагает Багофен, кто бы подумал рассказывать такие мерзости? «Нет дыма без огня», — гласит поговорка и часто бывает права. Кифер может спокойно опровергать обвинения против Исиды и Благой Богини — по сравнению с культом Кибелы и вакханалиями почитание и той и другой было здоровым, безвредным и совершенно свободным от неврозов и извращений. Но так или иначе все они выродились в оргии.

Нам следует решить для себя, было ли в образе жизни римлян что-то особенно порочное, греховное и упадническое, или империя рухнула потому, что должна была распасться — как все империи. На первый взгляд в простых удовольствиях нет ничего греховного, никаких неврозов. Разве пристрастие к баням может быть воспринято как симптом национального комплекса вины?

Любовь римлян к роскоши была унаследована от греков. Коанские кружева импортировались в Рим в огромном количестве. Римляне переняли любовь греков к обнаженным статуям, хотя их отношение к наготы и в плоти, и в камне было более приземленным. Удивительно, но римляне, как и греки, не знали моды в нашем ее понимании. Если не считать новых расцветок тканей, покроем одежды оставался неизменным.

Украшения были роскошными и тяжелыми. Супруга императора Калигулы владела украшениями, которые сегодня стоили бы 1,2 млн фунтов стерлингов. Римляне носили по 3 килограмма ювелирных изделий. Часто на драгоценностях наличествовал портрет правящего им-

ператора, и в этом была определенная ирония: поднимешь горшок рукой с таким кольцом — решат, что хотел оскорбить императора. Ювенал пишет о *auratae papillae*, то есть золоченых грудях, хотя мы не знаем точно, действительно ли женщины окрашивали груди, или просто носили на груди большое количество украшений.

Волосы всегда тщательно укладывались, иногда светлые волосы германских рабынь использовали для изготовления париков. Императрица Мессалина носила такую.

Частые купания были отличительной чертой жизни римлян. Они сооружали бани с удивительной тщательностью и изяществом. Марциал пишет: «Оппиан, если ты не купался в этрусских банях, ты умрешь нематым». Стены этих дворцов были выложены зеленым мрамором и алебастром, вода в бассейны стекала с Аппенинских гор по каналу, сооруженному Марком Титом.

Городские бани были местом свиданий тайных любовников, и у порядочных людей обычно ассоциировались с развратом и аморальностью. Существовали и специальные бани для проституток, куда никогда не ходили порядочные женщины, зато их посещали мужчины. Совместные купания — нововведение времен Плиния Старшего. Женщины носили купальные костюмы, «случались нежелательные инциденты».

Байи, знаменитый водный курорт, славился горячими источниками и беспутством. Сенека писал об опасности этого места, рассказывая о «пьяницах, шляющихся по пляжу, пирах в лодках, голосах певцов над озерами и другом разгуле, как будто законы не действуют», — и спрашивал: «Как ты думаешь, стал бы Катон жить в одном из этих домов, чтобы мимо проплывали развратницы и каждую ночь раздавалось громкое пение?» Сенека преуспел в создании привлекательного образа Байи, описав виллы богачей, бегущих от суеты большого города.

Удовольствия не исчерпывались боями гладиаторов. Были популярны театральные представления и балет, весьма эротичные и выразительные. Спектакли давали в домах богатых римлян и специально выстроенных те-

атрах. Мастерством эротических танцев славились девушки из Кадиса, на пирах они часто завершали вечер. Ювенал пишет об этом так:

Может быть, тебя ждут будоражающие танцы
под тихие напевы, и девушки сгибаются к земле,
дрожа всем телом, под аплодисменты...
Вот стимул истощенным, и розга,
чтоб богатых для жизни оживить...

И Марциал:

Она дрожит, раскачивает чресла и корчится...
Она бы Ипполита заставила забыть себя.

По любым современным меркам римские пиры были грандиозны по количеству потребленной еды и питья. Напрочь отсутствовало греческое изящество, принималось рвотное, чтобы можно было начать все сначала. Пили в основном неразбавленное вино, часто гость был так пьян, что не мог помочиться в горшок или чашу без помощи своего раба. Разгул был пышным, но вкус отсутствовал. Римляне не пожелали или не смогли осознать необходимость изящества и чувства меры, которые являются неотъемлемой частью наслаждения.

Конечно, развлечения могли себе позволить только богатые люди, обладающие большим количеством привилегий. На пирах высшей знати многих подвергали унижениям, даже наносили увечья на потеху кучке аристократов. Если бы они получали истинное наслаждение, наша оценка их образа жизни могла бы быть менее резкой. Но они скучали, и мы их осуждаем. Римляне остаются для нас загадкой, причем неприятной.

Что касается собственно пиров и оргий, мы знаем, как их устраивали знаменитые римляне, в том числе верховные правители.

Мне могут поставить в упрек желание изучать нравы эпохи на примере семьи Юлия Цезаря. Мол, они слишком часто женились на родственниках и расплатились за это эпилепсией, безумием и «дурными болезнями». Но мне интересны оргии, в которых участвовал Це-

зарь, потому что они были наиболее выразительны, им подражали.

Неврозы римлян, по крайней мере у представителей правящих классов, были обусловлены, как и в нацистской Германии, самоидентификацией с государством. В то, что император олицетворяет собой государство, верили не только окружающие, но и он сам. Значит, не так уж и неверно исследовать их частную жизнь!

Светоний... «Этот вечно недовольный болтун», как насмешливо называет его Кифер, говорил, что Юлий Цезарь тратил массу энергии и денег в угоду своей похоти и совратил многих знатных женщин. Кифер не соглашается со Светонием, называя его утверждения «чистой болтовней». Но Светоний приводит список этих женщин, а позиция Кифера становится еще менее убедительной, когда он утверждает: «Кроме того, лучше ли будет, если мы узнаем, что великий человек отдал свою любовь той или иной женщине вне уз брака?» Большинство людей, отвечая на этот вопрос, искренне ответят «да», ибо очевидно, что частная жизнь общественного деятеля может и должна быть известна обществу. Впрочем, Кифер мог бы радоваться: о сексуальной жизни Цезаря нам почти ничего не известно, он был слишком занят войной.

Отличительной чертой Августа, редкой в этой семье, была его гетеросексуальность. Август не был пуританином, хотя и создал брачный кодекс. Римским императорам легко было удовлетворять свои вожеления. Об Августе рассказывают, что однажды он вызвал жену одного писца к себе в спальню, и вернулась она с красными ушами и растрепанной прической. Это неприятная история, но не будем забывать, что римские представления о браке сильно отличались от греческих, не говоря уж о современных. Говорят, Август приказал прокурорам рыскать по городу, «раздевать и обследовать женщин на предмет связи с блудниками». У него развилась навязчивая страсть к девственницам (сравните с модой восемнадцатого века в Англии), и даже жена помогала ему, отыскивая и приводя к нему девушек.

Нам известен, по рассказу Светония, «Ужин двенадцати богов». «На нем гости возлежали, костюмиро-

ванные богами и богинями, сам же Август был наряжен Аполлоном. В этом его упрекает в своем письме не только Антоний, язвительно называющий также имена отдельных участников. Общеизвестны следующие анонимные стихи:

Как только участники пира подыскиали себе декоратора,
Пред Маллией тотчас же предстали шесть богов и шесть
богинь,
И в то время как Цезарь кошунственно принимает
Фальшивый образ Аполлона и вводит новую моду
Изображать за ужином любодеение богов,
Все боги
Отвращают свои взоры от земли, сам Юпитер
Покидает свой золоченый трон.

Пир вызвал много кривотолков, ибо народ голодал. На улицах раздавались крики: «Весь хлеб съели боги!», «Цезарь — Аполлон, но Аполлон-мучитель!».

О характере давно умершего человека всегда спорят, и Тиберий не исключение. С одной стороны, мы знаем образ, нарисованный Мараноном: человек со слабой волей, застенчивый в сексе, с которым развелась беременная жена, женившийся по настоянию Августа на развратной загадочной полусумасшедшей Юлии, которая, несмотря на скандальную репутацию, привлекла всеобщее внимание решительностью, с которой пыталась покорить Тиберия. Как Тиберий, все еще любящий Виспанию, свою первую жену, и не горящий желанием владеть распутной аристократкой (что с удовольствием сделал бы любой другой римлянин), мог, пребывая на Капри, участвовать в самых разнузданных оргиях, описанных Светонием. Если Тиберий был по натуре чувствительным и скромным, как пытаются показать авторы, то как могла повлиять на него необузданная страсть Юлии к соитиям, ее бесконечные связи с людьми всех возрастов, цвета кожи и положения и ее склонность к самопроституированию? Был ли он от природы циником или стал таким? Неужели он никогда не был чувствительным и скромным, никогда не любил Виспанию, всегда был в душе распутником?

Маранон полагает, что Тиберий был целомудренным человеком в силу сексуальной застенчивости. Он основывает свое утверждение на том факте, что Виспаний семь или восемь лет не удавалось добиться своего, но, вступив в связь с Юлией, «этот человек, тридцати двух лет от роду, возобновил сексуальную активность». Маранон не говорит, как пришел к такому умозаключению. Но сплетни о пребывании Тиберия на Капри еще современниками отвергались как оскорбительные. В обоснование своей гипотезы Маранон сообщает, что Тиберий был высок ростом и был левшой, а он полагает, что оба эти признака являются симптомами сексуальной застенчивости и (или) импотенции. Серьезные обвинения выдвигались против Тиберия сердитым Светонием и его другом, историком Дионом Кассием. Светоний говорит, что, «добившись права на уединение (т. е. на Капри) и уйдя из-под надзора граждан, он наконец отпустил вожжи долго скрываемых ото всех вожделений». Эта версия не так уж противоречит образу Тиберия, нарисованному Мараноном. Множество мужчин и женщин, внешне скромных, совершенно менялись вне повседневного окружения, свободные от взглядов близких. Их застенчивость основана только на ощущении, что сексуальная активность должна быть отделена от «остальной» жизни. Светоний сообщает, что Тиберий был ужасным пьяницей, что как-то он пропьянствовал ночь и два дня, назначив потом одного из собутыльников наместником Сирии и другого — правителем города. Его угощал Цестий Галлий, «старый мот и развратник», и Тиберий настоял, чтобы хозяин «не отказывался от привычного», и голые девушки прислуживали за обедом. Он установил новую должность — «Мастер императорских удовольствий» — и поручил ее Титу Приску, римскому патрицию.

В своем уединении на Капри он устроил особую диванную комнату, место для тайного разврата. В ней во множестве были собраны отовсюду девочки и мальчики, употребляемые для мужеложства. Изобретатели противоестественных совокуплений, которых он называл «спинтриями», соединенные по трое, растлевали друг друга у него на глазах, возбуждая этим зрелищем его

гаснущие любовные желания. Свои спальни он украсил картинами и изваяниями самого непристойного содержания и снабдил сочинениями поэтессы Элефантиды, дабы к услугам всякого предававшегося там любовным наслаждениям был образец предписанного способа. Повсюду в лесах и рощах он устроил посвященные Венере места, а в расселинах скал у него совокуплялись переодетые сатирами и нимфами юноши и девушки». В Голубом гроте он плавал, как старая акула на мелководье, среди голых маленьких мальчиков возраста, когда «они уже окрепли, но еще не отлучены от матерей». Он их звал «своими рыбками» и учил играть у себя между ног во время купания, чтобы постепенно возбуждаться от их лизаний и касаний, вовлекая, по слухам, и в другие, менее безобидные, подводные деяния.

Какой вывод мы делаем из этих противоречивых свидетельств? Светоний, что бы ни говорили его обвинители, не был любителем смаковать скандалы и порнографию. Его стиль ровен и деловит, иногда (хоть и не всегда) он сравнивает противоречивые источники, его труды позволяют предположить, что он был серьезным ученым. Во многих случаях его утверждения подтверждаются другими авторитетными авторами. Так мог ли он сочинить неправдоподобную историю о человеке, умершем недавно и известном сексуальной застенчивостью? Маранон предполагает, что это была «легенда в наказание», созданная обществом, ненавидевшим Тиберия за другие дела. Это меня не убеждает. Если люди собираются атаковать политического врага, вряд ли они будут столь глупы, чтобы жертвовать правдоподобием ради сиюминутного успеха.

Тиберий, несомненно, был потенциальным садистом и извращенцем, но счастливо избежал проявления этих свойств в жизни.

Иным был Калигула, жестокий психопат.

В раннем возрасте он совершил кровосмешение, возможно, применив насилие, с одной из своих сестер, Друзиллой, к которой был привязан до конца дней. Был ли инцест причиной или результатом умственного расстройства, мы не знаем, но нет никакого сомнения, что большую часть жизни Калигула был не в себе.

Когда Друзилла умерла, он издал декрет, запрещающий во время траура смеяться, купаться и обедать всей семьей.

Других сестер он не любил, но заставлял совокупляться с партнерами по своему выбору. Как в сексуальной, так и в общественной жизни, он выказал садистские наклонности. Если Калигула проникался страстью к женщине, то забирал ее у мужа без малейших колебаний. Паулину, которую он заполучил именно так, Калигула использовал некоторое время, потом выгнал, запретив под страхом смерти вступать в связь с кем-нибудь еще. Он показывал Цезонию, «хотя она не была ни красивой, ни юной», голой своим друзьям и женился на ней лишь тогда, когда она должна была родить ему ребенка.

Народу он навязывал физическую и духовную жестокость, порожденную его больным воображением. Осужденных он отправлял живьем на съедение львам, и никто, даже люди из его ближайшего окружения, не были застрахованы от постоянной угрозы мучительной смерти. Однажды на пиру он внезапно расхохотался во весь голос, а когда консул, находившийся рядом с ним, вежливо поинтересовался о причине веселья, он ответил: «Потому что, стоит мне кивнуть, и всем вам пережгут глотки». Он сочетал инфантилизм с дьявольской изобретательностью в пытках. Он хотел, чтобы пыточное дознание происходило в его присутствии, на пирах. Когда однажды был пойман раб, пытавшийся украсть кусочек серебра, Калигула приказал отсечь ему руки и привязать к шее вместе с табличкой, объясняющей причину наказания, и так водить по зале. На пиры он приглашал приглянувшихся ему женщин, не забывая и их мужей. Когда они проходили рядом с его ложем, «он рассматривал их придирчиво, как будто покупал рабов, даже протягивал руку и приподнимал лица тех, кто глядел в землю из скромности. Затем, стоило ему захотеть, он покидал залу и посылал за той, которая понравилась ему больше всех, и вскоре, возвращался, имея на себе следы того, что произошло. Он открыто хвалил или критиковал партнершу, перечисляя прелести или недостатки и описывая ее поведение. Некото-

рым он посылал уведомления о разводе от лица отсутствующих мужей и публично оглашал это. Редкая женщина избежала его домогательств.

«Многих лиц, далеко не низкого звания, Калигула сначала уродовал наложением клейма, а затем отправлял на работу в рудники или на постройку дорог, либо осуждал на растерзание зверями, либо, словно зверей, сажал на четвереньки в клетки, либо распиливал на две части пилой. Далеко не все обвинялись в преступлении, часто они были виноваты лишь в том, что неодобрительно отзывались об устроенных им пирах или никогда не клялись его гением. Родителей он заставлял присутствовать при казнях детей, когда кто-то попробовал отговориться болезнью, он посылал к нему носилки, другого тотчас после казни сына пригласил к своему столу, причем оказывал ему всяческое внимание и старался вызвать на веселые шутки».

«Своей расточительностью он превзошел все придуманное когда-то знаменитыми мотами. Он изобрел новый вид бань и экстравагантные яства и обеды, например мылся теплыми и холодными благовониями, проглатывал драгоценные жемчужины, растворив их в уксусе, на пирах подавал гостям хлеб и кушанья на золотой посуде».

«Он соорудил также либурнские суда в десять рядов весел, корма их была разукрашена драгоценными камнями, паруса были разноцветные, на них имелись обширные бани, портики и триклинии, а также разнообразные плодовые деревья. На этих-то судах он объезжал берега Кампаньи, уже днем возлежа среди танцев и музыки».

Он строил многочисленные дома и виллы немислимой стоимости и стремился осуществить то, что признавалось невыполнимым. На равнинах он возводил искусственные горы, при этом срывал вершины существующих, в море создавались скалы, и все это с колоссальной скоростью, чтобы удовлетворить мимолетные желания императора.

Деньги, необходимые для этих безумств, он добывал на аукционах, где присутствующих принуждали покупать по фантастической цене вещи, совершенно

им ненужные. Он придумывал новые немыслимые подати: на съестные припасы, на судебные процессы и даже на проституцию, «налогу подлежали также занимавшиеся прежде проституцией, не исключались и браки».

Чтобы не пропустить никакого вида добычи, он устроил в Палатинском дворце публичный дом, было отведено и обставлено сообразно высокому рангу помещения множество кабин, в которых были приготовлены для посетителей матроны и свободнорожденные мальчики». Он разослал гонцов по городу, и тем, кто явился, предлагал ссуду под проценты.

Главное, что приписывается Калигуле, — это жестокость, причем нерасторжимо связанная с сексуальностью, так что мы должны говорить и о том и о другом одновременно. Он вполне сознавал свою порочность и, несмотря на агрессивность и детское тщеславие (или вследствие них), не был склонен к критической самооценке. Высокий, бледный, с лысеющей головой и волосатым телом, он никому не разрешал глядеть на него сверху вниз или называть «козлом», что считалось в Риме величайшим оскорблением. Он мучился бессонницей, у него бывали галлюцинации, он боялся наступления темноты. Жизнь его была несчастной и странной.

Его преемник, Клавдий, хотя и увлекался женщинами, пиры и вино любил не меньше. Это была странная и загадочная личность. Застенчивый в юности, он испытывал постоянный навязчивый страх перед предательством и убийством, когда стал императором. Его обвиняют в том, что он разделял вкусы Калигулы и присутствовал при пыточных дознаниях. Его отношение к народу колебалось между демонстрацией силы и театральными жестами, направленными на снискание дешевой популярности. Он задавал множество пиров, во время одного из них, устроенного на берегу канала в честь осушения Фуцинского озера, компанию ему составили шестьсот гостей. Одно время он носился с идеей выпустить эдикт, разрешающий пускать газы и рыгать в его присутствии, ибо ему рассказали, что один из его гостей едва не умер, воздерживаясь. Во время пиров он часто выпивал невероятное количество не-

разбавленного вина, пока его не выносили, громко хряпавшего. Тогда ему засовывали перышко в горло, чтобы опорожнить желудок. Кажется, все относились к нему как к нелепой личности. Он любил публичные зрелища и умер от яда, добавленного в грибы, к которым пристрастился сверх меры. Одно время он был женат на Мессалине, нимфомания которой достигала психопатической степени. Каждый увиденный ею мужчина становился объектом ее желания, а на тех, кто не уступал ей, она изливала всю возможную ядовитую злость. Наконец, открыто выступая за полигамию для женщин, она вышла замуж за другого человека, Силия, будучи еще женой Клавдия, и собрала вокруг себя кучу мужчин. «В это время Мессалина, опьяненная дикими и беспорядочными наслаждениями, в доме нового мужа Силия... собрала любимцев и таких же блудниц, как сама, на маскарад. Они отмечали праздник Вакха со всеми грязными обрядами и непристойностями». Праздник длился несколько дней, пока наконец слух не дошел до Клавдия и он не прибыл из Остии, чтобы положить конец безобразию.

Некоторые рассматривают Нерона как архетип Порока и эталон Зла, которое в конце концов привело к распаду Римской империи. Конечно, в Нероне было много пороков, но мне кажется неверным сравнивать его с Калигулой. Он вырос в обстоятельствах, которые могли бы разрушить жизнь и счастье любого человека. К несчастью для него и для Рима, в его положении он мог удовлетворить любое свое сколь угодно фантастическое желание. Нерон не понимал, что идет навстречу гибели, разрушает себя.

У его предков с обеих сторон были отмечены признаки садизма, но они кажутся ерундой по сравнению с извращениями Нерона. Обвинять следует в первую очередь его отвратительную мать, под влиянием которой он находился с трех до одиннадцати лет. Чтобы завершить разрушение личности, требовались только две вещи, которые и случились: его отдали в ученики такому человеку, как Сенека, слабовольному, с сильным гомосексуальным влечением, при этом строгому. Он был наставником Нерона в юности, после чего тот женился

на девушке, которую выбрала его мать, и она не смогла его вдохновить и уменьшить материнское влияние.

В конце концов не важно, кто в этом виноват, но Нерон с ранних лет был бисексуален. Стоит процитировать Светония: «Некоторые сообщали мне, что Нерон был свято уверен, что не существует на свете людей целомудренных и чистых, большинство скрывают свои пороки и хитро их маскируют».

Тацит пишет, что в начале своего правления Нерон проводил ночи самым необыкновенным образом. Переодетый рабом, он отправлялся в самые страшные кварталы города, где среди борделей и таверн мог подвергнуться самым разнообразным опасностям. Сначала его часто били и обижали, но наконец правда вышла наружу: этот плут на самом деле цезарь. Воодушевленный Нерон стал нападать на мужчин и женщин. Естественно, нашлись люди, увидевшие уникальность ситуации, и, организовав разбойничьи шайки, терроризировали улицы, наслаждаясь безопасностью, ведь люди были поражены страхом. Никто не осмеливался сопротивляться, ибо наказанием была смерть или в лучшем случае разрешение покончить с собой. Немногие готовы были рисковать, оказывая сопротивление самозванцам.

Гомосексуальность Нерона уходит корнями в его детство. Одолевала его и похоть к женщинам. Тацит считает, что вырождение личности у Нерона началось из-за влюбленности в Сабину Поппею, аристократку с дурной репутацией. Эту красивую, расчетливую и неприятную женщину он увел от мужа, который впоследствии стал императором Оттоном. Тот имел самоубийственную глупость восхвалять свою жену и ее прелести в присутствии эгоцентричного и всемогущего императора. Поппея же, будучи хозяйкой своих чувств и точно зная, чего хочет, поставила ему одно условие: она станет императрицей. И началась беспощадная война между двумя ведьмами — Агриппиной и Поппеей. Сходство между ними едва ли было случайным, и, когда Светоний отмечает, что Нерон выбрал проститутку себе в жены, так как она напоминала его мать, не может быть сомнений в его правоте. Поппея вышла победительни-

цей из борьбы не только с Агриппиной, но и с людьми, негодовавшими из-за ниспровержения Октавии. Но она недолго радовалась победе. Тремя годами позже она умерла: говорят, Нерон ударил ее в припадке гнева, когда она была беременна.

То, что Нерон был эстетом, совершенно бесспорно. Эта черта его личности осталась нереализованной, несмотря на многочисленные попытки петь, танцевать, лицедействовать и играть на музыкальных инструментах.

Нерон устраивал на арене представления, поражавшие воображение. Он прекратил тайком ходить в притоны по ночам и стал пировать прилюдно на арене Большого Цирка, где ему прислуживали все городские шлюхи. Его кутежи длились от полудня до полудня, в промежутках он освежал себя: зимой — горячими ваннами, а летом — ваннами со снегом. Плыл ли он по Тибру к Остии или вдоль берега залива в Байи, по побережью были установлены палатки, у входа в которые стояли матроны и, как сводни, зазывали его сойти на землю. На обеды он являлся с приятелями. Однажды во время пира он истратил четыре миллиона сестерциев только на розы. Он изнасиловал девственную весталку и кастрировал своего любимца Спора, «пытаясь превратить его в женщину». С этим скопцом он устроил что-то вроде свадьбы, «отведя его в качестве невесты к себе домой и обращаясь с ним, как с женой». Этого Спора он возил в носилках рядом с собой на все торжественные встречи в Греции, а потом и в Риме, причем мальчик был наряжен, как императрица, а Нерон время от времени целовал его.

«Все знали, что им владела кровосмесительная страсть к матери, поговаривали, что он предавался удовольствиям с ней, путешествуя в носилках, о чем свидетельствовали пятна на его одеждах». Существование таких отношений подтверждается Тацитом и Клавдием Руфом (чьи труды, цитируемые Тацитом, ныне утрачены). Если верить Светонию, он все больше погружался в пучину наслаждений.

«После того как проституированием тела Нерон осквернил почти все свои члены, он придумал такую игру:

одетый в звериную шкуру он выскакивал из клетки и набрасывался на половые органы мужчин и женщин, привязанных к столбам, затем, утолив свою потребность в таком неистовстве, его поражал вольноотпущенный Доримах, он отдавался ему так же, как Спор ему самому, причем подражал крикам и стонам насилуемых девушек».

Осмелюсь предположить, что садизм римлян был мазохистского, саморазрушительного характера.

Человечество проделало длинный путь со времен Гомера.

Нерону деньги жгли руки, он старался тратить их быстро и безудержно. Нерон преклонялся перед своим дядей Гаем за то, как быстро тот потратил наследство Тиберия. Богатство Нерона было огромным. Он тратил деньги на лотерею, швырял в толпу маленькие металлические пронумерованные шарики, и поймавшие их получали деньги, рабов, животных, лодки и дома. Много денег получили от Нерона те, кто умел заслужить его одобрение. Вскоре после пожара в Риме (тот факт, что он его организовал и рукоплескал огню, далеко не очевидно) Нерон построил фантастический Золотой Дом, замечательный в основном огромными размерами. Пруд, большой, как море, сады с дикими зверями, статуя Нерона в 60 метров высотой. В трапезных залах «потолки были из слоновой кости и вращались, чтобы можно было сверху сыпать цветы, а сквозь трубки брызгать благовония. Главный зал был круглым, днем и ночью он крутился, как Вселенная. В других покоях все было обшито золотом и украшено самоцветами и жемчугом. Вестибюль со статуей императора был столь велик, что в нем помещалась тройная колоннада в милю длиной».

Злоба и мания величия проявлялись все сильнее, пока в возрасте тридцати одного года он не покончил с собой, причем помог ему его секретарь, которому Сенат пригрозил смертью за неисполнение приказа.

Полагают, что за развлечения у Нерона отвечал Петроний, автор «Сатирикона», которого Тацит описал так: «Человек, который дни проводил во сне, а ночью работал. В отличие от многих современников он никогда не был развратником или прожигателем жизни, вот только обожал всё из ряда вон выходящее. Нерон раз-

влекался далеко не утонченно. Тигеллин, который превзошел императора в организации оргий, вызвал его ревность и был вынужден покончить с собой. В предсмертном письме он перечислил все гнусности, творимые императором, назвал поименно его мальчиков-педерастов и любовниц и подписал документ своим именем, а потом отослал его Нерону.

Вителлий любил поесть и выпить и специально принимал рвотное, чтобы продолжать обжираться. Он любил жестокие игры на арене, ходил на дознания, где людей пытали, что не должно удивлять читателя, уже немного знакомого с нравами Рима. Детство и юность Вителлия прошли на Капри, при дворе Тиберия, его называли «спинтрий», что означает партнер для необычных утех.

Большой гурман, он изобрел блюдо, которое назвал «щит Минервы». Оно состояло из печени губана, мозгов фазанов и павлинов, языков фламинго и мюлок мурен. О сексуальных привычках Вителлия мы знаем мало. Убили его очень жестоко.

Домициан был более интересной личностью. Светоний пишет, что поначалу он остерегался проливать кровь и в начале своего правления каждый день уединялся на час, ловил мух и убивал их иглой. Такой больной человек не мог долго ограничиваться мухами. Жестокость Домициана была неумеренной и утонченной. Он устраивал публичные казни, издавал жестокие законы, запретил проституткам использовать носилки и ввел смертную казнь для весталок за нарушение обета. В его жизни секс играл огромную роль, соития он лукаво называл «постельной борьбой». Он любил собственноручно удалять волосы своим партнершам и проводил за этим занятием в постели долгие жаркие послеполуденные часы. (Почти все женщины в Древнем Риме удаляли лобковые волосы, выщипывая их или подпаливая.) Он любил купаться с «последними городскими шлюхами». Именно он виноват в смерти племянницы, которая была от него беременна: он настоял, чтобы девушка попыталась прервать беременность.

Одну интересную историю об императоре рассказывает Кассий Дион:

«Домициан устроил комнату, целиком затянутую черным — потолок, стены и пол, меблированную черными диванами без подушек. Гостей заводили в эту комнату ночью, одних. Для каждого из гостей готовили каменную плиту, вроде могильного камня, с его именем. Их освещали маленькие лампадки, наподобие тех, что зажигают на кладбищах. Затем появлялись красивые обнаженные мальчики, покрытые черной краской. В жутковатом танце они двигались вокруг гостей и в конце концов останавливались. Вносили еду и напитки — темные, на черных блюдах, как на пиру мертвых. Гости дрожали от страха, ожидая, что вот-вот будет нанесен смертельный удар. Стояла кладбищенская тишина, потом раздавался голос Домициана — он вещал об убийствах и внезапной смерти и наконец отпускал гостей. Напоследок Домициан отсылал слуг, ожидающих хозяев во дворе, так что гостей домой относили чужие люди, что усиливало их страх. Когда они, вернувшись домой, начинали приходить в себя, появлялся посланец от императора. Каждый решал, что пробил последний час, но всего лишь получал по маленькому надгробию из серебра и другие подарки, в том числе дорогие блюда тонкой работы, которыми пользовались на пиру, и мальчика, игравшего роль призрака, теперь чистого и красиво одетого. Такова была компенсация за смертный страх, который они пережили прошедшей ночью. Таковы были празднества, которыми Домициан отмечал свои победы и отдавал дань погибшим в Дакии и Риме».

Последним из римских императоров мы назовем Гелиобала. В этой необычной личности эротизм веры достигал невероятных размеров.

С четырнадцати лет он стал жрецом культа, в котором сошлись мистицизм и непристойность. Когда в результате энергичных действий неразборчивой в средствах бабушки Гелиобал перебрался в Рим, то попытался заменить сирийским культом все остальные. Считается, что главным богом был Ваал, бог Солнца. Его откровенно фаллическое изображение — большой черный камень — находится в Эфесе.

Другим свидетельством может служить храм Ваала в Риме с двумя громадными фаллосами.

Хотя профили на монетах это не подтверждают, говорили, что он был очень хорош собой в юности. «Когда Гелиобал приносил жертвы и танцевал вокруг алтаря под звуки флейт, труб и других инструментов, на него были обращены все взгляды... особенно солдат, знавших о его высоком происхождении».

Одетый в дорожную, похожую на женскую, одежду, он совершал обряды в присутствии всех сенаторов и знати. Во время церемоний он забивал жертвенных животных, обмакивал их кости в благовония и прыгал вокруг алтаря, окруженного сирийскими девушками. Иногда приносились и человеческие жертвы, тогда гениталии мальчиков бросали в священный огонь.

Гелиобалом овладела нелепая идея — сочетать браком свое божество с божественной же супругой. Была выбрана Юнона, и Гелиобал с подобающими почестями совершил обряд.

Летом бог переезжал из одного храма в другой. Его везли в драгоценной повозке, куда впрягался сам Гелиобал, которого поддерживали два солдата.

Со временем Гелиобал стал почти фанатиком и все больше походил на женщину, что часто случается с жрецами культа мужской силы. Он женился на весталке, говоря, что «жрецу подобает жениться на жрице», но вскоре избавился от нее, ибо сексуальные наклонности, как можно предположить, влекли его в другую сторону. Он подумывал кастрировать и себя, но ограничился обрезанием. По ночам император являлся в бордель, выгонял проституток и, надев парик, сам становился в дверях и зазывал прохожих. Позже для подобных забав Гелиобал устроил покои в своем дворце.

Он хотел, чтобы врачи превратили его в женщину, обещая огромную награду в случае успеха. В его характере было много мазохистских черт. Кассий Дион свидетельствует, что император любил воображать себя распутной женщиной, застигнутой «мужем», которую ждет порка.

Вера Гелиобала ничем не походила на поклонение Дионису. Совершенно сознательно он использовал веру

для удовлетворения сексуальных желаний, и прежде всего — мазохизма. Ему нравилось переодеваться женщиной, хотелось испытывать чувство вины.

Поведение императора вызывало гнев и осуждение в армии и народе, и его в конце концов убили вместе с челядью, а тело бросили в Тибр.

Римляне — самые презренные люди из всех, кто пытался экспериментировать в области оргий. Исключая немногих истинных гедонистов, например Петрония, никто из них не понимал истинной природы наслаждений.

Глава третья

СРЕДНИЕ ВЕКА И РЕНЕССАНС

У римлян были некоторые угрызения совести из-за собственной жестокости, но на чисто сексуальные преступления они обращали мало внимания. И все-таки в культуре Древнего Рима появляется новая идея — идея греха.

На руинах рушащейся империи возникло объединение людей с новым мировоззрением, веривших в идею греховности. Они вызывали уважение жестокими ограничительными правилами поведения, однако жители Европы вкусили прелесть безудержной сексуальной свободы, и новую мораль постигла неудача.

Поначалу общество, в том числе и священники, просто игнорировало строгие запреты. По мере усиления влияния Церкви на общество, сексуальная энергия трансформировалась, проявляясь в психоневротических синдромах — приступах истерии, эротических галлюцинациях, инкубах и суккубах, охоте на ведьм и черной магии, увлечении поркой, импотенции и т. д. Находились, конечно, люди, осмеливавшиеся игнорировать запреты. Несмотря на угрозу судебных преследований, они оказывали противодействие Церкви.

Сексуальность той эпохи была вполне откровенной. Судебные отчеты изобилуют обвинениями в сексуальных преступлениях: внебрачных связях, адюльтере, инцесте и гомосексуализме. В VIII веке Бонифаций жалуетсЯ: «Англичане начисто отрицают семейную жизнь, отказываются иметь законных жен, живут в блудодеяниях, подобно ржущим лошадям и ревущим ослам». Брак воспринимался весьма легкомысленно — считалось, что женится человек не навсегда, а на время. Девственности не придавали большого значения, внебрачные дети не почитались за бесчестье, напротив, женщина могла

гордиться, что принадлежала доблестному рыцарю. Большим спросом пользовались средства, усиливающие влечение, даже если их действие было основано просто на вере в магию, как в случае с корнем ятрышника, чья форма напоминала мошонку. Состояние морали сказывалось и на моде — одежда была фантастически неприличной. Мужчины носили короткие куртки, не прикрывающие ни ягодиц, ни гениталий, которые укладывали в тугую гульфик, скорее подчеркивавший, чем скрывавший их форму. Женщины одевались в обтягивающие бедра платья и поднимали бюст, затягивая его в корсет так высоко, что «в ложбинку можно было поставить свечу». Скрамность в обычном смысле отсутствовала. В 610 г. королева Ульстера и ее придворные дамы встретили знатного гостя обнаженными выше пояса и поднимали юбки, демонстрируя интимные части тела, тем самым показывая, какая им оказана честь. Врачи не признавали церковных поучений в области половых отношений, полагая воздержание неразумным и нездоровым, и предписывали пациентам как можно чаще предаваться сношениям. Ранние христиане терпимо относились к проституции, признавая ее значение в обществе. Аквинат замечал, что проституция является необходимым дополнением нравственности — «нужник необходим во дворце, чтобы весь дворец не вонял». Разумеется, проституток было более чем достаточно, и многие церковники следовали примеру епископа Винчестера, который рассматривал проституцию как важный источник дохода и не обращал внимания на моральную сторону явления, отсюда знаменитая кличка проституток — «винчестерские гусыни».

Представление о средневековом рыцаре как о добродетельном человеке с рыцарским духом, защитнике дам в дни невзгод и безупречном джентльмене в любых обстоятельствах создали викторианские переписыватели истории. Трейл и Манн утверждают, что, судя по поэзии и песням той эпохи, первой мыслью любого рыцаря при встрече с незащитной женщиной было оскорбить ее. Общеизвестный образчик рыцарства, Говейн, изнасиловал Грэн де Лис, несмотря на ее сопротивление и крики, когда она отказывалась спать с

ним. Вопреки всем церковным запретам кельтская цивилизация сохранила дух терпимости, при этом, как и в дохристианскую эпоху, важную роль играли женщины. Крайне немногие клирики оказались в силах следовать собственным проповедям и, как и ведомая ими паства, не прониклись идеей греховности.

Арчибальд, епископ Сенса, в X веке изгнал монахов из аббатства Св. Петра и устроил в трапезной гарем из наложниц, а в галерее разместил охотничьих собак и соколов.

Попытки Церкви внедрить целибат вызывали бесконечный поток жалоб. Прихожане обычно поддерживали своего священника в требованиях иметь супругу, поскольку в противном случае — это они знали наверняка — он искал облегчения с их собственными женами. Генрих III, епископ Льежский, имел шестьдесят пять незаконных детей, а в Германии «незаконнорожденность» ассоциировалась с детьми священников. «Право первой ночи» (которое реально существовало) использовали монахи обители Св. Тиодарда в своих отношениях с монахинями обители Св. Ориоля. Попытки Церкви были бесплодны, сексуальная энергия проявлялась постоянно и с удивительной силой. Но времена менялись. Реформы Нильдебранда предписали священнослужителям и монахам целибат. К этому же времени относятся изменения к худшему в сексуальном здоровье населения.

Воздержание в половой жизни привело к волне психоневротических симптомов, к массовым сексуальным галлюцинациям. Европейские спальни захлестнула волна демонов обоих полов. Ночные визитеры, прямое следствие занятий черной магией и увлечения сатанизмом, принуждали своих жертв к блуду. Особенно часто это случалось в женских монастырях: стоило одной женщине рассказать о своих видениях и их начинали «видеть» все остальные.

Понять истинную природу подобных явлений можно из следующего рассказа.

Священник Гоэррей был послан изгнать дьявола из двадцатилетней девушки, которую преследовал инкуб. Он поведал: «Она мне честно рассказала обо всем, что злой дух проделывал с ней. Послушав ее, я подумал,

что она все-таки дала демону косвенное согласие. Его приближение всегда вызывало у нее возбуждение, но вместо того чтобы молиться, она убегала к себе в комнату и кидалась на постель. Я старался пробудить в ней доверие к Господу, но успеха не достиг; казалось, она боялась».

Очевидно, что Гозррей не был дураком; некоторые врачи уже тогда понимали или догадывались о природе явления. Чосер с сожалением отмечает, что с появлением бродячих монахов (которые имели репутацию соблазнительей жен в отсутствие мужей) визиты демонов стали реже, тем не менее вера в дьявольские визиты не растаяла, верили и в существование ведьм, так что охота на ведьм просто должна была возникнуть. (С псевдовизитами связаны и частые случаи ложных беременностей.)

Цelibатники находили множество способов удовлетворить свою похоть. Самая распространенная жалоба на священников состояла в принуждении женщин к сожительству. Священник мог использовать свое положение, чтобы вынудить блудника назвать имя согрешившей с ним женщины, чтобы потом самому добиться успеха. Аморальность священников не в последнюю очередь вызывалась дурным примером, подаваемым высшими священниками: сам наместник Бога на земле отличался легкомыслием. Иоанн XII превратил собор Св. Иоанна в бордель. При его дворе процветали богохульства, симония (торговля благодатью), лжесвидетельства, убийства, прелюбодеяние и инцест. Бенедикт IX, возвеличенный в десятилетнем возрасте, «вырос в привычке к безудержной распущенности и потряс вялые чувства варварского века ежедневными скандалами». Балтазар Кола, позднее ставший папой Иоанном XIII, склонял верующих к «гнусному инцесту, прелюбодеянию, растлению, убийствам и атеизму. Будучи камерарием Бонифация IX, он скандализировал Рим открытой связью с женой брата, его произвели в кардиналы и послали легатом в Болонью, где две сотни девушек, замужних женщин, вдов и даже несколько монахинь пали жертвой его разнузданной похоти». Но мы слишком спешим.

Вспомним непрерывные атаки Петрарки против Авиньона. Дворец пап был «полон беспорядка, царила ужасающая мгла, и все страхи, которые мог вообразить расстроенный ум, присутствовали там. В этом Вавилоне и люди, и само место имели один и тот же вид — непристойный, уродливый, ужасающий».

Но вернемся к моменту, когда Церковь достигла первых успехов в насаждении чувства греховности среди паствы. Результатом стала фанатичная борьба с сексом в форме самобичевания, то были напрасные попытки пересилить греховность натуры человеческой.

Церковь встревожилась, поняв истинные мотивы, лежащие в основе такого поведения. Начав с власяницы, некоторые доходили до крайности, например Кристина из обители Св. Труа, которая «подвергла себя колесованию, пытке на дыбе, подвешивалась на виселице рядом с трупом. Не удовлетворившись этим, она попробовала быть заживо погребенной в могиле». Нет конца тошнотворным проявлениям подавленной или трансформированной сексуальности в позднем средневековье, и все это благодаря сексуальной «морали» Церкви. Ее возражения против эротического наслаждения касались в основном позиции при соитии. (Так, запрещено было сношение сзади — «coitus a posterior», — не из-за того, что это напоминало случку животных, но потому, что это доставляло слишком большое удовольствие.) Даже появились специальные ночные сорочки — плотные, с одним-единственным отверстием, через которое при необходимости муж мог оплодотворить жену, что гарантировало минимум соприкосновений и удовольствия от совокупления.

Культ бичевания получил исключительное распространение. Он имеет вполне распознаваемое сексуальное происхождение, что позволяет безошибочно отнести его к оргиастическому: «Эта зараза быстро распространялась, достигнув Рейнской области, а из Германии перешла в Богемию. Днем и ночью длинные процессии людей всех положений и возрастов, возглавляемые священниками с крестом и хоругвями, двигались по улицам двойными колоннами. Люди распевали молитвы и источали кровь из своих тел кожаными бичами. В неко-

торых итальянских городах власти изгоняли самоистязателей, и на время секта исчезла».

Каламиты не хуже землетрясений и чумы боролись за умерщвление плоти, и секты возрождались. В 1349 году Климент VI издал буллу против этой ереси, но успеха не добился. Позднее глава секты был сожжен на костре.

Состояние психического возбуждения преобладало среди слабых духом людей. Сильные же продолжали сопротивляться. Мне хотелось бы сказать несколько слов об этом анархическом меньшинстве и описать их трудный путь через мрак средневековья к Возрождению.

Гонения на еретиков (которые в строгом смысле слова не были нравственными мятежниками) можно объяснить, поняв, что их расхождения с ортодоксами касались тривиальных вещей. В поведении еретиков (особенно трубадуров) проявлялся, используя терминологию психоанализа, материнский комплекс, который приводил их к противостоянию с авторитарной Церковью, где было сильно влияние «отцов». (См. Г. Р. Тейлор. *Секс в истории*, 1953.) Романтики не считали оргии выходом, хотя идея платонической привязанности к одной женщине не исключала сексуальных домогательств других.

Не будем забывать, что два главных христианских праздника — Рождество и Пасха — языческие по происхождению и изначально связаны с идеей плодородия. Хотя Церковь неодобрительно относилась к Майским играм и Празднику Дураков, она не запрещала их, ибо была просто не в силах навязать свою волю.

Эти обряды, сохранившие много языческих черт — обычай бросаться нечистотами, трансвестизм, сексуальная распушенность, — не могут считаться религиозными в истинном смысле этого слова, их следует отнести к оргиастическим праздникам, катарсису, участники которых ничего не принимают всерьез.

Тайком отправлялись более серьезные фаллические культы, почитались боги плодородия. Несмотря на все усилия запретить их, до сих пор им поклоняются в глухих уголках Европы, хотя почтение перед плодородием сменилось культом витаминов и пилюль для повышения потенции.

Майские игрища в те времена не вершились открыто, хотя не исключено, что тайно их отправляли. Праздник Дураков прямо связан с обрядом обрезания и праздником Хануки.

Младшие клирики смеялись и пародировали то, чем им предстояло заниматься в будущем.

Праздник был широко распространен во Франции, но в разных уголках церемония разнилась.

В Бове в храм вводили осла и заставляли троекратно прокричать «иа!». В храме Св. Омера службу совершали дурацкий «епископ» и дурацкий «настоятель», они шутовски размахивали кадиллом, все тонуло в реве, вое и хохоте.

Старшие клирики взирали на эти странные игры с неодобрением и тревогой. Вскоре по всей стране началась борьба с праздником. В 1338 году настоятель в Оксере соглашался, чтобы капитул отпускал вино жаждущим гулякам, а двумя годами позднее был выпущен указ о запрете шествий, сопровождающихся избиением мужчин и женщин на улицах.

Жан-Шарль де Герсон запретил Праздник Дураков, объявив, что «неприличие праздника позорит кухню и трактир».

В 1445 г. богословский факультет Парижского университета разослал епископам документ, резко осуждающий праздник на основании его языческого происхождения. Богословы писали: «Во время службы священники и служки надевают маски и уродливые личины. Обряженные женщинами, сводниками или менаestreлями, они устраивают пляски, поют непристойные песни, а когда служат мессу, едят перед алтарем черный пудинг и играют в кости. Они кадят зловонным дымом из тлеющих подошв старых башмаков. Без всякого стыда они носятся и скачут по церкви и выезжают в город на дрянных повозках, вызывая смех зевак и приятелей бесстыдным представлением с неприличными жестами и грубыми непристойными стишками». Отличительной чертой подобных дебошей был трансвестизм, что неудивительно, если вспомнить, что обрезание считалось рудиментарной формой кастрации.

В некоторых городах священники швыряли в толпу куски черного пудинга, или, как говорили французы, колбаски (boudin). (В Древнем Риме существовал обычай швыряться грязью и нечистотами в форме колбасок. Прямая аналогия!)

Богословы считали подобные выходки не античным наследием, но «наказанием за первородный грех и происками дьявола».

Тогда же богословам Сорбонны наказали найти оправдание Праздника Дураков: «Мы творим это, сообщаясь с древним обычаем, чтобы не истребился в человеке дух веселья и, по крайней мере, раз в год находил свободный выход. Винная бочка взорвется, если вовремя не вытащить затычку и не выпустить газ. Мы подобны переполненным сосудам, из которых вот-вот вырвется вино мудрости, если из-за постоянного служения Богу мы позволим ему забродить».

Больше всего раздражали власть маскарады и катание на осле. Иоанн Гус так описывает Праздник Дураков в Богемии:

«Епископом» назначали одетого по-шутовски клирика. Он садился на осла задом наперед и так въезжал в церковь. Его поили бульоном и пивом, а следом валила буйная толпа. Вместо свечей несли факелы, священники выворачивали свои облачения наизнанку (перемена на один день) и в таком виде плясали».

Теоретически обряд с ослом был связан с историей бегства в Египет. Все попытки запретить праздник пропали втуне, и он просуществовал до XVII века. Единственное, чего удалось добиться властям, это слегка притушить пыл озорников: в 1444 году выходит эдикт, запрещающий выливать больше трех ведер воды на регента во время вечерни; те, кто хотел сношаться, должны были покидать церковь.

Церемония праздника предусматривала участие клириков. Во время правления королевы Елизаветы с этим было покончено, и праздник стал чисто светским, но там выбирали «безрассудного аббата», или «господина дураков».

Стаббз так описывает это:

«Сначала все повесы Парижа, собравшись вместе, выбирают вожака, которого именуют господином дураков, с великой торжественностью коронуют его и почитают своим королем».

Затем господин дураков подбирает себе «...двадцать, сорок, шестьдесят или сотню подобных ему бродяг». Они одеты в «его ливреи... зеленого, желтого и других кричащих цветов. И как будто мало этого, они повязывают на себя шарфы, ленты, ромашки, золотые кольца и другие драгоценности, привязывают к ногам колокольчики, в руках у них нарядные платки, позаимствованные у любимых красоток, некоторые покрывают ими плечи или обвязывают вокруг шеи. Они устраивают шествие, держа в руках лошадок — палочки, морды драконов и других чудовищ, дуют в трубы и барабаны, наигрывая мелодии сатанинских плясовых. Вся компания под звон колокольчиков, рев труб и грохот барабанов вприпляску отправляется к церковной ограде. Как сумасшедшие, они размахивают платками, в толпе мелькают маски — лошадиные морды и всякая другая нечисть. Так они движутся к храму.

В церкви они беснуются, производя такой шум, что никто себя не слышит и думать ни о чем не может. А прихожане пьются на них, смеются, карабкаются наверх, чтобы лучше видеть разгул этих язычников.

Господин дураков и его приспешники выходят из храма, процессия обходит его кругом раз или два, и они располагаются на церковном дворе, где заранее устанавливаются беседки и шатры для пиров. Там они празднуют, пируют и пляшут весь день напролет и остаются на ночь. Придворные господина дураков носят на одежде знаки различия. Ими награждают тех, кто превзошел остальных в варварстве, бесовщине, блюде, пьянстве и наглости. Любой, кто откажется подыгрывать гулякам, подвергается насмешкам и унижению».

Стаббзу случайно удалось нарисовать довольно непривлекательную картину обряда, который он хотел залеймить, в конце он делает суровое предупреждение. Всякий, оказавший поддержку этим шалунам, «...становится под знамена дьявола против Иисуса Христа и

его заповедей». Хотя все происходит на освященной земле, совершенно ясно, что церемония — осознанно или нет — враждебна Церкви, а праздник уж тем более нехристианский.

Позднее пуритане пошли еще дальше. Они считали, что Праздник Дураков уходит корнями в римские сатурналии и вакханалии и все честные христиане должны всегда питать к нему отвращение.

Во Франции, как и в Англии, Праздник Дураков умирал, на смену ему пришло «Веселое общество», возглавляемое «князем дураков» или «безумной мамашей». «Веселое общество» называли «праздником сумасшедших мирян». Особенно бурно его проводили в Дижоне, и в XV веке Филипп Бургундский разрешил участвовать в представлении клирикам своей дворцовой церкви.

«Безумная мамаша» была переодетой в женское платье мужчиной. Иногда этот маскарад применяли в качестве наказания для тех, кто оскорблял общественную нравственность, например для мужей, избивающих жен. Праздник невольно вторгнулся в политику, и в 1603 году Людовик XIII запретил его за спровоцированные им беспорядки.

Многие языческие религии были связаны с колдовством, почиталось божество Кернунний, или Рогатый Бог, чей алтарь погребен под фундаментом Нотр-Дам. Средневековые ведьмы были изобретены христианской Церковью для борьбы с описанными нами эротическими феноменами, показывая, что будет с тем, кто не согласен с политикой Церкви. Множество историй о колдовстве — исповеди о совокуплениях с дьяволом и тому подобное — плод эротических фантазий об инкубах и суккубах, сюда же можно отнести и значительную долю «опыта» тех, кто занимался черной магией (нередко делают свое дело и наркотики). Говорят, что у ведьм была мазь, позволявшая им летать. Состав этого бальзама известен, анализ показал, что в нем содержатся атропин и белладонна. Оба наркотических вещества могут вызывать галлюцинации, а ощущение полета — стандартная компонента, символизирующая соитие.

Если говорить о колдовстве в Европе середины XVII века, следует иметь в виду четыре связанных между собой, но не совпадающих явления.

Во-первых, почитали Рогатого Бога (Кернунния). По сути, то было языческое божество, в представлении многих христиан — олицетворение дьявола. *Во-вторых*, истерические состояния и эротические галлюцинации, обусловившие множество суеверных бредней и «свидетельств» против ведьм на процессах. *В третьих*, они же, возможно, частично ответственны за порчу и сглаз. *В-четвертых*, странные болезни, которые сейчас мы назвали бы «господним промыслом», тогда приписывали ведьмам.

Культ Рогатого Бога, очевидно, унаследовал традиции культа Приапа, причем больше в римском варианте, чем в греческом. Обряд предусматривал танцы и свальный грех. Ведьмы на сборище обязаны были поцеловать в ягодицы жреца (или в маску, привязанную к ним.) Женщины должны были целовать любую часть его тела, если он приказывал. В обязанность женщин входило совокупление с дьяволом или жрецом по их первому требованию, этокое право «первой ночи». Для этого использовали искусственный фаллос. Признания ведьм о сношениях с дьяволом часто содержат описания его члена, о котором говорится, что он «длинный, в половину скрипки», «покрыт рыбьей чешуей», «как у осла», «холодный как лед», «обжигаяще горячий». Некоторые говорили, что он всегда свисал наружу из штанов, другие — что сделан из рога, «отчего женщины так визжат». Все женщины свидетельствуют о причиненной им боли, но только в случае металлического фаллоса можно объяснить леденящий холод от «дьявольского члена».

Почитатели Рогатого Бога не занимались колдовством, если иметь в виду сглаз и порчу.

Упомянутый нами танец был важной частью обряда, обычно он происходил на церковном дворе. В 1282 году священник в Инверкейтинге сам возглавлял хоровод возле храма.

Танец всегда вызывал недовольство и даже страх ревнителей морали, и это вполне понятно. *Во-первых*, он

непредсказуем, во-вторых, высвобождает эмоции. Кто знает, к чему это может привести?

В XVI веке о танцах много писал Филипп Стаббз. Он часто цитирует другого автора — Булленджера: «Танцы — суть лживость и нечистоты». Кальвин говорит: «Танцы — злейшее их всех зол», — и добавляет, что «...танцующие — явно сумасшедшие, танцы разжигают похоть и невозможно, чтобы танец был добрым делом».

В эпоху средневековья танцы запрещали, они шли рука об руку с колдовством на Празднике Дураков и других подобных церемониях. В 1374 г. в землях Нижней Германии произошёл фантастический всплеск «хореомании». Дьявол или душевная болезнь заставляли людей танцевать неудержимо и безостановочно. Они просили близких перевязывать им потуже животы, чтобы не умереть, и панически боялись красного цвета. По свидетельствам очевидцев, они обнажались, не испытывая смущения перед зрителями, и выглядели абсолютно безумными. В хрониках и памфлетах их упрекают в бесстыдстве. Считалось, что безумная страсть к танцам связана с появлением инкубов и суккубов. «Хореомания», как и самобичевание расцвели в Европе сразу после эпидемии чумы.

Христианство осуждало это явление и как сексуальную распущенность, и как ересь, считая, что, если человек виновен в одном, должен быть повинен и в остальных грехах — религиозных, сексуальных, политических.

Интересно, не правда ли? Особенно если вспомнить, как американцы во время «охоты на ведьм» в США считали что коммунистом скорее окажется гомосексуалист, чем гетеросексуал.

Борьба христианской Церкви с танцами началась уже в IV веке, хотя в тот период была в основном направлена против непристойных плясок. Блаженный Августин с удовольствием запретил и осудил бы любые пляски, но ему мешали Евангелия от Матфея и Луки. Запреты множились, позиция Церкви ужесточалась. В 826 г. Собор с сожалением констатировал, что «женщины, особенно по праздникам и в дни Святых, приходят в церковь только за тем, чтобы петь бесстыдные

песни и водить хороводы». Чем дальше мы движемся вглубь средних веков, тем больше запретов видим, танцы связывают с Праздником Дураков и излишествами флагеллянтов.

Церкви угрожало просачивание языческой сексуальности в христианскую культуру. Появлялись «фаллические святые», такие, как Св. Футин (происходящий от весьма уважаемого епископа Лина Отина). Деве Марии грозила опасность стать божеством плодородия. Средневековье было беспокойным временем для церковных иерархов, но им не удавалось установить контроль над умами паствы, хотя один Бог ведает, сколько вреда нанесли их попытки.

Перемены носились в воздухе. Средневековый человек рассматривал Вселенную и себя в ней как сотворенных Богом. Отклонения в поведении людей считались опасными и безнравственными: кто знает, не вызовет ли это нежелательных катаклизмов. Но постепенно человек подобно ребенку, получившему в подарок много новых игрушек, хотел изучать мир. Ему предстояло понять, что полная свобода — вещь обоюдоострая.

Насилие Церкви и Государства осуществлялось жестоко, с почти садистским удовольствием, и только в эпоху Ренессанса ситуация изменилась. Подсознательное доминировало в средневековом человеке. Люди Возрождения пытались бороться с мракобесием и впадали в другую крайность — похоть, алчность и безрассудство. Рушились устои, распадалась семейные связи... Впервые с античных времен в общество вернулись куртизанки, одежда становилась все более роскошной, а румяна накладывали не только на щеки, но и на обнаженную грудь. Аристократия увлеклась благовониями, ими пропитывались даже мебель, деньги и домашние животные. Расцветали искусства.

К сожалению, нравы общества ожесточались. Буркхард писал о некоем Малатесте: «Не только суд Рима, сама история вынесла ему приговор за убийство, насилие, прелюбодеяние, инцест, богохульство, лжесвидетельство и предательство, совершенные не один раз, но многожды». К этому впечатляющему списку следует

добавить непристойные сексуальные домогательства по отношению к собственному сыну — он вынужден был защитить себя с помощью кинжала.

Вернер фон Узлингом выгравировал на своих доспехах: «Враг Бога, Жалости и Милосердия».

12 августа 1495 года священник дон Никколо де Палагати из Фигароло был посажен в железную клетку в Ферраре. Получив отпущение грехов в Риме после убийства, он прикончил четырех человек и женился на двух женах, с которыми и путешествовал. Впоследствии он принял участие во многих политических убийствах, издевался над женщинами, некоторых захватывал силой и увозил. Он терроризировал Феррару вместе с бандой вымогателей, добывая средства насилием.

Сексуальная распущенность проникла даже в женские монастыри. В 1497 году венецианский дож объявил, что среди женских монастырей имеются «бордели и дома свиданий», но это не мешало некоторым юным аристократам врывать в обители и насиловать монашек. В 1509 году в одной из обителей юные аристократы устроили ночной бал. Одна монашка вызвала гнев епископа отсутствием вуали и завитыми волосами.

В 1561 году священник Пьетро Леон из Валькамоники «был замечен в греховной связи с монахинями, находящимися на его попечении, числом до четырех сотен, которые большей частью были молоды и красивы. За стенами обители он сбрасывал ханжескую маску и выказывал свое истинное лицо развратного деспота. Он использовал исповедь для соблазнения и, встретив сопротивление, не останавливался перед заключением строптивницы и пыткой. Летом он принудил самых красивых сестер раздеться и купаться перед пристанью, а сам играл роль старца из притчи о Сусанне. Его стол ломился от изысканных кушаний и великолепных вин, в покоях всегда стояли засахаренные фрукты и ликеры. Наконец некоторые монахини, не желая больше терпеть его домогательства, бежали и сообщили чудовищные сведения о священнике».

Полагаю, читателям ясно, что нравственность вступала в явное противоречие с христианской верой. Церковь была авторитарным институтом, а эпоха власть не

уважала. Атеизм пап не способствовал набожности папства. Лев X говорил о загробной жизни: «В ничто обращается то, что и прежде было ничем», а развращенность приближенных папы Александра VI трудно представить. Обратимся к дневнику епископа Бурхардта, папского церемониймейстера:

«Александр, в рождении Родриго Борджиа, отец Цезаря и Лукреции, рано проявил свои наклонности. В письме к нему Пия II папа выражает сожаление по поводу дошедших до него слухов. Письмо датировано 2 июня 1460 года.

«Возлюбленный сын,

Мы узнали, что Вы, забыв о высоком Вашем положении, присутствовали четыре дня назад (с семнадцати до двадцати двух часов) в саду Джиованни де Бичи, где было и несколько жительниц Сиены, живущих в мирской суете... Мы слышали, что Вы наблюдали за их распутными танцами, ни в одном из любовных соблазнов не было недостатка, и Вы вели себя как мирянин. Стыд мешает мне говорить о происшедшем, ибо не только деяния, но даже упоминание их недопустимо рядом с Вашим именем. Я знаю, что мужья, отцы, братья и родственники этих молодых женщин и девушек не были приглашены, чтобы ничто не помешало вашей похоти. Вы не только были на этой оргии, Вы ее вдохновляли и руководили ею».

Очевидно, письмо не возымело действия, ибо сорок один год спустя мы читаем следующую запись в дневнике Бурхардта:

«Вечером 30 октября 1501 года в покоях графа Валентино (Цезарь Борджиа) в папском дворце был праздник. На нем присутствовали пятьдесят проституток высшего класса. После трапезы они танцевали со слугами и гостями. Сначала все были в платьях, но потом совершенно обнажились. Когда гости закончили есть, горящие свечи со стола переставили на пол, и голым куртизанкам швыряли каштаны, чтобы те подбирали их с пола, ползая на четвереньках между подсвечника-

ми. Папа, граф и его сестра Лукреция наблюдали за этим зрелищем. Коллекция шелковых шарфов, чулок и брошей предназначалась для награды тому, кто совершит наибольшее количество соитий с проститутками. Зрители, бывшие судьями, вручали победителям призы».

Не прошло и двух недель, как Его Святейшество устроил новое развлечение. «В город явился крестьянин с двумя кобылами, нагруженными дровами. Когда они явились на площадь Св. Петра, какой-то папский слуга, пробегая мимо, схватился за поводья, сбросил поклажу и отвел кобыл на маленький дворик за дворцовыми воротами. Затем были выпущены четыре жеребца без седел и уздечек. Они кинулись к кобылам, передрались между собой, кусаясь и лягаясь с громким ржанием, и покрыли кобыл с яростным пылом. Папа наблюдал за этим из окна своих покоев над воротами, Лукреция была рядом с ним. Оба хохотали до упаду и открыто проявляли свое удовольствие».

На Рождество в 1503 году папа наблюдал за непристойным маскарадом: тридцать ряженных собрались на площади Св. Петра, «надев носы приапической формы», т. е. в виде восставшего пениса. «Они ехали на маленьких осликах, таких низких, что ноги наездников касались земли, а папа смотрел на них из окна дворца».

В письме к Сильвио Савелли Бурхардт писал о «насилиях, непотребных действиях, совершаемых во дворце Св. Петра, бесчестных вещах, творимых с подростками и юными девушками, проститутках, допущенных ко двору, и папских детях, рожденных от инцеста». Конечно, понтифик не был обязан платить за удовольствие, и в Пьомбино «заставил всех красивых женщин и юных девушек танцевать несколько часов на площади перед своим дворцом».

Такое поведение было полуязыческим, а папа Лев X своей буллой освятил почти языческие обычаи. Окончание великого поста отмечалось столь необычным праздником, что он скорее напоминал римские сатурналии:

«Во время мясопустной недели в Риме устраивается великое торжество, которое горожане привыкли назы-

вать карнавалом. Он длится три или четыре дня, и все это время папа находится за городом из-за шума и беспорядков. Участники карнавала переодеваются женщинами, турками, словом, кто во что горазд. Они не спешиваются с лошадей и не сходят с повозок — это слишком опасно».

«Услаждающие их куртизанки, раздвинув занавески, высовываются из окон, а с улицы в них плещут розовой водой».

«Все носят маски, чтобы не быть узнаваемыми, если человек затаил злость на врага, он может убить его, и никто не задержит убийцу, ибо в это время закон не действует. Я видел доброго римлянина, который катил в карете, когда внезапно кто-то разрядил в него пистолет, но никто и пальцем не шевельнул — ни чтобы поймать убийцу, ни чтобы помочь бедному джентльмену. Людей убивают, дают лошадьми, а толпа продолжает веселиться».

Карнавал, как и Праздник Дураков, был делом малопочтенным и ложился позорным пятном на белые одежды Церкви. При Юлии III устраивали яростную травлю быков собаками. Сикст V предпринял отчаянные попытки уничтожить карнавал, ставя виселицы в устрашение непокорным. Но малые успехи были очень быстро забыты, и особенно усердствовала в разврате Флоренция.

В современных США праздник возродился в обличье Марди гра (вторник на масленной неделе). Во всех подобных ритуалах важную роль играет сексуальная активность.

В Англии реакцией на Ренессанс стала Реформация. То, что реформация началась так рано, косвенно связано с обстоятельствами жизни Генриха VIII, его сластолюбием. Ирония заключается в том, что тенденция к ограничениям началась с эпидемии венерических заболеваний. Какое-то время будущие пуритане были меньшинством, мы поговорим о них в следующей главе.

Ренессанс в Англии в отличие от Италии никогда не порождал в человеке ощущения сверхсилы. То был период равновесия, хорошее время, по мнению совре-

менников, хотя сексуальное поведение было вполне спокойным и не сказать чтобы разнообразным. Это был век честности, впервые вышли книги типа «Школы для девочек».

Даже в своем английском варианте Ренессанс пробуждал ненависть пуритан. Средневековая доктрина о греховности наслаждений уходила в прошлое, брачный обряд стал более чувственным, плотским.

Булленджер в «Христианском супружестве» жалуется: «С утра приглашенные на свадьбу предаются излишествами в еде и питье и опаздывают на службу. В храм они являются полупьяными и уже не внимают ни поведению, ни молитве, но стоят так, по привычке».

После пира невеста выходит на площадку для танцев: «Начинаются прыжки, скакание и беготня, одежда женщин приподнимается, обнажаются их прелести, так что создается впечатление, что танцующие отбросили всякий стыд и совершенно сошли с ума в бесовских плясках... шум не прекращается до самого ужина».

После ужина, когда вымотавшиеся новобрачные пытаются найти убежище в постели:

«Бесцеремонные и неугомонные гости собираются у двери спальни и распевают непристойные баллады, так что сатана, верно, торжествует».

Пасхальные праздники плодородия, праздники урожая, рождественское поклонение Солнцу, тайком отмечавшиеся в средние века, вышли из подполья, вызывая протест пуритан.

Участники этих обрядов питали к ним не только фольклорный интерес. Это совершенно ясно из описания Стаббза:

«В мае, на Троицу, каждый приход, жители местечек и деревень, собираются вместе, мужчины, женщины и дети, стар и млад... Они устремляются в леса, на холмы и горы, где проводят ночь в утехах, а поутру возвращаются с березовыми и другими ветками... Они ведут с собой двадцать—тридцать быков, их рога украшены цветочным венком. Быки тащат Майское дерево, украшенное цветами и листьями, иногда раскрашенное в разные цвета. За ним бредут две или три сотни человек, очень воодушевленные. К столбу привязывают

флажки и носовые платки, а потом устраивают пляски вокруг столба в знак поклонения идолу».

Природа «утех» не оставляет места сомнениям, ибо после возвращения домой две трети девушек оказываются «запятнанными».

Сравнение нравов эпохи английского Ренессанса с нравами других европейских стран побуждало островитян критиковать их, причем не всегда объективно.

Уильям Литгоу, путешественник времен царствования Джеймса I, с отвращением осуждал гомосексуальное поведение. В Падуе, которую он почитал самым печальным городом Европы, «школяры по ночам совершают множество убийств своих врагов, незнакомцев и невинных граждан; скотская содомия здесь в обычае, так же, как в Риме, Неаполе, Флоренции, Болонье, Венеции, Ферраре, Генуе, Парме; не становится исключением и самая маленькая итальянская деревушка. Для них самое любезное дело — распевать песни и читать стихи о красоте и наслаждении мальчиками».

Реформация, начавшаяся в Англии, распространялась и по Европе, но реакция на ограничения, навязываемые Церковью, была слишком сильной. Маятник качнулся и, проскочив вертикальное положение, вернулся в исходное положение.

Глава четвертая

ПУРИТАНИН И РАСПУТНИК

Я уже писал, что в Англии сосуществовали ограничительная и разнузданная тенденции поведения в сексе.

Ни одно течение не выражает так ясно суть пуританского движения, как кальвинизм. Превыше всего кальвинисты почитали святость авторитета — особенно отцовского. В Шотландии был обезглавлен ребенок, ударивший своего отца. У кальвинистов была пламенная страсть к законам и нормам. За каждое преступление полагалось определенное наказание, изобретенное невротическим умом. Против человека, написавшего слово «чушь» на полях книги Кальвина, было открыто судебное преследование. Богохульство приравнивалось к государственной измене. Столь же суровое наказание полагалось за обращение к Кальвину просто по имени. Женщины снова рассматривались как низшие существа, на поклонение Деве Марии наложили табу, а идея матриархата была предана проклятию. Нокс написал памфлет «Трубный звук против чудовищного правления женщин», что совпало с коронацией Елизаветы I, и автора надолго сослали в Соммерсет.

Впрочем, влияние пуритан не было так сильно, как власть Церкви в средние века. Пуритане пытались привить чувство вины своей пастве, их ярость пробуждала не только плотские грехи.

Борьба была шумной, непрерывной, но неэффективной. Кальвин спрашивает: «Разве наши бесчисленные ежедневные препирательства не заслуживают более сурового возмездия, чем Он, по милосердию, накладывает на нас? Разумно ли, что наша плоть, смиряемая ярмом, повинуюсь своей сущности, все же стремится к незаконным излишествам?» В этой фразе —

ный против секты, известной под названием «Семья любви». Она была основана в XVI веке.

Сюзанна Сноу, дочь уважаемого джентльмена из Петфорда (Сюррей), разговаривая однажды с одним из отцовских слуг, стала его расспрашивать о новых религиозных сектах. Он поведал ей об обществе, «насчитывающем около сотни членов, которые ежедневно собирались в укромном месте». Говорили, что они из Лондона, хотя не исключено, что адепты их имеются по всей стране. Сюзанна все выслушала, не спала всю ночь, поднялась до рассвета, наспех проглотила завтрак и выехала верхом... так было велико желание этой бедняжки броситься в объятия греха. Прибыв на окраину Бэгшота, она увидела на пустоши не меньше ста мужчин и женщин. Она приблизилась к одной отставшей женщине и, сказав, что ей назначена встреча в «Семье любви», узнала, что нашла то, что искала. Так она получила доступ в секту.

У «Семьи» были «определенные дни, посвященные так называемым святым». Среди этих «святых» был и Овидий, написавший «Науку любви». На собраниях в лесу они слушали жреца, который обращался к ним с восторженными речами типа: «не будем предаваться унынию, хотя многие из нас склонны к этому, что великий бог Купидон гневается на нас, ибо он проникает в сердца только самых щедрых». Потом он читал наизусть что-нибудь из «Эпиграмм» Вергилия и устраивал обсуждение непристойных отрывков, после чего сектанты шли обедать, и им в изобилии подавали изысканные кушанья.

Во время обряда глава секты почувствовал такое расположение к Сюзанне, «что должен был насладиться ею или умереть». Когда они уходили из леса, он отвел ее в сторону и опутал сетью словес:

«Милая сестра, я перед тяжелым выбором: умереть ли мне в молчании или предстать перед тобой в невыгодном свете; но смерть так скучна, а желания мои так сладостны, что я предпочту показаться плохо воспитанным, чем не восхититься твоею красотой». Так он достиг успеха. Сюзанна присоединилась к остальным сестрам и оставалась с ними неделю, после чего вернулась

домой, объяснив свое отсутствие пребыванием у тетушки. Мать понимала, что дочь лжет, но не смогла добиться от нее другого ответа. Мисс Сноу тем временем впала в меланхолию, стремилась быть одна в комнате, била посуду, иногда об головы слуг. Напуганные до смерти родители обратились за помощью в Оксфорд, к мистериу Ибдеру, «самому почтенному богослову». Как только он прибыл, его отвели к девушке наверх. Добросердечно улыбаясь, он вошел в комнату, но Сюзанна взвизгнула: «Дьявол, дьявол; я проклята, я проклята!» — и принялась ужасно вопить.

Мистер Ибдер уверил девушку в том, что она ошибается, и Сюзанна на мгновение успокоилась, «но затем она вновь впала в волнение». Попросив стакан воды, она тут же швырнула его оземь. В конце концов девушка успокоилась и утешилась, но история о посещении ею секты вышла наружу.

Нельзя не заметить тень средневековья над эпохой Реформации. Церковь предпочитала иметь много разных врагов — еретиков, колдунов, гомосексуалистов, содомитов. В некоторых случаях основанием для обвинения были видения сексуально озабоченных невротиков, чье появление поощряла сама Церковь. Так ли обстояло дело в XVII веке? У меня нет однозначного ответа на этот вопрос.

Римско-католическая Церковь стремилась подавить подобные тенденции, и, как бы парадоксально это ни выглядело, ей пришлось во многом стать такой, какой была реформаторская церковь.

Рим стал предельно авторитарным. Увидел свет эдикт о папской непогрешимости, став противовесом законам и правилам, созданным ими самими как подмена Священному Писанию.

Папа Александр VI, ошибочно полагая Землю плоской, провел линию на карте и обозначил все территории к западу от нее как испанские, а к востоку — как португальские. Португальцы незамедлительно двинулись вокруг земного шара в восточном направлении и высадились на южноамериканском континенте, открыв Бразилию.

Католичество болело теми же болезнями, что и Реформация. В головах его адептов рождались те же фобии — страх перед наукой и всем новым, не согласующимся со слепым преклонением перед освященным авторитетом. Последовали суд над Галилеем, казнь Джордано Бруно, мучения Кампанеллы, ожил садизм.

Возвращение Карла II прекратило разговоры о поддержании и вреде незаконных связей. Конечно, английский народ не кинулся в омут разврата, но праздновали возвращение короля бурно, умеренность не везде побеждала распутство, особенно среди знати. Богатство и праздность приводили к пьянству и блуду. Даже в лучшие времена при Тюдорах были известные случаи диких вспышек страстей, как среди мужчин, так и среди женщин. Вот что писали о сестре сэра Филиппа Сиднея Мери, графине Пемброк: «Она была красавицей с блестящим умом, получила лучшее образование. У нее было очаровательное лицо с острыми чертами. Волосы были рыжевато-соломенные».

Графиня была весьма похотлива. Весной, когда жеребцы покрывают кобыл, она любила услаждать свой взор этим зрелищем, а затем сама предавалась подобному занятию. Среди ее любовников был горбун граф Сесил Сэлисбери».

Еще более удивительную картину нравов аристократии дает нам протокол судебного разбирательства против лорда Мервина Каслхэвена в апреле 1631 года за соучастие в изнасиловании своей супруги, содомию со слугами и поощрение развращения дочери.

Перед пэрами, заседавшими в Вестминстер-холле, прошли свидетели его преступлений — графиня, дочь и слуги.

Слуг заставляли насиловать графиню Анну, а затем вступать в связь с хозяином дома. Любимцами графа были слуги Энтилл и Скипворт, последнего он женил на своей дочери.

Дочь засвидетельствовала, что «сперва она была вынуждена лечь со Скипвортом под принуждением и угрозами графа... Он несколько раз смотрел, как мы ложились со Скипвортом... В первый раз он вошел в меня с помощью масла, ибо мне было тогда только двенад-

цать лет. Обычно он сходиллся со мной с ведома графа и по его указанию».

Мать повела: «В первую или вторую ночь после свадьбы к нашему ложу приблизился Энтилл, и лорд Аудли обратился ко мне с непристойной речью, заявив, что мое тело принадлежит ему и что если я с его ведома ложусь с любым из его людей, то вина не моя, а его. Он велел Скипворту нагим войти в нашу спальню и наслаждался, заставляя слуг показывать их наготу. Он заставлял меня смотреть на них и хвалить того, у кого был самый длинный... Бродуэй, слуга моего мужа, по приказу его лег со мной; я сопротивлялась, но лорд Аудли держал мои руки и одну ногу... Он наслаждался видом акта. Затем Энтилл присоединился к нам в постели и лег со мной таким образом, чтобы муж мог видеть происходящее. Хотя я плакала, он не обращал никакого внимания на мои жалобы, но подбадривал насильников».

Разные слуги в своих показаниях подтвердили сказанное леди. Бродуэй добавил, что, после того как он изнасиловал леди Каслхэвен, граф «использовал меня как женщину». Он также подтвердил свидетельство, касающееся Скипворта и юной леди: «И когда он лег на нее, лорд Аудли, стоя рядом, призывал его сделать ей ребенка, ибо он предпочел бы занять мальчика от Скипворта, а не от кого-то другого».

Другой слуга, Фицпатрик, показал, что Скипворт был любимчиком лорда и «обычно делил с ним постель». Сам Фицпатрик часто ложился в постель с лордом Аудли и думал, что то же касается большинства остальных слуг. Он добавил, что в доме была «женщина по имени Бландина, которая творила блуд как с его светлостью, так и со слугами. Поместье было для всех борделем, и граф получал наслаждение не только от своих действий, но и в качестве зрителя, когда другие занимались этим. Однажды сам лорд и его слуги мучили Бландину семь часов подряд все вместе, в результате она получила французскую болезнь».

Каслхэвен в свою защиту сказал, что слуги действительно делили с ним постель, но только из-за временного недостатка места, а все дело в целом — затея его

сына, который решил его устранить, чтобы завладеть имуществом, так что пэры были введены в заблуждение.

Вся эта дикая история, случившаяся в графском поместье в Уилтшире, может быть понята как бегство от действительности, мистическое тяготение к сексуальному поведению древних людей, но без романтизма античности. Конечно, граф мог быть психически неуравновешенным человеком, но, на мой взгляд, его поведение — ярко выраженный образец того, до чего может довести скука, а ведь общество купалось в ней несколько десятилетий.

О короле Карле следует сказать, что в своих сексуальных желаниях он был неукротим. Ему было безразлично, как добиваться женщины, с мужьями он расправлялся быстро и просто. Уродливый как смертный грех, король мог, овладев женщиной, тут же ее отвергнуть. Он менял женщин со сказочной скоростью. Но одновременно с этим Карл был атлетом, летними вечерами он отправлялся на реку в Путни плавать, а по утрам, когда все остальные валялись в постели, истощенные ночными излишествами, поднимался с солнцем и два часа играл в теннис на дворцовом корте. Он занимался фантастическим количеством дел, был умным и тонким политиком и экономистом. Король мог успешно поддержать беседу об астрономии, архитектуре, садоводстве, антиквариате и пчеловодстве. Впрочем, Карл был исключением.

Жестокость, зародившаяся в эпоху Ренессанса, к началу нового века приобрела ужасающую власть над душами людей, повторяя историю Древнего Рима.

Все начиналось при дворе и получило развитие в стране как честное и открытое отношение к жизни. Люди устали от бесконечного самоконтроля и разговоров о морали и решительно отказались от них. Когда в Лондоне под улюлюканье и вой сжигали чучела папы и кардиналов, их начиняли живыми кошками, чтобы визг был натуральнее. Люди легко раздражались: стоило вам задеть кого-нибудь локтем в толпе, он тут же кидался на вас.

Интересной фигурой того времени был сэр Чарльз Седли, остроумный драматург, о котором Карл II ото-

звался как о человеке, которому «природа выдала патент наместника Аполлона». Он был женат на католичке, которая, к несчастью, вскоре сошла с ума (будучи фантастически тщеславной, эта женщина настаивала, чтобы к ней обращались «Ваше величество»). Его дочь Катерина была одно время любовницей Джеймса, графа Йоркского. У Седли была репутация безудержного распутника. Он должен был оставаться забавным, но не мог побороть злопамятность: когда Кайнстон однажды посмеялся над его манерами и одеждой, он подослал к нему наемных убийц. В середине 1663 года у драматурга были серьезные неприятности в связи с дикой выходкой в таверне на Боу-стрит. Вот что сообщает нам Пепий:

«В июле 1663 года... во время беседы после обеда мистер Беттен рассказал нам о суде над сэром Чарльзом Седли за дебош. Среди бела дня он вышел обнаженным на балкон... и объявил, что у него есть порошок, который заставит всех женщин города бегать за ним, потом взял стакан вина, выпил его, взял другой — и выпил за здоровье короля».

Доктор Джонсон в «Жизни поэтов» приводит такую версию этого происшествия. «Сэйквэйл... вместе с сэром Чарльзом Седли и сэром Томасом Оуглом напились в «Петухе» на Боу-стрит и, выйдя на балкон, выставили себя перед народом в самых непристойных позах. Седли стал ругаться на зевак в таких непотребных выражениях, что в народе пробудилось негодование; толпа пыталась вломиться в дверь, но получила отпор и стала бросать в героев представления камнями, разбив окна в доме. За недостойное поведение джентльмены были преданы суду». Седли оштрафовали на значительную сумму, и, как пишет Пепий: «Судьи сделали все, чтобы приговор был суровым. Судья говорил: «Поделом ему, это в урок ему и подобным несчастным созданиям, из-за них на нас проливается гнев Божий...»

Пятью годами позже с Седли вновь случилась неприятность. Пепий пишет: «...Мне поведали в числе новостей о последней гнусной выходке сэра Чарльза Седли и Бакхарста, которые всю ночь носились по улицам с голыми задницами, вступали в драку со стражей, были побиты и заперты на ночь».

Бакхарст вместе с Седли содержал «веселый дом» в Эпсеме. Его не раз арестовывали (в первый раз за убийство), он был такого же дикого нрава, как Седли. Но король тогда защитил его, поскольку сам принимал участие в веселье. Беднягу-констебля, который произвел арест, подвергли осмеянию».

Среди других происшествий с сэром Чарльзом стоит отметить его стычку с Гилбертом Шелдоном, архиепископом Кентерберийским, в честь которого назван Шелдонианский театр в Оксфорде. Обстоятельства, если верить Пепию, были следующими:

«Среди других новостей мой кузен Роджер рассказывал, что архиепископ Кентерберийский содержит девку и сам распутник хоть куда. Лондон узнал, что сэр Чарльз Седли увел от архиепископа одну из его девок, а тот послал вернуть служанку и негодовал на бесчестье. Говорят, сэр Чарльз ответил так: «Язви его милость! Передай, что я думаю, будто он чувствует себя слишком старым и боится, что я осрамлю его среди девок и испорчу игру».

Трудно сказать, что в этой истории правда, а что — слухи. Седли дожил до начала XVIII века, но в 1680 году получил сильное сотрясение мозга и никогда уже не был прежним, а в последние годы жизни стал маниакально религиозным.

Об эпохе Реставрации часто говорят как о развращенном веке. Театр был уделом высших классов, и подмостки постепенно превратились в подобие борделя, только телом торговали не шлюхи, актеры обоих полов.

Карл II пытался добиться от своих придворных соблюдения приличий, возможно, подражая Людовику XIV. Он делал все, чтобы справиться с пьянством, и требовал выражаться прилично, выгнав Генри Киллигрю из дворца за то, что тот сказал про Барбару Виллнерс, будто она с ранних лет была «маленькой потаскушкой». Наказание явно превосходит преступление, особенно если учесть, что обвинение было справедливым. Барбара была единственной среди королевских любовниц, у кого страсть преобладала над соображениями финансового характера. Ей не было пятнадцати,

когда она вступила в связь с лордом Честерфильдом, и еще очень долго, уже став любовницей Карла, открыто встречалась с ним. Ее поведение вызывало всеобщее недовольство, появился даже анонимный памфлет «Петиция бедных шлюх».

Несмотря на попытки создать хоть видимость пристойности при дворе, Карл был весьма откровенен в отношениях со своими любовницами. О том, что происходило в Арлингтонском поместье, рассказывает Эвелин: «...В доме полно лордов, дам и кавалеров, обстановка поражает роскошью и великолепием... Октябрь 1671 г. В доме ночует госпожа Шлюха. Весь день она ходит в неглиже, и с этой юной распутницей развлекаются все подряд...»

Девятью месяцами позже у госпожи Шлюхи — Луизы Пенсо де Керуай — родился ребенок, как все считали от Карла.

Сексуальная распушенность Реставрации и буйный нрав были свойственны окружению короля.

Как и в Римской империи, насилие оказалось ядовитой заразой, и закончилась эпидемия весьма печально.

Глава пятая

РАСПУТНИКИ ЭПОХИ ГЕОРГОВ И МЕДМЕНХЭМ

XVIII век был эпохой клубов. Пожалуй, никогда, ни раньше, ни позже, люди со сходными интересами не выказывали такой тяги к объединению в формальные союзы. Это касалось как людей порочных, так и вполне благопристойных. В течение столетия возникало все больше законов и правил поведения, неистовство старались обуздать, а публичным домам придать респектабельность.

В начале века лондонские распутники не скрывали, что считают себя наследниками буянов предыдущего столетия. Щеголи и повесы слонялись по улицам, наводя ужас на обывателей. Они разбивали часы и окна, совершали акты насилия и даже убивали. Юных девушек сталкивали в сточные канавы, женщин постарше запихивали в бочки и спускали вниз с горки. Буйство было обычным делом, о чем свидетельствует история таких клубов, как «Могавки» и «Головорезы». «Могавки» терроризировали город очень долго. Они придумали забаву, названную ими «задень льва». Суть заключалась в том, чтобы выбить глаз или сломать нос человеку, имевшему несчастье повстречаться на их пути. Случалось им растягивать жертве рот специально придуманными крючками и отрезать уши. В первую треть века таких клубов было несколько, но позже, когда их выходы превосходили все мыслимые границы допустимого, с ними покончили, так что все последующие годы случаи были единичными.

В Лондоне тогда было полно борделей, домов свиданий и трактиров сомнительного свойства, не было недостатка и в проститутках. Им делали хорошую рекламу, ежегодно публикуя «Гаррисонский» список «Дамы

Ковент-Гардена» с подробным описанием прелестей и достоинств всех знаменитых шлюх. (Эта затея оказалась столь успешной, что позже Гаррис занялся рекламой компаньонов для обитательниц Пиккадилли.)

Главным пороком века было не распутство, а пьянство, но они взаимосвязаны. Хотя женщины никогда не допускались на заседания клубов, о них постоянно говорили, вечеринки часто завершались посещением борделя или театра, где было много женщин сомнительного поведения и шлюх всех мастей. Автор «Тайной истории клубов», журналист Нер Ворд так описывает типичный вечер в «Клубе Франтов»: «Изрядно насосавшись бургундского, шампанского или другого вина, они прочищали ноздри содержимым табакерок и продолжали пить за здоровье знаменитых распутниц с театральных подмостков, отребья с Хеймаркет и придворных куртизанок. Все это сопровождалось длинными речами о «сочных и пышных губах, сонных развратницах и неутомимых любовницах». Допившись до необходимого градуса смелости и энтузиазма, они отправлялись в театр, а точнее в атаку на леди в масках и дешевых побрякушках, «готовых открыть калитку в сад любви любому смелому искателю приключений с дерзкими помыслами».

Шлюхи часто посещали галерку, и мы можем только гадать, что им открывало столь легкий доступ в театры, — ясно, что о деньгах речь не шла. Впрочем, не все ходили на спектакли «по профессиональной надобности».

В 1670 г. был создан «Танцевальный клуб». Посещали его «сутенеры, распутники и проститутки, — говорит ироничный Ворд. — Членство в клубе не ограничивалось ни количеством, ни качеством, любой мог вихлять спиной как угодно». Среди посетителей были профессиональные проститутки, такие, как Устричная Молли, «чья волосатая щель была готова пропустить через себя полк гвардейской пехоты». Мужчины и женщины посещали клуб с целью получить сексуальное удовлетворение («чтобы через танец одна задница поладила с другой»). Затея оказалась столь успешной, что вскоре учитель танцев, основавший клуб, перевел его в более

удобное помещение. Танцующие бесновались, и пляски их были далеки от классических. По словам Ворда, общество часто впадало в неистовство, поскольку посетителями были в основном слуги, стащившие господскую одежду, но заглядывали сюда и юные повесы в надежде заполучить какую-нибудь служаночку, что им обычно удавалось. Ворд делает упор на буйстве и проказах танцующих. Комнаты для отдыха были к услугам тех, кто желал танцев иного рода, но у некоторых не хватало денег на такую роскошь, и они вынуждены были опускаться прямо на пол среди ног танцующих.

Балы-маскарады давали повод продемонстрировать непристойные и странные наряды.

Леди Елизавета Монтегю злобно отзывается о костюме некой мисс Чадлей на балу в 1750 году:

«Мисс Чадлей была одета, или, вернее, раздета самым интересным образом. Она представляла «Ифигению перед жертвоприношением» и была до такой степени обнажена, что Верховному жрецу легко было изучать свою жертву. Это так потрясло присутствующих дам, которые и сами были не так чтобы закутаны, что они не стали с ней даже разговаривать».

Некоторые богатые ублюдки искали утех не в общедоступных притонах: например полковник Чарсерис, вор, жулик и трус, обвиненный в 1730 году в изнасиловании служанки, о котором писали, что, несмотря на возраст, он преуспел во всех пороках, кроме разве транжирства и лицемерия. Он содержал личный сераль в Хорнби-Касл, а управляла им зрелая матрона.

Вильям Дуглас имел дурную репутацию устроителя оргий в своем доме на Пиккадилли и в поместье в Ричмонде. Его образ жизни называли «восточным сладострастием» и «открытой чувственностью». Он умер, объевшись фруктами, и умудрился (непонятно каким образом) сохранить до конца дней сексуальную активность.

Сэр Френсис Дэшвуд был совладельцем публичного дома миссис Стэнхолд возле Друрри-лейн, что, несомненно, облегчало ему собственное «баловство» в Медменхэме в Западном Уайкомбе. В клубах никогда не занимались сексом, но распутники всегда могли отправиться в бордель, такой, например, как «Молли Кинг»

матушки Дуглас, к миссис Гульд или же в знаменитый «Дом миссис Гоудби», которая, посетив Францию, внесла много новаций и украшений в жизнь английских гетер. Там можно было получить еду, питье и девочек.

В XVIII веке в борделях устраивали частные вечеринки, а управляли ими настоящие профессионалы.

Вышеупомянутая миссис Гоудби ввела строгие правила надзора за своими девушками. Их еда и питье находились под особым контролем. Клиент же должен был быть удовлетворен всегда и любым способом.

Казанова, посетив Англию, наблюдал эту сторону жизни. В конце вечера в обществе друзей и двух девушек было предложено всем плясать голыми. Ввели музыкантов с завязанными глазами и заперли двери, но сам Казанова не принял в этом участия, зрелище не произвело на него большого впечатления.

«Это был один из моментов истины. Я убедился, что радости любви — результат, а не причина веселья. Перед собой я видел три превосходных восхитительно свежих тела, все в них было очаровательным и соблазнительным, но ничто во мне не шевельнулось в ответ».

Все бордели высшего класса работали по «салонной» системе. Клиенты собирались в гостиной после театра.

Шарлотта Хейз была среди тех, кто поспешил последовать примеру миссис Гоудби: она одела своих девушек в нарядные платья и золото. Она содержала публичный дом на Пелл-Мелл, почти все посетители которого, как пишет Блох в «Сексуальной жизни Англии», были импотентами, нуждавшимися во всевозможных стимуляциях для возбуждения.

Однажды Шарлотта Хейз разослала клиентам следующее приглашение:

«Миссис Хейз имеет честь обратиться к господину и пользуется случаем пригласить его на вечер в 7 часов, когда 12 нимф, безупречных девственниц, представят знаменитый праздник Венеры в том виде, как его отмечают на Таити, под руководством и управлением королевы Уберии (чью роль исполняет сама миссис Хейз)».

Хауксворт, компаньон Кука, описывал, как на Таити «юные мужчины и девушки прилюдно совокупля-

ются, получая от зрителей добрые советы, особенно от женщин, среди которых встречаются самые знатные туземки. Так девушки в 11 лет рано становятся знающими».

Прочитав Хауксворта, миссис Хейз решила представить такой же обряд своим гостям. По Блоху, на ее приглашение откликнулись двадцать три человека, включая пятерых членов палаты общин.

«Праздник начался точно в семь часов. Мужские роли исполнили двенадцать нанятых юных атлетов. Эти юноши вместе с нимфами представляли таитянский любовный праздник на глазах у собравшейся публики, после чего был устроен роскошный пир».

Мисс Фолкленд владела борделем «Храм тайн», где творились неопишуемые и таинственные оргии. Она же владела еще двумя заведениями — «Храмом Флоры» и «Храмом Авроры».

Более сдержанной формой утех развлекали публику «натурщицы», позировавшие ей, стоя на столе в раздетом виде. Знаменитой королевой этой забавы была девушка по прозвищу «позирующая монашка». В «Ночном наблюдателе» анонимный «Горожанин» выступил против подобных обычаев. Описанное им происходит в борделе на Грейт-Рассел-стрит.

«Вот что вызывает у нас отвращение и сожаление. Прекрасная женщина простерлась на полу, предлагая взглядам те части тела, которые, будь она не столь бесстыдна, старательно бы прятала. Ей дают выпить, она, как водится, делается сильно пьяна и после двух-трех бокалов мадеры выставляет себя самым невиданным образом. Смотрите, вот она на четвереньках, как животное. Над ней смеются, собравшиеся злорадствуют по поводу проституирования такой красоты».

В эпоху Ренессанса, Реставрации и в XVIII веке можно было бы ожидать от мужчин отношения к женщине как к равному, если не высшему существу. Такое отношение могло бы положительно повлиять на все стороны жизни. Увы, в XVIII веке этого не случилось. Кавалер этого во всех отношениях золотого века мог воображать себя свободным во всех отношениях и в некотором смысле был им, оставаясь рабом подсознания. Его

отношение к женщине хоть и было откровенно сексуальным, но в основе имело чувства ненависти и вражды. Как я уже говорил, в то время агрессия и секс были тесно переплетены. В XVIII веке проявились в самых крайних и диких формах три страсти: к дефлорации, к соитиям с девочками и «флагелломания».

Лишение девушки невинности представлялось как атака, нападение сильного самца. В порнографической литературе того времени делается упор на боль жертвы и крики о помощи: кровь, отвращение, страх. Половой акт с девочкой, в которой еще не пробудились сексуальные инстинкты, является ужасным, жестоким насилием. Таким образом совокупление, вместо того чтобы быть источником наслаждения, имело целью унизить женщину, выразить свое превосходство и презрение.

(Тан описывает английского Дон Жуана как человека, «предельно гордого, желающего подчинить себе других, любящего схватку, стремящегося к господству».)

Эти желания удовлетворялись сводниками и сводницами (девственность фальсифицировали множеством способов), поставлявшими желающим «девственниц» и «несовершеннолетних» в огромном количестве.

Садомазохистский инстинкт в той или иной степени присутствует в любом человеке, накладывая отпечаток на сексуальное поведение. Бартолиний пишет: «Персы и русские порют своих жен перед исполнением супружеских обязанностей. Женщина в России обойдется без любой домашней утвари, но не без розги. Ее никогда не употребляют для наказания, она помогает возбуждаться».

Флагелляция является прелюдией к совокуплению, она не заменяет половой акт. В XVIII веке садисты и мазохисты все чаще скрывали истинные мотивы своего поведения, прикрываясь различными фантазиями.

Порок распространялся стремительно — мужчины и женщины, активные и пассивные, гетеросексуальные и гомосексуальные, заражались этой заразой. Мужчины склонялись к пассивной роли, а женщины — к активной. Это не так парадоксально, как может показаться на первый взгляд. Нам необходимо демонстрировать свое

превосходство и доминирующую роль только в том случае, когда возникает неуверенность. По этой же причине среди гомосексуалов доля флагеллянтов обоего пола выше, чем среди гетеросексуалов.

Хотя порка на удивление быстро распространилась в обществе, такую страсть не так легко удовлетворить, как нормальные желания. Поэтому флагеллянты стремились собираться в клубах и борделях. Количество последних быстро выросло благодаря расчетливым сводням, среди которых наверняка было много садисток и мазохистов.

Королевой своден слыла миссис Тереза Беркли, которая «сделалась госпожой в своем искусстве, знала все пожелания своих клиентов и удовлетворяла их самым совершенным образом. В то же время она была блестящей в деловом отношении женщиной и добилась значительного успеха». (Беркли за 8 лет накопила 10 000 фунтов, живя на широкую ногу.) «Ее арсенал так полон по сравнению с другими хозяйками... В ее заведении любой мог, сообразуясь со своими желаниями, получить порку тростью, плеткой, хлыстом и ремнем; его могли колоть иглами, душить, тереть жесткими щетками, например конскими, сечь крапивой, ему могли пускать кровь и мучить, пока не запросит пощады», — пишет Блох.

Вершиной изобретательности миссис Беркли стала «лошадка, или конек». «Это было регулируемое устройство, которое растягивалось на нужную длину, к нему привязывали жертву, открывая гениталии». В «Воспоминаниях» миссис Беркли есть рисунок, поясняющий, как действует «конек». Блох добавляет ряд деталей, описывая, как Беркли с помощницей, сидя под «лошадкой», приспосабливаются к требованиям грубого клиента.

В клубах флагеллянты могли дать и иной выход своим желаниям, встретиться с людьми, только притворяющимися садистами или мазохистами.

«Журнал хорошего вкуса» за декабрь 1792 года описывает женский клуб флагеллянок: «Члены его, в основном замужние женщины, уставшие от брака с его

холодным безразличием и желающие подбросить «дров» в огонь страсти... Благородное собрание всегда состояло из двенадцати членов. На каждой встрече шестеро порют шестерых. Они уделяют много внимания организации процедуры: читают вступительную речь или произносят импровизацию о порке, о том, как ее осуществляли на протяжении времен... после чего шестерка занимала свои места и начиналась практическая демонстрация. Президентша клуба подает каждой из шести секущих жесткую трость и сама начинает порку, руководствуясь своим вкусом, а остальные наблюдают. В какой-то момент по сигналу президентши все шестеро принимаются сечь, начиная с ляжек, и поднимаются вверх, пока вся область, по выражению Шекспира, из молочного-белой не станет сплошь красной». (Покраснение кожи, как предполагает Блох, является важным фактором удовлетворения флагеллянтов.)

Профессия школьного учителя привлекала гомосексуалистов-флагеллянтов. Она позволяла открыто выражать садистские желания, которые в обычной жизни приходилось скрывать.

Блох приводит рассказ анонимного автора о забавном обеде: «Учитель из Северного Йоркшира нанес визит своему коллеге, вдовцу, который был страстным любителем применять трость и удовлетворял свои желания самым причудливым образом. Его домоправительница носила прозвище «матушка-березка» за исключительное умение делать розги. Рассказчик обнаружил своего коллегу в обществе двух других педагогов, д-ра С., фанатичного флагеллянта, и г-на Т., выглядевшего как-то по-мальчишески. Придя в столовую, они увидели замечательную картину. В четырех углах комнаты горели свечи, канделябры держали четыре мальчика с обнаженными ягодницами, они были связаны. Педагоги принялись лупить по мальчишеским голым задницам, при этом отличились д-р С. и хозяин. Затем они уселись обедать и ели с аппетитом, причем д-р С. разгрызал кости, как будто они принадлежали наказываемым мальчикам! Десерт внесли четверо других мальчиков в голубых курточках, отделанных серебром, и белых брючках. Тогда хозяин вытащил четыре прелестные тросточки, и свое-

образный квартет опять принялся за свои сомнительные деяния.

Затем очередь дошла до мистера Т., и его милые коллеги забавлялись его гримасами и жестами во время наказания. Гостя порол лично хозяин дома. Мистер Т. вопил от боли и просил пощады, но это не отвлекло хозяина от его любимого занятия. Порку продолжал д-р С., пока бедняга Т. едва не потерял сознание от боли. На этом поучительный «скромный обед» закончился.

Более удачливые члены общества бежали от извращений и борделей в загородные поместья своих друзей. Беря пример с французов, англичане строили «маленькие прибежища любви».

Аристократы старались сделать наслаждение более утонченным, исключить агрессию и буйство. Эти люди находились в вечном поиске, некоторые увлекались религией, включая церковные обряды в оргии. Именно они придумали сатанизм.

В XVII веке поклонение было делом слишком опасным, но к началу XVIII века страх ушел, об этом написано много памфлетов.

В начале века на клубы сатанистов провели массированную атаку (главным образом, по политическим причинам), и они были вынуждены уйти в подполье, но двадцатью годами позже открылись снова. Их перестали бояться, к ним не испытывали отвращения, над ними только смеялись. Члены клубов «адского огня» переиначивали христианские ритуалы. Один из них, руководимый лордом Вартоном, проводил непристойные и кощунственные оргии в нескольких домах Лондона, в том числе в Весминстере. Клуб насчитывал сорок членов, пятнадцать из них — женщины.

В Ирландии сатанинские оргии отправлял в своей охотничьей сторожке мистер Конолли. О них ходили самые дикие слухи. Говорили, что церемонии возглавляет громадный черный кот, а участники обращаются друг к другу Старый Дракон и леди Гоморра. (Дамы всегда присутствовали на таких собраниях, это было обязательным условием.) Там пили горячую смесь виски и масла и играли фальшивым распятием. Конец наступил

в 1740 году, будто бы после изгнания кота служителем церкви, который пришел в негодование при виде мучений несчастного животного и стал молиться с таким поразительным усердием, что кот вылетел через печную трубу с фантастической скоростью и больше его никто не видел. Дом стал разрушаться, и десятью годами позже от него осталась груда камней, а члены клуба никогда больше не встречались.

Еще один клуб был создан графом Роузом, эксцентричным неутомимым распутником, который придумал невероятное количество порочных новшеств. Д-р Мэддем из Дублина, приглашенный однажды к лорду Роузу, был весьма озадачен, когда хозяин ввалился в комнату совершенно голым, по-обезьяньи махая конечностями, и, выразив удовольствие приходом гостя, подбежал к двери, где выставил себя на обозрение прохожим.

В клубе новичок после посвящения мог добиться исполнения любых своих желаний.

«Там блуждали роскошные нимфы, разжигая в нас аппетит, похоть разгоралась до высокого градуса, врожденное сладострастие придавало сил любить», — говорит свидетель.

На какое-то время о сатанизме забыли. Памфлетисты обратили острие своих перьев против таких заведений, как «Клуб Молли», где гости-гомосексуалисты переодевались женщинами и, освежившись несметным количеством вина, «предавались скотским непотребствам и такому бесчестному распутству друг с другом, что даже думать об этом без стыда можно, только впад в дьявольщину». Так пишет Ворд, который был долгое время связан с этим «замечательным» клубом и относился к нему с откровенной приязнью.

Но сатанизм только заснул, но не умер. В середине века открылся последний из клубов «адского огня», самый знаменитый.

Мир сэра Френсиса Дэшвуда и его последователей не типичен для того времени. Они искали убежища от реальности, более надежного и тайного, чем другие распутники. Они жили своими мечтами, а объяснение их причудам и играм следует искать в характере самого сэра Френсиса.

В юности он был членом «Общества дилетантов», союза молодых людей, встречавшихся, чтобы есть, пить и беседовать об искусстве в манере, казавшейся современникам претенциозной и абсурдной. Их высмеивал Смолет и другие авторы, но они выжили и процветали. Из Италии они привезли на родину память о великолепии паладинов. Им же принадлежит идея ландшафтного сада с руинами, гротами, сухими деревьями, густыми зарослями кустов и водопадами. Паладинский храм соседствовал с готической аркой. Их страсть к живописности и сумасбродствам нашла отклик в душе сэра Дэшвуда. Ключевым словом стало слово «готика». Романтическая меланхолия и идеализированное средневековье занимали мысли членов «Общества дилетантов», а термин «готический» из уничижительного стал похвальным.

Сэр Френсис Дэшвуд жил в центре одной из самых красивых долин Англии, в центре Бэкингемшира, в поместье Вайкомб. Дом его был не так великолепен и экстравагантен, как у соседей, но сады, статуи и часовни были во сто крат лучше. Одна часть сада была разбита так, что напоминала женские формы, — дорогостоящая шутка, которая могла бы быть оценена по достоинству лишь после изобретения аэроплана. Джон Уок, посетивший поместье, пишет, что «на вершине холма для удобства горожан, живших у его подножия, была воздвигнута церковь. В саду поместья было огромное множество статуй и урн, искусственный водопад омывал лежащего Нептуна, элегантно одетые люди гуляли по газонам, потягивая чай, любовались лодками на глади озера...

Сэр Френсис унаследовал дом от своего отца и, будучи еще членом клуба, украсил его с помощью Николаса Реветта и художника Джозефа Боргниса. К тому времени за ним уже закрепилась слава дебошира и развратника, он стал членом одного из первых клубов сатанистов. Путешествуя по Европе, он оставлял за собой шлейф дурной славы, хвост сплетен и изумления. В нем развилась страсть к богохульству, он высмеял священника, стремившегося обратить его в католичество. В Риме он учинил выходку, которая могла иметь для него серьез-

ные последствия. В Страстную пятницу в Сикстинской капелле кающиеся грешницы подвергали себя бичеванию (явно не всерьез), издавая притворные крики боли. Сэр Френсис присоединился к очереди, получил миниатюрный бич, вошел в храм и спрятался за колонной, выжидая, пока кающиеся обнажатся до пояса. Тогда он извлек из-под плаща хлыст, выскочил из своего укрытия и стал наносить удары налево и направо, так что капелла огласилась воплями и криками: «Это дьявол!»

Дэшвуд уже не был мальчиком, но в основе его диких выходов мог лежать тот факт, что он так и не повзрослел. Возможно, хотя мы не знаем этого наверняка, он был психически нездоров. Постепенно его стали покидать приятели, но сам он держался до конца.

Уже будучи членом «Клуба Дилетантов», сэр Френсис проявлял те черты характера, которые впоследствии привели его в Медменхэм. Вначале деятельность клуба была как будто связана с «черной магией», и сэр Френсис мог удовлетворить свою страсть к диковинным нарядам. Президент клуба одевался в малиновую римскую тогу. Родственную душу Дэшвуд нашел в Джоне Монтегю, лорде Сэндвиче, члене того же клуба. Его долговязую фигуру и бледное порочное лицо с обворожительной, но неискренней улыбкой замечали на лондонских улицах, где он слонялся без всякого дела, производя, по словам современников, впечатление человека, пытающегося пойти одновременно в разные стороны. Говорили, что «никто лучше него не поднял искусство соблазнения на такую высоту». Он был «проказлив, как мартышка, и похотлив, как козел», «вероломен с друзьями и низок с любовницами» и «ненавидим всеми». Речь его изобиловала «грязными выражениями и двусмысленностями». Но сэр Френсис любил его. Помимо увлечения вином, женщинами и богохульством оба они побывали в Константинополе и питали страсть к восточным удовольствиям.

И сэр Френсис, и лорд Сэндвич были среди первых членов «Диван-клуба». О нем известно очень немного. Мы знаем, что там играли в детские игры и устраивали

маскарады. Друзья запечатлены живописцем в момент, когда они поднимают бокалы за возлежащую Венеру. Другой рукой сэр Френсис совершает явно непристойное движение. Униформой клуба были зеленые и малиновые хламиды и фиолетовые тюрбаны, но мы не знаем, действительно ли ее носил кто-нибудь еще, кроме них.

«Диван-клуб» скоро прекратил свое существование из-за недостатка энтузиазма своих членов, но перед закрытием в 1746 году другой будущий послушник Медменхэма присоединился к «Дилетантам». Это был не кто иной, как Джордж Бабб Доддингтон, будущий барон Малькомб. Его непомерное тщеславие проявлялось в совершенно гротескной форме. Излюбленная мишень карикатуристов с громадным животом, вторым подбородком и носом-пуговкой, он был самым старым жителем Медменхэма. Ему было за шестьдесят, когда он в первый раз посетил аббатство. В юности на унаследованные средства он выстроил громадный дом в Истбери. Выстроенное по грандиозному проекту великолепное здание хранило коллекцию богатой, но безвкусной мебели. Картины на стенах отсутствовали. Здесь хозяин по вечерам ележным, слащавым голосом читал дамам некоторые самые непристойные отрывки из Шекспира. Позже, когда образ его жизни стал более разнузданным, он построил другой дом в Хаммерсмите на берегу реки и назвал его «Западной». Здесь он принимал гостей, которые переодевались монахами, а в саду устроил храм Венеры.

Сэр Френсис продолжал жить своей невероятно колоритной жизнью. Говорили, что «в своих вольностях он далеко превзошел все, известное со времен Карла II». Его редко видели трезвым, он переспал со всеми шлюхами и участвовал в политических интригах, встречался с Полем Уайтхедом, сыгравшим главную роль в основании Медменхэма.

Будучи моложе сэра Френсиса, он выглядел намного старше, поскольку без усталости удовлетворял неистовые страсти. Злобная, высокомерная, отталкивающая личность, он получил воспитание в тюрьме, где про-

вел большую часть юности. Делом его жизни стала литературная политическая стряпня. Он женился на полоумной ради ее приданого, и это позволило ему жить в свое удовольствие. Сэр Френсис терпел этого человека, открыто насмехался над ним, а когда тот умер, устроил ему шутовские похороны.

Уайтхед организовал злобную пародию на ежегодный марш масонов. Процессия нищих, чистильщиков башмаков и бродяг, нанятых им, прошла по Стренду, неся на шестах неприличные значки, а за ними валила толпа шалопаев, бившая крышками по кастрюлям и дувшая в трубы.

Основание Медменхэма нельзя было долго откладывать. Дело было за малым — должны были встретиться Дэшвуд и Даффильд. Даффильд был невероятно эксцентричен и питал особенную страсть к искусствам. Они обсудили идею братства. Даффильд стал одним из первых членов. Его родовое поместье не могло не понравиться сэру Френсису — руины церкви были отличной декорацией для его пьесы, и примерно в 1752 году был подписан арендный договор: сэр Френсис въехал, а Даффильд выехал из дома. Движимый детской радостью по поводу новой игрушки, Дэшвуд привез Николаса Риветта в Медменхэм, они осмотрели дом и сады вокруг, обсуждая возможную перестройку. В приземистом заброшенном здании красного кирпича легко было разглядеть старинное аббатство.

Начались работы, строителей тайком привозили из Лондона, а на ночь отправляли назад. Со слуг взяли клятву никому ничего не говорить, но слухи все-таки просочились.

Башня, готическая арка, галереи, увитые плющом колонны воплотили мечту Дэшвуда. Среди руин аббатства он раскопал статую Богородицы с младенцем, которую установил в нише новой башни. Над восточным входом он приказал начертать знаменитый девиз Телемского аббатства Рабле: «Делай, что хочешь».

Фамильная часовня Даффильдов была превращена в место поклонения Св. Френсису. Никто, кроме хозяина, Даффильда и художника с архитектором, не имел

права входить туда. Потолок был покрыт непристойными фресками, а стены — грубыми карикатурами на двенадцать апостолов. В глубине помещения стояла пародия на христианский алтарь.

Первые статьи об «аббатстве» появились в журнале «Город и деревня» за 1769 г. Наиболее достоверны свидетельства Уилкса, который какое-то время был членом братства.

«Лестницу украшал лозунг «Делай, что хочешь» Телемского аббатства Рабле. В трапезной стояла статуя египетского бога молчания Харпократа, напротив статуя богини Ангероны...

Сад, грот, беседка, окрестные рощи — все потакало слабостям юных монахов, которые наконец свободно предались греху. В одном месте можно было прочитать слова:

«Смертные легли тут от самой сильной радости».

В другом:

«Любовник умер на груди дамы».

В третьем:

«На этом месте тысячи поцелуев были даны,
и тысячи возвращены».

Напротив красивого старого дуба:

«Здесь победительницу-наяду победил сатир».

Перед входом в пещеру остановилась Венера, чтобы вытащить занозу из стопы. Статуя повернута к вам спиной, и над белоснежными ягодицами можно прочесть строки из Вергилия:

«Здесь место, где начинается дорога.
Ведущая нас в Элизию.
Но злые несут наказание
И в крошечный Тартар ввергаются...»

Внутри пещеры над покрытым мхом ложем было выбито наставление:

«Идите и веселитесь, о, юные,
Размягчайте друг другу утробу.
Не воркуют ваши голубки,
Не шуршит плющ, не кричат раковины».

Конечно, не покаяние было главным принципом «аббатства»: в центре оранжереи стояла гротескная фигура, державшая в руке, используя выражение Мильтона, «пылающий жезл». Глазам нашим предлагалось следующее изречение:

«Что-то трогать — не растрогать».

Возле «аббатства» стоял маленький скромный храм, воздвигнутый в честь Клоаки, с надписью: «Сия обитель обличения основана в году 1760».

Нет иных причин, кроме, может быть, политической враждебности, для предвзятости Уилкса. Наверняка существовали и другие еще худшие граффити. Например, в поместье Стоув-хаус, по слухам, была часовня, стены которой были исписаны непристойными латинскими выражениями, «неприемлемыми даже на самый похотливый вкус». Авторами большинства скульптурных непристойностей для сэра Френсиса были братья Шарон из Ливорно.

Больше сведений дает журнал о внутреннем убранстве дома. В общей комнате стояли ломберные столы, на них лежали карты для игры в трик-трак, на стенах висели портреты английских королей. Лицо Генриха VIII было заклеено бумагой в знак нерасположения к нему. Там же было несколько портретов монахов и монахинь. По стенам на колышках были развешены одеяния братьев с указанием принятого псевдонима. Одеяния по фасону больше подошли бы лодочнику, чем монаху: они состояли из белой шляпы, белого сюртука и белых брюк. У приора была красная кардинальская шапочка с тульей, подбитой кроличьим ме-

хом. В библиотеке была собрана огромная коллекция порнографической литературы. В гостиной стояло два или три дивана, где предавались возлияниям. Обтянутые шелком, они были изготовлены по римским образцам эпохи расцвета империи. Считалось, что обстановка комнаты должна возбуждать бесстыдство и похоть.

Остальное легко можно домыслить. Джонстон, автор «Златолюбца», делает некоторые намеки. Без сомнения, в этом сатирическом романе Джонстон приводит сведения, почерпнутые от кого-то из участников оргии в Медменхэме: «В еде не было недостатка. Подвалы ломились от коллекционных вин, кладовые — от деликатесов из всех стран мира... имелось и все необходимое для утоления сладострастия».

«Аббатство» ждало прибытия «монахов», и они не заставили себя ждать. Лениво обмениваясь скабрёзностями, они катили к Медменхэму в своих золоченых экипажах. Лорд Сэндвич, Бабб Доддингтон, Даффильд, Уайтхед, Ванситтарты, Томас Поттер.

Привлекательный, умный, совершенно развратный, Поттер — сын архиепископа Кентерберийского, даже по меркам XVIII века был невероятно злобен, порочен и расточителен. Его здоровье к тридцати пяти годам было совершенно подорвано жизнью, которую он вел. Его мучили постоянные приступы депрессии и ипохондрии. Его другом был журналист-сатирик Джон Уилкс, по приглашению Поттера он побывал в Медменхэме и позже поделился с читателями своими впечатлениями. Как Поттер был единственным, кто мог хоть как-то повлиять на Уилкса, так только Дэшвуд мог оказать влияние на самого Поттера.

Прежде чем осудить или выразить презрение нашим «монахам», следует вспомнить, что они встречались не чаще, чем дважды в год, и не больше, чем на две недели, иначе бы их община не продержалась так долго. И все-таки удивительно, как долго все это продолжалось, как же сильны должны были быть побудительные мотивы! Вряд ли основой этого братства было что-то иное,

кроме сексуальных фантазий его членов. Их сатанинские игры и ритуалы были всего лишь яркой облаткой, в которой легче проглотить яд наслаждения. Не станем осуждать этих людей — в век полной распущенности они не топили свою жизнь в сексе, и это возвышает их над современниками.

Конечно, в их оргиях была и мерзкая сторона.

В начале нашего века был уничтожен как непристойный сборник протоколов клуба, которые вел Поль Уайтхед. Так что наше представление о клубе составляется из разрозненных источников. Только один человек взялся отрицать, что с клубом было связано что-то неприличное. Доктор Бенджамин Бейс, чья юность прошла в братстве, в старости с возмущением отрицал всякие скандальные слухи о клубе. Возможно, ради успокоения своей совести он постарался вычеркнуть из памяти все неприглядные детали. Остальные свидетельства обличают.

Письма братьев друг другу разочаровывающе лаконичны, в общении между собой они остаются в пределах светской вежливости. Тем не менее слухи просочились за стены «аббатства».

В братстве было два разряда: высший и низший. Низший состоял в основном из знатных местных посетителей, для которых готовили отдельные комнатки. Ходили слухи, что братья высшего разряда спали не в постелях, а в гигантских колыбелях. Это известно от некоей мисс Берри, которая, посетив «аббатство», заметила старую люльку, принадлежавшую эконому, и ей пришла в голову сия странная фантазия.

Других постоянных слуг, помимо эконома, не было, всех тех, кто требовался для приготовления пищи и прислуживания за столом, нанимали на один день, тут же увольняли и заменяли другими.

Еда была роскошной, изобильной и экзотичной. Анонимный автор книги «Ад на земле, или Охваченный волнением город» нападает на гастрономические обычаи подобных обществ и приводит типичное меню:

Суп де Санте
Суп по-мещански
Карп в бульоне
Рагу из куропаток
Фрикассе из саламандр
Суфле из цыплят
Тушеный лев
Гренки
Устрицы а ля Дамюб
Белое мясо

«Монашек» набирали в лондонских борделях и привозили в Медменхэм в закрытых экипажах. Но правда вылезла наружу, слухи множились, в дело включились местные распутницы. Прослышав о богатстве и похотливости «монахов», они стали благосклонно смотреть в их сторону.

«Монашки» носили маленькие серебряные броши с надписью «Любовь и дружба». Не все они были шлюхами, иногда братство приглашало светских дам.

Леди появлялись в масках, главным образом, чтобы, изучив лица собравшихся, избежать нежелательной встречи с собственным мужем или женихом. В распоряжении «аббатства» были врач, хирург и акушерка, чтобы в случае беременности кого-либо из сестер она могла удалиться в братство и разрешить свои проблемы.

«Монашки» появлялись по ночам в обществе братьев старшего разряда. Обязанности «аббата» исполняли по очереди один день, он обладал определенными привилегиями, в том числе право первым выбирать женщин, на него возлагались некоторые обязанности, такие, как проверка в кладовых запасов вина, состояние спален на предмет наличия там всего необходимого. «Великий Мастер» выбирался раз и навсегда. Он вел «службу» в храме, руководил принесением жертв жившему там бабуину, посвящал в орден новых братьев и совершал возлияния в честь дьявола.

После совершения извращенных ритуалов братья с чистой совестью отдавались удовольствиям. Тост следовал за тостом на долгом пиру, пока пресыщенные ви-

ном и «тушеным львом» братья не начинали хватать сестер за столом, в покоях или на газонах в лучах заходящего летнего солнца и служили службы не дьяволу и не бабуину, но богине, в честь которой был воздвигнут храм в саду.

«Аббатство» продолжало существовать очень долго, и, хотя большинство братьев с течением лет уставали и переставали приезжать, конец Медменхэма был вызван только политическими причинами, а не недостатком участников. Поток клеветы, хлынувшей за арестом Уилкса, задел и Медменхэм. Среди братьев возникли трения, лорд Сэндвич прочел в палате лордов «Эссе о женщинах» тоном оскорбленной добродетели, окончательно упавшие духом братья решили, что дневной свет слишком резок для их уставших глаз, и ушли (в буквальном смысле) в подполье.

Когда сэр Френсис строил дорогу к «аббатству», известняк добывали на одном из холмов Западного Уайкомба, и в результате в распоряжении друзей оказалась готовая система пещер. Они имели фасад в готическом стиле в виде арки с колоннами. В их сырых подземных лабиринтах происходили последние оргии братства.

Но у сэра Френсиса в голове возник новый проект: громадная церковь, самая высокая точка для осмотра окрестностей. Ее украшал гигантский золоченый шар, вызывавший в сердцах прихожан скорее изумление, чем почтение. Внутренность храма больше напоминала танцзал, скамеек не было, зато в нефах для лорда Деспенсера, около его скамьи, стояло ведро со льдом для горячительных напитков.

Когда старый несчастный Бабб Доддингтон оступился и скатился кубарем по кухонной лестнице, он перед смертью успел завещать 500 фунтов сэру Френсису на строительство храма для упокоения своего праха. Дэшвуд сделал в церкви пристройку, которая и стала усыпальницей большинства «монахов» Медменхэма.

Но дни его были сочтены. Сэр Френсис вынужден был стать более сдержанным. Он сидел на вершине цер-

кви в золотом шаре, попивая молочный пунш, и любовался замечательным пейзажем, а 11 декабря 1781 года к нему пришла смерть.

Большинство его мечтаний обратились в прах, но в поселке до сих пор ходят слухи, что в поместье есть комната, запертая со времен королевы Виктории, настолько непристойно ее убранство.

Прежде чем распрощаться с XVIII веком, я бы хотел упомянуть два клуба, существовавшие в Шотландии. Я имею в виду самый старинный и могущественный орден «Обитель благословенных Нищих» и «Клуб Вигов».

В Анструтере (Файфшир) в Касл-Дриле жили графы Анструтерские. Они поселились там еще в XIV веке и создали союз для защиты рыбаков от англичан, фламандцев и французов. Их оплотом стал остров Мей. В XII веке на острове был монастырь. Спустя какое-то время монахи ушли, но на острове оставался капеллан — хранитель реликвий, среди которых был гроб Св. Адриана. Считалось, что прикосновение к гробу лечит от бесплодия. Паломники, достигшие острова, получали благословение: «Плодитесь и размножайтесь». Ходили слухи, что целомудрие не относилось к числу достоинств капелланов.

Я полагаю, что мы имеем дело с фаллическим культом, который существовал в этой части Шотландии на протяжении XVIII и XIX веков.

Название «Благословенные нищие» взято из легендарного анекдота о Джеймсе V. Об этом короле говорили, что он любил путешествовать по стране инкогнито, переодевшись нищим или волынщиком.

Однажды, проезжая через Анструтер, он подъехал к берегу Дрил-Берна, через который не было моста. На его счастье, у воды стояла нищенка. Эта девушка перенесла короля на своей спине на другой берег. Когда Джеймс заплатил ей золотой соверен, она благословила его:

Пусть твой кошель не будет пуст,
Ярится око, крик из уст.

Когда Джеймс прибыл в Касл-Дрил и открылся его жителям, он был в таком восхищении от случившегося с ним, что организовал шуточный рыцарский орден «Благословенные нищие».

Орден, о котором идет речь, был основан в 1737 году. Собрания проходили дважды в год — на Сретенье Господне и в день Св. Андрея. Каждый год принимали от двух до четырех новых адептов. После легкого обеда их пускали в «храм». До нас дошли описания обряда инициации, но, если бы не подтверждающее свидетельство, хранящееся в собрании миссис Каванах, любой мог бы выразить сомнение в его достоверности.

Председательствовал «суверен». На нем был зеленый шелковый пояс с надписью: «Суверен благословенных нищих». На остальных присутствующих тоже были пояса и медали. На одной стороне медали были изображены Адонис, Венера и Купидон, на другой — Адонис и Венера. На некоторых медалях было начертано благословение монахов острова Мей: «Плодитесь и размножайтесь».

Церемония инициации начиналась с того, что ведущий доставал блюдо и ставил его на высокий табурет в центре комнаты.

Блюдо из собрания Каванах овальное, двадцати сантиметров в длину, с надписью «Благословенные нищие 1732 г. Путь Господина с Девницей. Блюдо присяги».

Вводили новичка, приготовленного для обряда. Трубил маленький серебряный рожок, напоминая о словах девушки. Рожок был украшен надписью: «У меня странное дыхание».

В заключение церемонии пили вино из двух фаллических кубков восемнадцати сантиметров высотой (сейчас они находятся в коллекции Каванах).

После этого тоста новичку предлагали выбрать отрывок из «Песни песней» царя Соломона и прочесть его вслух с комментариями. Для этой цели использовалась специальная Библия, в которой были помечены многочисленные неприличные места, образцы эротической прозы и стихов были выписаны на форзаце. Библия запиралась на два замка. Замки были выполнены из

золота в форме вульвы. После инициации новичок появлялся в одежде с регалиями общества и поднимал тост за «нищенку и радость».

Затем следовала пирушка в стиле сатурналий. Пели непристойные песенки, произносили скабрзные тосты, эротические сувениры переходили из рук в руки.

Иногда во время вечеринки новичку вручали диплом. По форме то была пародия на корабельную лицензию, которая устанавливала «право захода, выхода и возвращения во все гавани, порты, заливы и бухты на побережье... наших территорий по его желанию».

Иногда в течение вечера устраивались сюрпризы, например приводили местных девушек.

Существовала и печать могущественного ордена. Это была вещь великолепной работы и большой художественной ценности. На фоне якоря были изображены фаллос и мошонка. Сохранились две печати ранних времен, более простые по замыслу и исполнению, с надписью:

АНСТРУТЕР
БЛАГОСЛОВЕННЫЕ
группа
любви
НИЩИЕ
1732

На других печатях изображен фаллический маяк на вульвообразном основании.

Общество просуществовало до 1836 года — через год на престол взойдет королева Виктория. Следует отметить немаловажную деталь: члены его состояли в разных политических партиях, но почти все жили неподалеку от Касл-Дрил.

Отношения между клубами можно назвать забавными, поскольку многие члены одного клуба были членами другого, хотя дочернее Эдинбургское отделение было основано недовольными членами «Благословенных нищих», забравших самые ценные вещи из «родительского» общества.

В 1775 году общество покинули лорды Морей и

Эбойн, забрав с собой клубные парики. Хотя всю правду об этом деле мы вряд ли когда-либо узнаем — ко времени перемещения общества в Эдинбург вокруг него возник ореол эротической легенды. Ходили слухи, что парик подарен семье Мореев Карлом II в благодарность за оказанные услуги и будто бы сделан он из лобковых волос королевских любовниц. Насколько это похоже на правду, пусть решает читатель, но парик был действительно изготовлен из лобковых волос, и каждый новый член общества обязан был получить «контрибуцию» со своей любовницы и отдать ее для парика.

Во время обрядов в клубе вигов каждому члену общества разрешалось поцеловать парик и поносить его некоторое время.

Не павшие духом члены «Благословенных» позже стали собирать материал для парика из волос любовниц Георга IV. Но Ганноверу было не угнаться за Стюартом, так что сохранилось лишь несколько прядей в табакерке с надписью: «Волосы с лобка королевской куртизанки».

Мы уже говорили, что в коллекции Каванах имеется полный металлический фаллос восемнадцати сантиметров длиной. Каково истинное назначение этого предмета, нам неизвестно. Предполагается, что им члены клуба прикрывали собственные гениталии, но это слишком фантастическая идея.

Времена менялись. Клубы распутников становились респектабельными. В обществе воцарялась новая мораль, пороку приходилось уходить в глубокое подполье.

Изменения начались значительно раньше, чем принято считать. Уже в 1757 году возникло «Общество за изменение манер» (через пять лет его распустили, обвинив в подделке завещания).

Георг III выпустил «Эдикт против порока», его поддержали очень многие.

Романтизм в Англии нашел свое выражение в основном в литературе и искусстве.

Викторианцы, конечно, знали, что половая жизнь существует и будет существовать всегда, но они решили сделать ее невидимой. Как уборная, она была необ-

ходима всем, хотел того человек или нет, но ей не было места в гостиной.

Изъяны такого подхода очевидны. Если секс — грязь (а викторианцы именно таковым его и считали), значит, в извращенных потаенных фантазиях им некого обвинять, кроме самих себя. В этих обстоятельствах стоит ли удивляться, что все темные стороны сексуальной жизни XVIII века — бордели для извращенцев, торговля девственницами и несовершеннолетними — остались памятником их заблуждениям.

Глава шестая

XVIII ВЕК В ЕВРОПЕ

Тану было легко подвергать уничтожающей критике английское беспутство. Его суждения во многом справедливы. Только вот справедливо ли ограничиваться только английскими ловеласами?

Ошибочность представлений о XVIII веке заключается в двух вещах. Некоторые исследователи полагают, без достаточных на то оснований, что порок был изыщен, а развратники отличались хорошим вкусом. Во все времена это было верно в отношении единиц. И к большинству англичан это не относилось. В этом нас убедил материал предыдущей главы. Но на каждого ксенофоба найдется ксенофил, множество людей предпочитают думать, что ошибки англичан не были свойственны более благоразумным обитателям континента. Казанова, столь любимый европейцами, очень отличался от лорда Сэндвича.

В ходе объективного аналитического исследования характеров этих двух ловеласов-символов я надеюсь выяснить, может ли оргия бунтовщика рассматриваться как «нормальная» форма сексуального поведения. Я прошу читателей не обвинять меня в тенденциозном подборе фактов.

Джакомо Джироламо Казанова умер в 1798 году в возрасте семидесяти трех лет, оставив потомкам огромный том мемуаров, написанных, скорее, для собственного удовольствия, чем для публикации.

У сына актеров было несчастное детство. Предполагалось, что он посвятит себя церкви, но вскоре выяснилось, что он непригоден для этого. (Позже Казанова стал масоном, в его мемуарах среди эпизодов соблазнений много кабаллистической галиматши, в которую он чистосердечно верил.) Одно время Казанова был

директором государственной лотереи, потом — полицейским агентом в Венеции (1774—1782 гг.). И всю жизнь Казанова питал страсть к азартным играм.

Мемуары касаются в основном его любовных похождений и откровений о себе. Но Казанова хитер и изворотлив. Читая его воспоминания, внезапно осознаешь, что это порнографическая беллетристика.

Каждый описанный эпизод сам по себе весьма красочен, его достоверность неоспорима — Казанова кажется искренен, а мемуары производят впечатление документа.

Первое, что поразило меня: когда я анализировал различные эпизоды мемуаров, то обратил внимание на подозрительный повтор одного и того же обстоятельства.

Казанова, как совершенно ясно из его воспоминаний, стремился совершать половой акт с одной женщиной в присутствии другой. Так было с Еленой и Гедвигой, двумя девушками, которых он одновременно лишил девственности.

«Я наслаждался с ними несколько часов, переходя пять или шесть раз от одной к другой, прежде чем истощился. В перерывах, видя их покорность и похотливость, я заставил их принимать сложные позы по книжке Арстино, что развлекло их сверх всякой меры. Мы целовали друг друга во все места, которые хотели (в оригинале есть подробности, которые я опускаю. — *Прим. авт.*). Гедвига была восхищена, ей понравилось наблюдать».

Похоже, Казанова приписал девушке свой собственный болезненный интерес к совокуплению.

Так же обстояло дело с Анеттой и Вероникой. «Вероника уступила своей младшей сестре и взяла на себя пассивную роль, которую та ей навязала. Отстранившись, она склонила голову на руку, представив моему взгляду грудь, которая могла бы возбудить равнодушнейшего из людей, и предложила мне начать атаку на Анетту. Это не было трудно, ибо я весь горел и был готов убажывать ее так долго, как ей будет угодно. Анетта была близорука и в разгар действия не могла видеть,

что я творю. Мне удалось высвободить правую руку так, что она этого не заметила, и я смог передать ей частичку наслаждения, хотя и не такого острого, которое испытала ее сестра. Тем временем покрывало сбилось, Вероника взяла на себя труд поправить его и как бы случайно предложила мне новое зрелище. От нее не укрылось, как радуют меня ее прелести, глаза ее заблестели. Наконец, сгорая от неутоленного желания, она показала мне все сокровища, которыми одарила ее природа, как раз в тот момент, когда я покончил с Анеттой в четвертый раз. Она полагала, что я репетирую перед наступлением ночи, и ее фантазия разыгралась».

Однажды Казанова устроил «устричный ужин» для двух монашек, Армалиены и Элимет, и угостил их громадным количеством устриц и шампанского. Он натопил комнату так жарко, что девушки были вынуждены снять верхнюю одежду. Затем, затеяв игру, во время которой один берет устрицу у другого прямо изо рта, он умудряется уронить кусочек за корсет сначала одной девушке, потом другой. Следует процесс извлечения, потом он осматривает и сравнивает на ощупь их ножики. Интересно, что все это случилось во время карнавала. Примерно то же происходит во время ужина у Басси (временный помощник Казановы). «Когда ужин и вино существенно подняли мне настроение, я уделил внимание дочери Басси, которая позволила мне делать все, что я хотел, а отец и мать только смеялись. Глупый Арлекин волновался и раздражался, ибо не мог сделать то же со своей Дульциней. К концу ужина я был подобен Адаму перед грехопадением. Арлекин поднялся и, схватив свою любимую за руку, собрался утащить ее в другую комнату. Я велел ему остаться, и он устоял на меня в полном изумлении, но потом повернулся к нам спиной. Его подруга, напротив, расположилась так, что я сумел не разочаровать ее.

Сцена возбудила супругу Басси, и она стала побуждать мужа доказать ей свою любовь. Он отозвался, а скромняга Арлекин сидел у огня, закрыв голову руками».

«Альсатиана была очень сильно возбуждена и использовала позу своего любовника, чтобы предоставить мне

все, чего я желал, так что я был вынужден хорошенько над ней потрудиться, и неистовые конвульсии тела подтвердили, что она наслаждается не меньше меня».

Общая картина ясна. Казанову больше всего интересует реакция зрителей или зрителя, а вовсе не партнерши по половому акту. Совершенно ясно, что он был эксгибиционистом. Эксгибиционизм всегда связан с болью и желанием смутить. Линдсей Нейстаттер пишет в «Энциклопедии врачебной практики»: «Это может быть вызвано желанием произвести хорошее впечатление». Следует упомянуть еще одно высказывание этого медика: «Многие эксгибиционисты уже в возрасте пяти лет испытывают сильное сексуальное возбуждение. У них могут быть и другие извращения, например садизм».

Садизм в основе своей суть не более чем желание выразить в крайней форме свое отношение к внешнему миру.

Деньги в жизни Казановы играли очень важную роль, верил он и в классовые различия. Казанова мог завоевывать женщин обаянием и физической привлекательностью, но предпочитал покупать женщин.

В случае с Басси для Казановы было важно, что Арлекин унижен и ему причинили боль. Он специально отмечает, как сладостно для него ощущение власти, как ему нравится платить людям, с которыми он только что забавлялся.

Неудачи в любви раздражают его и приводят в ярость. Ля Шарпийон посмеялась над ним, он избил ее, исцарапал, сбил с ног, разбил нос — за то, что она отвергла его внимание. Выказывает Казанова и некоторую склонность к вуайеризму — это извращение часто идет рука об руку с эксгибиционизмом. Казанова очень далек от образца здоровой мужской сексуальности, в его характере присутствуют многие черты невротика-извращенца. Довершает картину случай с «креслом Гоудара» — совершенно фантастический.

Как пишет Казанова, с виду кресло было обыкновенным и очень некрасивым. Впрочем, стоило человеку сесть в него, как «два ремня обхватывали его руки и крепко сжимали их, два других раздвигали ноги, а пружина приподнимала сиденье».

Когда Гоудар сел в кресло, «пружины сработали и привели в «положение роженицы». Казанова мысленно восхитился: этот «аппарат» можно было использовать, чтобы схватить Шарпийон и надругаться над ней. Позже он оставил идею приобрести кресло, но мысль эта владела его воображением.

Вспомним случай, когда Казанова совокупился с горбуньей (трудности он описывает с обычными медико-анатомическими подробностями). Совершенно ясно, что этого человека нельзя признать нормальным.

Его современник Донасьен-Альфонс-Франсуа де Сад родился в 1740 году, его воспитали не родители, а дядя, аббат Франсуа де Сад, который жил в Ваклюзе, считался специалистом по Петрарке и открыто содержал двух любовниц.

В молодости де Сад женился на девушке, которую не очень любил и потому заинтересовался ее сестрой. Вскоре после женитьбы он в первый раз вступил в конфликт с законом и был заключен в Венсеннский замок за очень скандальное дело, о котором мы, к сожалению, практически ничего не знаем.

Де Сад, как и многие другие в то время, содержал «домик» — деревенскую постройку, сооруженную для эротических утех. Эта хижина находилась в Арксе, недалеко от Парижа, и уже в 1746 году дурная репутация де Сада не знала себе равных. В том году полицейский инспектор Марэ написал письмо госпоже ла Бриссо, содержательнице публичного дома, настоятельно предлагая ей отказывать де Саду, если он потребует у нее девиц для сопровождения его в Аркей.

Тремя годами позже, сразу после Пасхи, разразился скандал, известный как «дело Келлер», и маркиз впервые попал в серьезную переделку.

Роза Келлер, тридцати шести лет, остановила маркиза на площади Виктуар и попросила милостыню. Сад спросил, не желает ли она подзаработать, и она выразила согласие стать его домоправительницей. Позже маркиз говорил, что предупреждал ее о «небольших дополнительных обязанностях» и она согласилась.

По прибытии в Аркей ее привели в комнату, «заставили раздеться, привязали к кровати лицом вниз, не-

сколько раз безжалостно выпороли хлыстом и тростью, нанесли многочисленные порезы ножом и накапали горячим воском на раны». Она умоляла своего мучителя не убивать ее, поскольку не успела исповедаться на Пасху. Заскрежетав зубами, он заявил: «Можешь исповедаться мне!», — и попытался даже принудить ее к этому, угрожая убить и обещая закопать в саду. Келлер отказывалась, и ей удалось сбежать. Ее приютила мадам Джульетта, от которой и стало известно происшествие. Английский суд не принял бы во внимание показания с чужих слов, хотя, учитывая последующую жизнь де Сада, можно поверить в их правдивость.

Вызванный властями хирург в общих чертах подтвердил суть рассказа пострадавшей. Де Сад заявил, что Келлер сама этого хотела и использовал он не хлыст, а плетть с узелками.

Семья маркиза откупилась от Келлер громадной суммой в 2400 ливров, но дело не было закрыто. Гораздо позже де Сад вложил в уста одного из своих героев слова: «Вспомните, как у парижских судей в знаменитом деле 1769 года выпоротый зад уличной девки вызвал больше сожаления, чем толпы, брошенные на голодную смерть. Они вздумали засудить молодого офицера, который пожертвовал лучшими годами своей жизни ради процветания своего короля, вернулся и получил награду — унижение из рук врагов страны, которую защищал». Как бы он ни жаловался устами вымышленных персонажей, сам де Сад получил «освободительное письмо» от Людовика XV и был оправдан.

То происшествие с Келлер случилось на Пасху, усилило серьезность обвинения в глазах властей, а для самого де Сада увеличило значимость совершенного.

В 1772 году с ним опять случилась беда, его обвинили в попытке отравить Маргариту Кост, которую он якобы угостил отравленными конфетами. Она сильно страдала, но серьезной опасности для жизни не было, что не помешало обвинить де Сада в убийстве. Одновременно он нанял в борделе трех девиц и привел их в дом на окраине Марсея. Там он избивал их и требовал, чтобы они били его, для чего предназначался громадный окровавленный хлыст с вделанными в плетть

гвоздями. Девушки отказались, считая плетть слишком опасной, и предпочли использовать ивовую метлу, которой они нанесли ему, если в это можно поверить, восемьсот ударов, отмеченных им насечками на каминной доске. Его слуга тоже порол его.

Затем маркиз совершил анальное совокупление со всеми тремя девушками, а сам подвергся аналогичному обращению со стороны слуги. Он предложил девушкам конфеты, одна взяла их и позже заболела, хотя и не так серьезно, как Маргарита Кост. Следует заметить, что его поведение не укладывается в рамки того, что сто лет спустя назовут садизмом (это сделает Карфт-Эббинг).

Вскоре де Сад и его слуга были арестованы по обвинению в содомии и убийстве. О марсельском приключении существует следующее свидетельство:

«Новости из Марселя таковы: маркиз де Сад, вызвавший такую бурю в 1768 году ужасными проделками с девушкой, только что устроил в городе спектакль с ужасающими последствиями. Он дал бал, пригласив много гостей. Гостям подали изысканные шоколадные десерты, и многие отведали их, а те были начинены испанской мушкой. Действие этого снадобья хорошо известно: все, кто его отведал, загорелись нечестивым желанием и предались всем мыслимым излишествам, до которых только может довести неистовая похоть. Бал превратился в оргию, какой не бывало со времен Рима. Даже самые скромные женщины ничего не могли поделать с охватившим их зудом. Эту потеху маркиз устроил на радость себе и свояченице, с которой бежал, скрываясь от заслуженного наказания. Несколько человек умерли от излишеств, которым предавались, другие же до сих пор не пришли в себя».

В статье, опубликованной в «Ревю де Пари» в 1837 году, описывается другой случай, якобы происшедший в то время:

«...В июне он отправился в Марсель, сопровождаемый верным слугой, которого де Сад подготовил для соучастия в неопишуемых блудодеяниях. Он захватил с собой запас конфет с начинкой из испанской мушки, опасного стимулятора, который вызывает сильное рас-

стройство нервной системы. Сообщники отправились в бордель, где пустили в ход вино и конфеты с наркотической начинкой. Действие сладостей не свелось только к смеху, развратным танцам и мерзким истерическим приступам. Одна из несчастных девушек, которую наркотик сделал античной вакханкой, выбросилась из окна и получила смертельные увечья, другая предавалась в полуобнаженном виде самым гнусным блудным действиям на виду у толпы, которая собралась перед входом в дом и отвечала ей воплями и разнузданными песнями.

Маркиз де Сад и его слуга скрылись. Власти и врачи расследовали обстоятельства этого преступного злодеяния. Две девушки скончались, то ли не вынеся бешеной похоти, то ли от ран, которые эти несчастные нанесли себе во время всеобщей свалки».

Противоречащие друг другу сообщения существуют обо всех эскападах де Сада, очень может быть, что один эпизод растиражирован на несколько случаев.

Бегство в Италию спасло де Сада, но двумя годами позже он вновь окунулся в привычную мерзость, на этот раз при участии жены, которая прощала все его прелюбодеяния. В 1777 году, по требованию матери, он был арестован и заключен в Бастилию, где написал большинство своих непристойных, но непостижимых сочинений. Подобно Казанове, он увлекся Кабаллой и нумерологией, делая выводы даже из количества ударов, полученных и нанесенных им во время оргий с бичеванием.

Философия маркиза ужасна. Его логические построения основывались, без сомнения, на сексуальных импульсах. Возможно, он искренне изучал половой инстинкт, но не переставал быть извращенцем.

Его переводят — сначала временно, потом на постоянное жительство — в Шарантон (дом для умалишенных), где он и умирает в 1814 году.

Его воля, выраженная в завещании — быть похороненным без отпевания, посреди леса, чтобы могилу присыпали желудями, была проигнорирована. Состоялись обычные христианские похороны, хотя позже череп выкопали и исследовали френологи, которые по-

ставили странный диагноз: «смесь пороков и добродетелей».

Особый ужас вызывала привычка маркиза придумывать и «отправлять» новые сексуальные культы. Джоффри Горер («Жизнь и идеалы маркиза де Сада») не считает, что за это он достоин осуждения: «Только в эротической сфере это считается недопустимым; во всех остальных областях человеческой деятельности к проявлениям дикой натуры относятся более снисходительно. Английский деревенский пастор придет в ужас, если предположат, что он с женой пытается раздвинуть рамки сексуальных наслаждений, но ничуть не испугается, если испачкает своего ребенка кровью убитой на охоте лисицы. Не дрогнет он и перед выворачивающим наизнанку желудок гниющим сыром или падалью. Он не только умудрится проглотить его, но и посчитает более вкусным, чем обычная еда, и откажется от свежей дичи и сыра, как пресного и безвкусного».

«Большее наслаждение проистекает из побежденного отвращения».

На мой взгляд, это ошибка.

И тухлое мясо, и его сексуальный эквивалент *могут* показаться деликатесами, но если первое вызовет максимум недомогание на несколько часов, то второе наградит хроническим заболеванием — заставит чувствовать себя несчастным и одиноким, станет губительным наркотиком, влияющим на весь уклад жизни.

Хотя некоторые отрицают этот факт, мы полагаем, что «ненормальное» сексуальное поведение враждебно ощущению счастья и самой жизни. Конечно, распознавать отклонения в сексуальной сфере чрезвычайно трудно, да и диагноз сам по себе не приносит облегчения. Никто так не любит свои «болезни», как члены братства психоневротиков.

Следует разобраться, почему определенных людей так привлекает эксперимент в области секса, вернее, нетривиальных его форм. Возможно, они ассоциируют сексуальность с мистикой.

Несчастный, неудовлетворенный, всеми презирае-

мый человек, отчаявшийся освободиться в этом мире от всех условностей, предпринимает попытку уйти под покровительство иных сил, среди которых самой доступной и могущественной кажется собственная сексуальность. Увы, человек чувствует себя еще более несчастным и разочарованным, а то, что поначалу кажется избавлением, сводится к еще более строгой самоизоляции от мира.

Термин «романтический» в Англии применим лишь к литературной и художественной жизни. На континенте этим словом можно охарактеризовать образ жизни человека, сексуальные и супружеские отношения.

Европейские романтики находились в меньшинстве и вынуждены были существовать среди ограничений, которые все время ужесточались.

Греки называли три предназначения женщины: быть матерью, женой и (не в уничижительном смысле) шлюхой. Они считали их тремя ипостасями женщины. Романтики XVIII и XIX веков хотели, чтобы все три качества были присущи одной женщине. Естественно, их ждало разочарование. Они жили в постоянном ожидании и искали идеал, приберегая энергию для того великого момента, когда найдется их мечта: «Единственная в мире девушка». Закрадывается даже подозрение, что в основе их поведения лежал страх и нежелание, чтобы это свершилось.

Некоторые находили выход в компромиссе — «любовном треугольнике». (Это совсем не то, что содержать любовницу, ведь тогда женщины не общаются, а «любовь втроем» означает, что все живут под одной крышей.) Однако даже это не спасало положения. Мы уже писали, в какие ловушки загоняют половой инстинкт множасьшиеся ограничения, даже «вольнодумцы» от этого не защищены. Деятельность Медменхэмского братства была предвестницей гораздо худших вещей. Сэр Френсис Дэшвуд и его друзья были способны наслаждаться нормальным сексом, хоть и наряжались в странные наряды. Но это не относится к мужчинам и женщинам, которые пришли им на смену, например к принцессе Бельджозо, которая несколько недель хранила на вилле забальзамированное тело своего любовника и лишь

австрийская полиция помешала ей продолжать, раскрыв тайну. Она превратила спальню в катафалк, ее слуга, печальный негр, встречал гостей с подобающим скорбным лицом. Суинберн же выплескивал из себя некрофилосадомазохистские стихи:

Оживит тебя червь поцелуем,
Враз изменит природу, как Бог.
Жезл прикинется жалящим змеем,
Плеть змеею вползает в чертог.

Пусть над нами раскинулось небо,
Но желанье и жизнь — близнецы.
Оплати наши доблести хлебом,
Леди Боль, и распутай концы.

Таков поэт, который уже в четырнадцать лет отождествлял себя с героями порнографических сочинений.

Фантазия способна создать многое — только не дело. Таков был романтизм на пороге викторианской эпохи.

Глава седьмая

ВИКТОРИАНЦЫ

Недавно один автор (Сирил Перл) заметил, что все наши представления о викторианской эпохе неверны. Она вовсе не была периодом сплошных ограничений. Посмотрите на армию шлюх — от уличных девок до самых роскошных куртизанок, вспомните скандальные разводы, киньте взгляд на порнографическую литературу, вызывающую одежду (кринолин, низкие декольте, тесные корсеты) и тому подобное. То был «век расцвета жуткой проституции, когда многие улицы Лондона напоминали восточные базары плоти... а экипажи модных шлюх соседствовали с каретами герцогинь».

Многие слова Перла, безусловно, верны, хотя смешно употреблять рядом слова «жуткая» и проституция. Проституция, по большому счету, признак либо крайней распущенности, либо слишком жестких ограничений. (Большинство мужчин не спят со шлюхами, пока они могут спать с другими женщинами.) Я надеюсь, что никому не придет в голову объявить викторианство эпохой всеобщей развращенности. Перл заявляет, что делить эпохи на «сдержанные» и «разнузданные» бессмысленно. Не могу согласиться. Секс невозможно подавить, он будет существовать... но интерес для нас представляет то, в какой форме он проявляется.

Такой подход применим и к порнографии: люди не читают, подобную чушь, пока могут действовать... но если в силу неких причин становится невозможным получать наслаждение из привычного секса...

Викторианцы были строги, но их идеалы основаны на реальности. Эти суровые идеалисты не были романтиками... и любовниц заводили в одном месте, а семейные удовольствия — в другом, зато позволяли себе грязные мысли.

Викторианскими джентльменами овладевала похоть при виде случайно или намеренно выставленной напоказ женской лодыжки (все остальное было скрыто одеждой, и беднякам приходилось довольствоваться этим). Потому-то викторианские дамы решили, что для их репутации, охранения добродетели их дочерей и моральной устойчивости джентльменов стоит задрапировать ножки пианино, диванов и кресел наподобие женских платьев. Тогда гостя-мужчину не охватит внезапно похоть при виде предмета, ассоциирующегося с обнаженной женской «ногой».

Тот же маниакальный пуризм заставлял подвергать цензуре книги. Достойна изумления настойчивость издателей.

Строчки из «Как вам это понравится» Шекспира:

«Под свежую листвою
Кто рад лежать со мною»,

в которых глагол «лежать» употреблен вовсе не в «постельном» смысле, были заменены в издании Памтра следующими:

Под свежую листвою
Кто рад побыть со мною.

Истинный смысл этого исправления в том, что издатель боится, как бы читатель не придал строкам тот смысл, который, очевидно, придал им он сам.

То же маниакальное упорство проявлялось и в бытовых вещах: птицу мужского рода называли вежливо «петух», чтобы исключить двусмысленное «петушок». Вдохновителями и исполнителями ограничений были отцы семейств, владевшие финансовыми и социальными рычагами жизни.

Нет никаких сомнений в том, что девушки из высшего и среднего классов до замужества не знали ничего, кроме мастурбации (если у них, конечно, хватало на это смелости).

Молодым людям, если они были достаточно смелы, помогали «облегчить душу» лондонские проститутки —

их было много, и они были легко доступны. Моральный кодекс в теории и на практике исполнялся по-разному. Викторианцы могли сколько угодно утверждать, что мужчина должен быть девственником до брака, и с чистой совестью рекомендовали сыновьям пользоваться услугами городских шлюх ради совершенствования сексуального образования.

Нужно отметить, что пресса не поддавалась общей шизофрении.

Газеты того времени пестрят письмами с требованиями очистить улицы. Немногие анонимные авторы защищают право девок торговать собой, основывая свои рассуждения на принципах христианской терпимости и милосердия и рассуждениях о незащищенности женщин (они совершенно игнорировали то обстоятельство, что некоторые из тех, о ком они пеклись, имели доход ничуть не меньший, чем они сами).

В 1841 году население Большого Лондона составляло 2 235 344 человека. В 1857 году по оценке «Ланцета» в городе насчитывалось 80 000 проституток. В 1951 году — 10 000 (сюда входили, возможно, «совместительницы» и «любительницы». «Ланцет» заявляет, что из каждых 60 домов в городе по крайней мере один — бордель, а из каждых 16 женщин (всех возрастов) одна — проститутка. Сейчас эти сведения кажутся абсолютно недопустимыми, но тогда им верили.

Приводимые «Ланцетом» данные в основном совпадают с данными врача Мишеля Райана за 1830 год. Ближе к истине, кажется, цифра 7000. В исследованиях же Райана совершенно невозможно отличить факты от вымысла.

Несмотря на медицинское образование, этот человек утверждает, что мастурбация ведет к таким заболеваниям, как «худшая форма ипохондрии — аневризма, все болезни головного и спинного мозга, слабость всей мускульной системы, хроническое воспаление внутренних органов грудины, живота и уретры, ночное недержание».

Совершенно очевидно, что автор не слишком беспокоится о правде жизни.

Если данные «Ланцета» верны, — каждая прости-

тутка еженедельно пропускала через себя 15 клиентов, — то общее количество существенно превысит численность мужского населения Лондона (включая младенцев). Не сходится. Даже заниженные оценки не устранивают противоречия.

Сельские священники жаловались, что на Хеймаркет их грубо хватает за руки, зазывая на множестве разных языков, куча женщин, многие пьяны и курят сигары. Уважаемые граждане жаловались на шум от проезжающих экипажей. Владельцы лавок на Регент-стрит согласились на снос прекрасных колонн (простоявших всего тридцать пять лет), чтобы защитить покой покупателей, хоть это и противоречило интересам девушек, собиравшихся в их тени. Но кто-то ведь опекал всех этих дамочек! Кто же?

Нет никаких сомнений в происхождении большинства проституток. Они происходили из низших слоев, работали на фабриках, получая очень мало.

На фабриках XIX века лежало клеймо сексуальной распущенности, подобно тому, как иногда преступность несовершеннолетних объясняется неблагополучной семьей. Утверждалось, что жара в течение долгого рабочего дня разжигала в девушках похоть, удовлетворить которую с превеликим удовольствием брались местные юнцы.

Как воскликнул один моралист, эти мужланы снимали жилище по соседству, причем платили за него, «и очень охотно, их жертвы, охотно участвовавшие в оргиях. Там разыгрывались сцены, напоминавшие сатурналии римлян, обряды храмовых девушек Индии и гарем самого сладострастного турка».

Если это сообщение хоть немного соответствует действительности, ясно, кто поставлял девушек в столицу. Созревание в то время приходилось на двенадцать лет, девочки, узнавшие вкус легких денег, чаще всего делали ставку на долгую и выгодную карьеру.

Проститутка в XIX веке выступала в роли козла отпущения, викторианцы перекладывали на них груз своей похоти, подобно тому как средневековая церковь обвиняла во всех грехах мира ведьм.

Одним проститутка казалась чудовищем, другим —

жертвой, третьим — милосердным ангелом. Пожалуй, наиболее распространено было следующее мнение: проститутка подобна человеку, попробовавшему опасную отраву, например героин.

Что же предлагали клиентам эти презируемые, но охотно посещаемые дамы?

Особенно сильный протест пуритан вызывало громадное количество проституток на улицах города. Они перегораживали улицы широкими кринолинами, затрудняя проход всем и каждому и вгоняя в краску самых стыдливых. Даже самые «высокопоставленные» проститутки — обитательницы борделей — не были защищены от общественного неудовольствия.

Несмотря на крики о блокаде Хеймаркет, Регент-стрит и других подобных мест, ночная жизнь Лондона была очень бурной. Больше всего публичных домов было на Нортон-стрит. Обитательницы заведений изгнали с улиц добродетель; они любили сидеть голыми на подоконниках или бросаться в нижнем белье на улицу, чтобы затащить к себе упирающегося джентльмена и совершить над ним, как утверждали общественные деятели, настоящее насилие.

Не исключено, что эти рассказы преувеличены, но беспутству были созданы все условия, надо было только знать, где искать.

В середине века на Лейкестер-сквер процветал модный роскошно меблированный «салун» в американском стиле. Он был доступен не всем, на восхитительное новшество — коктейль — требовалось особое приглашение. Атмосфера была вульгарной, но на вечеринки пускали лишь избранных.

В центре зала сидела хозяйка заведения Кейт Гамильтон, увешанная драгоценностями, в том числе настоящими. Вокруг нее толпились юные хорошенькие «фрейлины», которыми она командовала громким, хриплым голосом. Толстая и безобразная, она должна была бы вызывать страх. У этой женщины была репутация абсолютного монарха в своем королевстве. Ее очень заботило то, кто окажется в числе посетителей ее салона. Не только клиенты подвергались внимательному осмотру через окошко в двери. Высокие требова-

ния предъявлялись и к красоткам, которым Кейт разрешала пополнять ее кошелек, облегчая карманы аристократов. Желających попасть к ней было великое множество, те, кому улыбнулась удача, уже не искали ничего иного.

Даже королевские особы отдали должное ее салуну. В 1857 г. два принца Сиамы оказали ей честь своим визитом, с ними был и посол. Хотя они всего лишь выпили, гости остались очень довольны. Тайно побывав в салуне персидский шах, которого весьма холодно приняли в Букингемском дворце из-за дурных манер за столом и недвусмысленно выраженного одобрения прелестям фрейлин.

В «Рождественском ежегоднике» за 1873 год появилась огромная эпическая поэма, содержащая (помимо глупостей и брани) описание ночной жизни города:

...Где порок
Тариф назначит и оброк.
Вот котировка скачет вверх,
«Французов» ждет большой успех,
В застое «Бельгия» давно,
И «Африканские» равно
Как по горам, то вверх, то вниз
«Британцы» скачут — берегись!

Дальше описывается заведение Кейт, где цены самые высокие. Она рада гостям, и те приветствуют ее с бурным восторгом:

О, полногрудая красотка!
С полицией ты ладишь четко.

В благодарность она разрешает им посетить комнаты девушек. Один из посетителей по ошибке вломился не в ту комнату и, о ужас! Что это?

Там морда сумрачнее ночи
Зубами в ярости стучит.
Мигают злующие глаза...
«Я — шах!», — из мрака глас сказал.

Вскоре выяснилось, что:

Да, то был шах; лукав тиран.
Искал, где есть у нас изъян.
И рой советников — актрис
На нем гирляндой повис.

Впрочем, даже считая, что шах...

Жестокий чувственный тиран,
Не пара нашим королям,

они тактично удалились, предоставив ему развлекаться, и пошли к себе, где:

Покуда ужин не несут,
Устроил в честь Венеры блуд.

Посетители с удовольствием оглядывают убранство покоев и чувствуют, что:

...Глаза горят
Любви отпраздновать обряд:
Везде стекло и блеск зеркал
И в драпировке пышной зал.
Три ложа, все сплошной сатин.
Чтоб отдыхать мог господин.
А живопись слепит глаза —
На них красоток телеса.

Размышления на время прерываются раблезианским ужином.

Экзотические блюда, омары, каплун, воловий язык, курица под майонезом, томаты, фрикассе из цыплят, ягненок с горохом, почки со специями, бисквиты со взбитыми сливками («деликатные», как воздух), мороженое, меренги, ром-баба с кремом, шарлотка — все заливается шампанским и кюрасо с содовой в серебряных кубках. Несколько часов спустя гости с некоторым трепетом требуют счет:

...Умолкни, муза!
Сия цифирь для нас обуза.

Но выходит так, что вечерние забавы еще не кончены, им предстоит обстоятельная беседа с Кейт. К несчастью, суть разговора нельзя передать, ибо:

Доступно место для свиданий
Для благороднейших созданий.
Признаемся: семей отцы
При виде шлюшек молодцы!

Они чувствуют прилив бодрости и ждут продолжения вечера:

Ну да, мы в легком беспорядке,
Нуждаемся теперь в разрядке,
Даруй, о Гея, нам букет
Из ароматных сигарет.
Пусть никотина сладкий дым
Экстаз дарует молодым.
День завтрашний от нас далек,
Покуда властвует порок.

Через несколько часов наступает пробуждение от тяжелого сна. Их будит топот ног, и они догадываются, что это полицейский рейд. В ответ на взволнованные вопросы Кейт сообщает им с замечательной беззаботностью, что в заведении нет запасного выхода.

Становится ясно, что необходимо пробиваться к выходу, в чем они и преуспевают, нанеся тяжелые увечья вторгшимся служителям закона. Позже, в клубе, друзья вознаграждают себя «потоками вина».

После смерти Кейт дело перешло в другие руки, и полиция усилила свое внимание к заведению. Инспектор докладывал о своем разговоре с Вильямом Бартоном, новым владельцем, когда в ответ на его замечание о том, что проституток больше семидесяти, Бартон заявил с великолепным апломбом: «не важно, пусть их будет даже сто пятьдесят, лишь бы они вели себя подобающим образом». Во время слушаний в суде джен-

тльмен, живший напротив, заявил, что его ночной покой постоянно нарушают подъезжающие в кебах девки, одни или в сопровождении мужчин, все это сопровождается жутким шумом и грохотом, оскорбляя его чувства.

Бартон отделался штрафом в 3 фунта, что даже в то время, когда деньги были деньгами, не слишком его расстроило.

Далеко не все заведения подобного типа были такими шикарными. Если верить полицейским сводкам, то было время особенного разгула пьянства и хулиганства.

Всеобщим развлечением и одновременно скандалом, с точки зрения викторианцев, были разводы. На процесс мог попасть любой — на галерею для публики. Во время слушаний случались откровенно неприличные свидетельства, их охотно выслушивали те, кто вслух жаловался на упадок нравов. Честно говоря, публику интересовало все: как сверлили отверстия в стене, какие пятна нашли на простынях, какого рода звуки доносились из комнаты. Викторианцы лучше всех умели получать «опосредованное» удовлетворение.

Бегство от ханжеской действительности прекрасно удалось Рентону Николсону, «барону»-фантазеру, который обновил прежние «придумки», приправив их новым «соусом». Дело это закончилось судом, который разбирал гнусные непристойности Николсона.

Карьера его была чрезвычайно разнообразной. В юности он зарабатывал на хлеб ростовщичеством и крутил рулетку на ипподроме. Перед смертью он опубликовал мемуары, титульный лист которых украсил фальшивый герб. Хотя мемуары эти лицемерно-чувствительны, они содержат массу интересных сведений о спутниках юности «барона» — кулачных бойцах, преступниках, шлюхах и сводниках. Славу и деньги Николсону принес суд, а закрепило успех представление в 1846 году «пластических поз». Показывали хорошеньких женщин в облегающих шелковых костюмах телесного цвета. Дамы демонстрировали позы на вращающейся сцене, которую вручную крутили рабочие. Показ шел под аккомпанемент скрежета плохо смазанного механизма.

Горький жизненный опыт научил этого человека вести дела аккуратно. У него была уважаемая клиентура, и он старался избегать серьезных столкновений с законом. Клиенты относились к нему с большим почтением, обращались не иначе как «барон» и выказывали всяческое уважение.

Преемник Николсона оказался слишком амбициозным, не имел нужных связей, так что вскоре угодил под суд за организацию непристойных представлений.

Подобные развлечения предназначались для удовлетворения более или менее нормальных — с точки зрения сексуальной — клиентов, причем ханжество эпохи не могло не наложить своего отпечатка.

Для некоторых людей запретность плода придает ему особенную прелесть, они ощущают упоительную дрожь, когда подземным ходом пробираются в обиталище наслаждений Кейт. В душах этих «бунтарей» давление общества вызывало только противодействие.

Серьезную тревогу вызывало существование борделей для извращенцев. Особенно велик был спрос на девочек и девственниц. Борьбу с этим злом возглавил Викхэм Сид, бывший редактор «Пэл-Мэл Газетт». Поначалу общественное мнение было настроено против него, ему не верили, но в конце концов открыли расследование.

Открылись скандальные подробности. Фабричные девушки попадали в Лондон, уже потеряв невинность, так что любители «клубнички» приставали к няням в парках, рыскали по деревьям. Профессионалки со стажем продавали в рабство за гроши незаконнорожденных девочек. Иногда их вывозили из страны.

Несмотря на общественную поддержку Стида, чьи сторонники устроили грандиозный марш вокруг Гайд-парка с белыми розами в руках в знак чистоты (впечатление портил только эскорт проституток), дело с места не сдвигалось. Поддержка на словах — таков был жизненный принцип викторианцев.

Общественная мораль эпохи требовала таких ограничений сексуальной сферы, что их не выдержал бы ни один нормальный человек. Абсолютное воздержание

невозможно. Юноша в XIX веке мог попытаться решить свои проблемы, женившись, но и женитьба не снимала напряжения.

В 1867 году журнал «Лондонское общество» писал: «Не так давно верхом неприличия для молодого человека было публично заметить одно из «несчастливых созданий». Теперь едва ли встретишь подобную порядочность».

Справедливое замечание. Как-то неожиданно публичные женщины (во всяком случае, самые известные) перестали быть неприкасаемыми. Молодой человек, прогуливаясь в обществе сестры, не чувствовал никакого смущения, снимая шляпу или заговаривая с известной куртизанкой. Аморальность стала привлекательной. Многие юные леди из хороших семей предпочитали одеваться и вести себя как уличные девки, иногда их даже путали. Вряд ли аристократки могли бы пойти до конца, да и пороку бы не хватило. Однако... «высшее общество» всегда держалось особняком, не жалуя бунтарей. Бунт — суть оргии, протест против принятых в обществе правил. Бунтари всегда находятся в меньшинстве, они редко бывают похожи даже на людей своего класса.

В викторианскую эпоху был хорошо известен старый лорд Хертфорд, о котором писали следующее:

«Между шестьюдесятью и семьюдесятью годами на него обрушилось множество болезней, причем самых немыслимых, вроде паралича языка. Он имел привычку выезжать в обществе проституток, с которыми в основном и общался до самой смерти. Он подбирал их «на дне» и преображал, следуя своим фантазиям и капризам. Часто после прогулки его на руках вносили в бордель... Он никогда не считал необходимым скрывать свои привычки».

Наступала эпоха дорогих куртизанок. Общество знало их по именам: Кора Перл, Мейдел Грей, Лаура Белл, Кейт Кук, Агнесс Уиллоби и многие другие. Самой знаменитой была Кора Перл, англичанка, которая провела большую часть жизни в Европе. Она родилась в Девоншире, настоящее имя ее было Эмма Элизабет Кроуч.

Она быстро осознала силу копны рыжих волос и сексуального кошачьего личика, выбрала профессию и решила достичь вершины. Век ей был отпущен короткий, чего она, к счастью, не ведала. Времени Кора не теряла. Алчная и изобретательная, она была среди первых благодаря таланту и развращенности. Она устраивала вечера, на которых гости доходили до состояния крайнего скотства. Несколько раз она появлялась за обеденным столом обнаженная, сидя на серебряном блюде с яствами. Однажды, когда поднялся занавес, она предстала перед гостями погруженная в соус, предвосхитив на полвека игры заокеанских миллионеров. Она плясала канкан на полу, устланном лепестками роз, и купалась в серебряной ванне с шампанским. За организацию скандальных вечеринок полиция изгоняла ее из Бадена, Монте-Карло, Ниццы, Виши и Рима. Перед тем как писать мемуары, она опросила всех любовников, задавая один простой вопрос: «Сколько ты готов заплатить за упоминание твоего имени в мемуарах?» Должно быть, затея оказалась выгодной, ибо мемуары оказались удивительно скучными. Кору трудно было назвать прелестной, она была жадна до неприличия, а гнусавый кокни, на котором она бормотала непристойности, делал ее просто грубой и вульгарной.

Кора так любила себя, что сделала гипсовый слепок своей груди. Этот любопытный предмет был обнаружен среди другой рухляди в парижской мансарде, где она умерла в 1886 году от рака, в нищете.

Немногие мужчины могли позволить себе содержать дорогих любовниц, поэтому большим спросом пользовались фотографии дам определенного сорта, которые выставлялись в витринах табачных лавок. Славе их позавидовала бы любая кинозвезда XX века. Недоступность делала куртизанок не только более желанными, но почти божественными созданиями.

Мало кто решался на брак с куртизанкой, и союзы эти никогда не бывали счастливыми. Когда Генри Вейн Милбанк собрался жениться, его семья решительно вмешалась, та же участь постигла Вильяма Фредерика Уиндхема. Он женился на Агнесс Уиллоби, и его попы-

тались объявить невменяемым. Когда он учился в Итоне, его считали сумасшедшим, потому что он любил переодеваться в форму полицейского или вокзального носильщика, мяукал, кудахтал, за завтраком съедал по семнадцать яиц. Попытка объявить его ненормальным провалилась, но его счастье с Агнесс длилось всего два месяца. Он выделил ей 800 фунтов в год, тогда как раньше она зарабатывала значительно больше. Мораль этой истории проста: шлюха всегда прежде всего шлюха, какой бы таинственной она ни казалась.

Причиной многих бед викторианцев были их притворство, показная холодность. Когда джентльмен занимался любовью со своей женой, она ни в коем случае не должна была показать, что испытывает наслаждение. Это вредило обоим супругам. Каждый человек время от времени нуждается в катарсисе, подобно тому, как следует опорожнять кишечник или принимать рвотное. Видимо, викторианцы догадывались об этом, но поделаться с собой ничего не могли.

В XIX веке в английских школах были очень распространены спортивные игры. Известно, что спортсмены редко предаются сексуальным излишествам. Их энергия, страсть получают выход в игре. Игра позволяет продемонстрировать агрессивную силу и превосходство над другими.

Исследователь не может пройти мимо такого явления, как танцы. Конечно, не манерные светские, но канкан. Сейчас он вышел из моды, но когда-то завоевывал всю Европу.

Женщины редко показывали ногу выше лодыжки. Воображение, конечно, способно домыслить остальное, но канкан, считавшийся сначала «грубым», а позже превратившийся в театральное зрелище (в этой форме он и появился в 1867 году в Англии), позволял лицезреть женские «прелести» на законных основаниях. На первых представлениях вмешивалась полиция. Танцу приписывали политический смысл, говорили, что революционеры и анархисты выражают так свой гнев и осуждение нового правительства.

В книге Кору Перл мы читаем:

«Темп убыстряется, движения танцоров ускоряются, они прыгают все выше... Выражение лиц артистов свидетельствует о растущем возбуждении... Женщины в масках напоминают менад в экстазе: щеки горят, губы запеклись, волосы распущены...»

Ничто не могло остановить стремление европейцев к свободе. Окончательно все изменила Первая мировая война.

Люди никогда не учатся на собственных ошибках, и уж тем более на ошибках других. Европа с отвращением вспоминала викторианское ханжество и пыталась забыть прошлое, не понимая, что свобода может загнать в ловушку.

Если болезнью викторианцев была клаустрофобия духа, то их внуки мучились агорафобией духа.

Глава восьмая

XX ВЕК

Немногие осмелятся отрицать, что наш век по части секса — царство свободы. Даже если не обращать внимание на барьер между идеальной моралью и нравами общества, это неоспоримый факт.

Конечно, полная свобода пока не достигнута. Об этом свидетельствуют законы о гомосексуализме и проституции и немыслимые в XIX веке попытки смягчить или отменить Акт о непристойных публикациях.

Кое-кто противостоит этому движению, но производимый ими шум неадекватен их реальному влиянию. Помогает пресса, чье влияние на общественное мнение намного превосходит (по крайней мере, в Англии) прежнее влияние Церкви. Брань туристов не должна скрыть от нас того, что текущий эксперимент до сих пор не завершился полным успехом.

То, что многие современники страдают от недомогания, настолько привычно, что мы уже не обращаем на это внимания. Надо постараться понять, существует ли прямая связь между этой болезнью и «новой моралью».

Я верю, что эти два факта очень тесно связаны, хотя тут и нет прямого соотношения причина—следствие. Моя вера скорее инстинктивна, чем рациональна.

Существует распространенный, хотя и ошибочный обычай приписывать все человеческие болезни скорее внешним, а не внутренним обстоятельствам. Полагают, что стоит выявить и устранить причину и наступит облегчение.

Человечество преуспело в научных изысканиях, но оказалось неспособным проявить такое же умение. Свободное от предубеждения в отношении к себе самому. Попытки приводили к неверному результату.

Поворот от ограничений к свободе иллюстрирует это как нельзя лучше. Несчастливые и неудовлетворенные люди видят корень своих болячек в природе социальной системы, и это видение передается другим. Стеснения и послабления чередуются, но исчезает ли их чувство неудовлетворенности? Мы видим, что нет.

Ситуация упростилась бы, если бы убеждение в необходимости проклинать общество было абсолютно неверным. Но это не так, далеко не так. И все-таки, убираем причину беды, а беда остается. Почему? Является ли неудовлетворенность человеческой потребностью всегдашним состоянием? Кажется странным, что это так, но есть разные причины к тому. Задавание вопроса «почему?» еще ничего не дает. Человечество не научилось изучать свои внутренности под микроскопом. Более того, в отличие от большинства животных мы не научились даже различать пути, ведущие к удовлетворению и в сторону от него. Довольный человек является продуктом периода равновесия, но когда и где такое было? Человечество проскакивает такие мгновения со скоростью экспресса, минуящего полустанки на пути между столицами.

Ничто внешнее не ограничивает более мужчин и женщин нашего века. Даже подсознание не причиняет им сильных страданий. И все-таки им плохо.

Человечество осталось сидеть по камерам, хотя замки были сняты. Современник не свободнее своего предка из прошлого века. По крайней мере, он не чувствует себя свободнее и все время отчаянно пытается бежать... откуда-то. При этом он не может дать себе отчет в том, от чего именно он бежит, хотя существование этого неизвестного для него — непреложный факт. Повсеместно он предается излишествах в еде, питье, совокуплениях и буйствах, пытается подражать древним оргиям, но не может преуспеть в попытках очищения, поскольку не знает, от чего именно он хотел бы быть очищенным.

Люди не рациональны, более того — они не желают расставаться со своей иррациональностью. Они устали балансировать между первобытной и цивилизованной стороной своей природы, они боятся, как бы вторая не

поглотила первую. Неудивительно, что некоторые с отворачиванием отворачиваются от перспектив, уготованных развитием науки, и пытаются вернуться к мистицизму древних.

Они соотносят себя с теми временами, когда все было непостижимым. Но сумеречный свет знания причиняет человеку невыносимое беспокойство.

Сэр Френсис Дэшвуд, живший в XVIII веке, не верил в дьявольского идола, хотя игра с ним удовлетворяла его сексуальные прихоти. Но человек, родившийся столетие спустя после смерти Дэшвуда, развил до немыслимых пределов, причем совершенно искренне и убежденно, идею предшественника.

Эдвард Александр Кроули сам по себе был уникальной личностью, в его характере смешались черты нескольких героев, которых мы описали выше.

Сын активного члена Плимутского братства, Кроули унаследовал одержимость идеей греха, хотя она проявилась в весьма нестандартной форме. С детства его вдохновляла поэзия. Подражая Суинберну, он писал:

Все падения, весь абсолютный позор
Тебе придется вынести, погрузившись в грязь.
И дерьмо дрянных баб будет тебе в охотку...

Рано, если не с рождения, он стал мистиком в отношении к жизни. Кроули считал себя гермафродитом и верил во врожденные мазохистские наклонности. Он полагал, что подчиняется силам природы, Похоти и Жестокости, сообщавших ему волю пантеистического божества, его веры. Эта идея владела им всю жизнь, хотя и несколько видоизменялась.

Мистическое отношение к жизни проявлялось даже тогда, когда, заразившись гонореей от проститутки в Глазго, он абсолютно серьезно заявлял, что пострадал от «слепой ярости природы».

На заре жизни Кроули не мог решить, является ли тот, иной, мир, в существовании которого его убедили медиумы, Добром или Злом, но склонялся, скорее, к последнему, хотя по-настоящему веровал только в Пана. Для общения со своим божеством он использовал нар-

котики и «сексуальную магию», проще говоря — совокупления. Да, этот человек был сладострастником, искренне верил, так что мотивы его поступков следует считать религиозными. Его неустанный поиск «правильной» женщины можно понимать как неутоленное желание более глубокого сексуального опыта.

Кроули был очень высокого мнения о себе, а о женщинах неоднократно высказывался в том смысле, что их следует «впускать с черного входа».

Его попытки вступить в контакт с божествами кажутся вполне успешными даже без «сексуальной маски». «Книга закона» была продиктована ему слово за словом, по одной главе в день, «святым ангелом-хранителем». Дух назначал ему встречу, и Кроули записывал премудрость с максимально возможной скоростью. Книгу он опубликовал под собственным именем.

Появление «новообращенного» неизбежно привело к созданию секты «Братья и Сестры».

Примерно в то же время Кроули придумал семь «обрядов», которые были публично исполнены в Кэкстон-холл. Они были скорее непонятны, чем непристойны, и вызвали к себе скептическое отношение. Руководя «Братьями и Сестрами», Кроули все больше интересовался «сексуальной магией» как средством общения с невидимым миром. Именно тогда он сделал фаллическую прическу, обривая голову наголо и оставляя одну прядь посреди лба.

Деятельность Кроули того периода описана на страницах «Уорд мэгэзин», чей репортер присутствовал на церемонии на Фулхэм-роуд, где в покоях, «установленных диванами, заваленными подушками», происходили мистерии в честь Зверя. Китайская музыка, зловещие книги в черных переплетах и кабалистические знаки на полу создавали ощущение порочности и нереальности происходящего. На алтаре свилась в кольцо золотая змейка. Адепты секты, в том числе женщины (явно благородного происхождения) в масках, входили в комнату, после песнопений жрецы задували и уносили свечи и начиналась «неописуемая оргия».

Очевидно, напуганный публикациями о своих «под-

вигах», Кроули после объявления войны в 1914 году отправился в Соединенные Штаты.

Подражая Суинберну, он пережил несколько романов с экзотическими любовницами, о которых оставил короткие, но едкие отклики: «Заявляет, что чистая американка, но я думаю, в ней есть негритянская и японская кровь». Или: «Огромная толстая негритоска, очень страстная». Он расписывал «карлиц, горбуний, татуированных женщин, уродок всех сортов, отвратительных и увечных цветных женщин».

В Америке он встретил свою первую «порфиноносную жену» — Ли Фаези, шведку по национальности, скорее отталкивающей, чем привлекательной внешности, и они моментально влюбились друг в друга.

В Штатах он написал «Гимн Пану», одно из самых удачных своих стихотворений, в котором открыто заявляется кредо его веры:

Приди, о, приди!
Захвати похоть одиночества бесовщины.
Разбей мечом натирающие кандалы,
Порази всех родителей и всех пожирателей.
Дай мне знак Открытого Ока
И воздвигни символ тернистой плоти,
И мир безумия, и тайны,
О Пан, о Пан!

Нью-Йорк даже в начале века был не слишком подходящим местом для пантеистического культа, и Кроули отправился на Сицилию. Он хотел иметь собственное «аббатство». Первоначальный грандиозный проект с колоннадой и стеклянным куполом был похоронен, ибо итальянский банк отказался финансировать столь сомнительное предприятие. «Великий Зверь» поселился в гораздо более скромном здании, но Кроули назвал эту виллу «Телемской обителью». Центральная комната использовалась как святилище. На полу были изображены магический круг и пентограмма. В центре находился шестиугольный алтарь. Стены этой комнаты и остальных покоев были разрисованы непристойными картинами. На алтаре лежали «Хлебы Света», рецепт

которых включал помимо других ингредиентов — муки, меда, красного вина, оливкового масла — густую свежую кровь». Позже «Санди экспресс» намекала на еще более отвратительные составляющие.

Ежедневная порция героина Кроули была огромной. Но на его мозг это не влияло, и он за очень короткое время (в среднем пять тысяч слов в день) надиктовал «Дневник наркомана» «своей блуднице». Закончить труд не помешал и внезапный приступ лихорадки.

Естественно, книга не осталась незамеченной. В «Санди экспресс» от 19 ноября 1922 года Джеймс Дуглас, ведущий журналист тех лет, смело бросился в атаку, не скрывая намерения добиться расследования. Заметив, что не хочет рекламировать порнографическую литературу, он заявил, что гнев всех здравомыслящих людей должен обрушиться на голову автора.

«В романе описывается порочная оргия группы моральных дегенератов, стимулирующих угасающую похоть кокаином и героином». Дуглас цитирует (правда, вырывая из контекста) такие фразы: «Пока не наберешь полный рот кокаина, не узнаешь вкус поцелуя», отказывая обитателям «телема» в иных мотивах, кроме необузданной похоти.

Через неделю имя Кроули оказалось на первых полосах газет:

«Полное разоблачение автора «Наркомана».

«Человек по фамилии Кроули — организатор общества языческих оргий».

«Он был вовлечен в пронемецкую пропаганду во время войны».

«Он печатал непристойные нападки на короля».

«Санди экспресс» заявила, что проинтервьюировала одну из женщин — жертв Кроули. Эта информация, по крайней мере в той части, которая может быть проверена, соответствует действительности. Мэри Батс, давшая интервью газете, на Сицилию приехала в качестве гостыи. По ее словам, Кроули устраивал «невыразимо гнусные, напоминающие античные оргии».

Мэри Батс описала святилище, где «происходят невозможные оргии, которые нельзя даже описывать».

К услугам Кроули всегда было стадо обманутых поклонниц. Когда в «аббатстве» не хватало денег, их посылали на промысел на улицы Палермо и Неаполя.

Газетные обвинения были не лишены оснований. Новообращенные члены секты общины мало что слышали от Кроули о медитации и аскетизме. Гости «аббатства» видели «елисейские мистерии», а не аскетический культ.

Никто не стал бы отрицать, что «Великий Зверь» — притягательная личность, и появление новых adeptов не прекращалось. Кроули нуждался в ученике, а Рауль Лавдей идеально удовлетворял всем требованиям. Этот умный, но неуравновешенный молодой человек женился еще до завершения образования. Его супругой стала Бетти Мэй, натурщица с бурным прошлым и кипучим темпераментом, в автобиографии она назвала себя «Тигрицей». Впрочем, больше, чем жена, его привлекала магия (на что Бетти все время жаловалась). Он неизбежно должен был столкнуться с Кроули и, когда это случилось, мгновенно попал под его влияние, а Бетти стала яростной противницей Кроули.

Лавдей получил приглашение в «аббатство» и тут же согласился приехать, хотя жена возражала.

После утомительного путешествия в третьем классе по железной дороге (Бетти, по настоянию мужа, продала обручальное кольцо, что дало лишний повод для ее ревности) они наконец добрались до аббатства. Распахнулась дверь, и перед супругами предстал Кроули в облачении священника. Он торжественно провозгласил: «Ваша воля да будет законом».

Внутри «аббатства» соблюдалась железная дисциплина. Женщины должны были красить волосы то в малиновый, то в черный цвет. По всему дому были разбросаны наркотики. Даже пятилетний сын Кроули пристрастился к ним. Когда Бетти сделала ему замечание, он заявил ей: «Отстань! Я — Зверь номер два и могу разнести тебя в клочья!»

Утро начиналось с песнопений в честь Ра, бога Солнца. По вечерам все собирались в святилище.

Еда была ужасной, гигиена отсутствовала. Бетти Мэй открыто жаловалась, но Кроули заявил, что она теперь «сестра Сибиллина» и обязана подчиняться его установлениям. Она было отказалась, но все-таки в конце концов подписала документ. Однажды за столом Бетти запустила в Кроули лепешкой. Ни один мускул на его лице не дрогнул, но через несколько дней он извлек большой нож из ножен и спокойно сказал: «Сегодня в восемь часов мы принесем в жертву сестру Сибиллину». Казалось, что он говорит серьезно. Бетти сочла за лучшее скрываться в горах (где едва не умерла от истощения), пока не решила, что опасность миновала.

К тому времени, когда она вернулась, дикие желания Зверя обратились на кота. Бетти пыталась унести из дома несчастное животное, но кот вернулся и короткое время спустя его неумело принесли в жертву.

Перед обрядом животное засунули в корзинку. Очередная «порфиноносная жена» Кроули стояла с «чайшей мерзости» наготове, чтобы наполнить ее жертвенной кровью. Но Лавдей, перевозбудившись от слишком большой дозы наркотика, нанес неточный удар. Истекающий кровью и визжащий кот вырвался из корзинки и заметался по комнате. Наконец взбешенный Зверь схватил и умертвил несчастное животное, драгоценная кровь была собрана в чашу и торжественно выпита.

Несколько дней спустя Лавдей слег с брюшным тифом. Бетти решила, что болезнь вызвана отравлением кошачьей кровью и наркотиками. Но, скорее всего, виновата была вода, выпитая в горном монастыре несколькими днями раньше. Кроули уверенно заявил, что Рауль умрет 16 февраля, и так оно и случилось.

С Бетти было достаточно. Она бежала из «аббатства», сначала к британскому консулу в Палермо, а потом вернулась в Англию, где рассказала свою историю чувствительному репортеру из «Санди экспресс».

Легко представить, как обрадовались в газете «жареной» информации. Бетти заявляла, что Лавдея заманили в секту лживыми посулами и втянули в «водоворот лжи и непристойностей». О детях она рассказала, что «они вынуждены быть свидетелями ужасающего развра-

та». Статья кончалась призывом возбудить уголовное дело против Кроули.

Слава «аббатства» клонилась к закату. Слухи множились. Два человека, побывавшие там, рассказали о церемониальном совокуплении «порфиноносной жены» с козлом и о том, что в кульминационный момент животное приносили в жертву так, что поток крови стекал по голой белой спине женщины. Эти же сведения уже сообщала в «Санди экспресс» Мэри Баттс, но их отвергли как слишком «горячие». Вскоре после инцидента с Лавдеем Кроули получил вежливое, но твердое предписание немедленно покинуть пределы Италии.

«Это относится ко всем?» — спросил потрясенный Зверь. Шеф полиции кивнул, и Кроули в отчаянии ушел. Эпоха «величайшей магии» уходила в прошлое.

В 1922 и 1923 годах Кроули мудро отказался от намерения привлечь «Санди экспресс» к суду за клевету, но в 1934-м неосмотрительно решился призвать к ответу Нину Хамнет, бывшую когда-то его подругой, за единственный параграф из ее книги «Смеющийся торс». Об «аббатстве» она написала следующее: «Он занимался там черной магией, поговаривали о таинственном исчезновении ребенка. Еще там был козел. Люди говорили, что все это связано с черной магией, и жители деревни боялись его».

Почему Кроули решил судиться из-за столь невинных строк, можно только гадать. Естественно, адвокаты мисс Хамнет и ее издатели легко выиграли дело.

Главное, на чем особенно упорно настаивал Кроули, было утверждение, что он занимался белой, а не черной магией.

Когда его попросили объяснить разницу, Кроули ответил, что магия приводит внешние обстоятельства в соответствие с волей. Если воля добрая, то и магия белая, а если злая — черная.

На Кроули обрушилась волна свидетельских показаний, во многом основанная на его собственных хвастливых измышлениях.

«Говорили ли вы: «Горацио Боттомли обозвал меня грязным дегенеративным каннибалом?» — спросил его адвокат, и Кроули ответил: «Да».

Бетти Мэй давала свидетельские показания несколько часов, нимало не расстроенная попытками ее дискредитировать. (На вопрос: *«Как много раз вы были замужем?»* она ответила: *«Полагаю, четыре»*).

Она повторила рассказ о жизни в «аббатстве», хотя и довольно сбивчиво.

«Там царила какая-то истерия. Они призывали богов. Было колдовство. В комнате висела огромная картина».

«Что это было?» — «Ужас».

«Вы имеете в виду разврат?» — «Все было гораздо серьезнее».

Адвокат, представлявший интересы трех ответчиков, использовал все имевшиеся в его распоряжении факты, задал и вопрос о многочисленных прозвищах:

«Вы называли себя «Зверь-ббб»?»

«Зверь-ббб» — это всего лишь «солнечный свет», вы можете называть меня «светик». (Смех в зале.)

Наконец судья, глядевший на Кроули все более строго, обратился к присяжным:

«Я больше сорока лет провел в судах в том или ином качестве. Я думал, что мне известны все мыслимые человеческие слабости. Я полагал, что все Пороки и Зло прошли передо мной. Но это дело показало, что, живя долго, обязательно столкнешься с чем-то новым. Я впервые слышу о таком ужасном богохульстве, как то, что позволил себе этот человек, считающий себя величайшим из живущих поэтов».

Присяжные приняли сторону ответчиков, не выходя в совещательную комнату.

Несмотря на «громадный вклад в магическое искусство», звезда Кроули катилась вниз. В конце жизни он торговал вразнос лекарством от всех болезней собственного изобретения, которое назвал «Амрита».

В статье, посвященной памяти Кроули, «Дейли мейл» отрицала, что Кроули был единственным адептом черной магии, и утверждала, что ведьмовские обряды существуют по всей Англии.

«Эти церемонии оказывают подавляющее действие на свидетелей. Свет притушен, на алтаре, позади которого скрывается «апостольский» хор, курятся благовония. Главный жрец распевает гимны на английском,

латыни и каком-то тарабарском языке. Зачастую эффект усиливается австралийским «ревуном» — инструментом, производящим низкий гул, напоминающий стон быка. Считается, что длительное воздействие «ревуна» вызывает истерические припадки. Обычно молитвы возносятся Сатане, Асмодею, Вельзулу. Невозможно передать, что творится во время церемонии».

Кроули умер 1 декабря 1947 года. Четырьмя днями позже он был кремирован. Небольшое количество его верных последователей пропели гимн Пану. Разразился скандал. В конце концов директор крематория объявил: «Мы предпримем все необходимое, чтобы подобное не повторилось!»

Пожалуй, угроза не слишком реальна. Семьдесят два года прожил на свете Кроули, посвятивший всю жизнь магическим обрядам. Сатанизм и ведьмовство еще живы в «цивилизованной» Европе, но существуют тайно, без таких экзотических декораций, как у телемитов. Немногие сегодня осмеливаются в своих играх зайти так далеко, но для Кроули то была не игра, а жизнь.

Уникальность личности Кроули хорошо видна, когда сравниваешь его с одним из современников.

Григорий Распутин родился в 1871 году в сибирском селе Петровское в простой семье. Можно предположить, что фамилия его происходит от слова «распутство», это качество сполна проявилось в потомке.

В 1904 году Распутин вступил в секту хлыстов, чьим девизом были слова: «Твой грех простится». Григорию они пришлись по душе, и вскоре вокруг него сплотилась кучка обожающих его сектанток. С ними он в свое удовольствие проводил «жертвенные молитвословия». Фогель-Юргенсон цитирует воспоминания односельчан Распутина: «С появлением звезд на небе Распутин с домочадцами и последователями обоего пола направлялся в лес. Там они разводили костер и варили в котле травы с благовониями. Мужчины и женщины водили хоровод вокруг костра, все время припевая:

Господи, грехи прости,
с покаяньем отпусти.

Пляска вокруг огня убыстрается и на глазах становится дикой, слышны вздохи и стоны. Наконец костер гаснет, и в темноте слышен голос Григория: «Повинуйтесь плоти!» Все бросаются на землю, и начинается бесстыдная оргия».

Распутин утверждал, что в нем воплотились «частицы верховного существа. Только через меня есть в вас надежда спастись. И спасение ваше в том, чтобы вы соединились со мной духом и телом». Одна из девушек с наивной тревогой спросила его: «Григорий Ефимович, не грех ли то, что мы с вами творим?», и он успокоил ее: «Нет, дитя мое, это не грех: нашу плоть даровал нам Господь, и мы можем свободно пользоваться ею».

Такой ответ противоречит основным догматам веры. Но недостаток логики Распутин возмещал гипнотическим воздействием, неудивительно, что вскоре его взгляды обратились в иное направление.

Приехав в Санкт-Петербург, он встретился с архимандритом, который был настолько покорен обаянием его личности и драматической легендой об «обращении», что представил Григория при дворе.

Тот не упустил случая. Каким бы шарлатаном он ни казался, как бы мы ни сомневались в его искренности, Распутин был, несомненно, сильной личностью, хотя его влияние распространялось в основном на женщин. Его внешность и грубые манеры вместо того чтобы служить препятствием создавали дополнительную привлекательность.

За обедом, закончив есть (делая это руками), «он протягивал руки воздыхательницам, относящимся к высшей аристократии, и позволял им вылизывать свои пальцы, что они делали не просто с благодарностью, но с восхищением».

Такое обращение с фрейлинами двора, не говоря уж о политических интригах, не могло не создать ему врагов. Он давал много пищи для злых наветов.

Не слишком чистоплотный, Распутин ничего не имел против посещения бани с женщинами. Фон Занк описывает религиозное сборище, организованное Распутиным в доме одной дамы из Марсея.

Пятеро женщин прибыли в санях, вошли в дом, затем проследовали в баню. (Русские бани напоминают турецкие.)

«Григорий Ефимович уже там. В бане стоит жара, почти 104 градуса по Фаренгейту. При виде собравшихся отец Григорий начинает проповедь. Он говорит с сильным воодушевлением, жар души переливается через край. Он жестикулирует и издает вопли. В ярких красках он живописует соблазн греха и яд плоти. Горящие глаза служительниц прикованы к его устам. Как было сказано выше, в бане очень жарко. Женщины находятся на грани обморока, но проповедника, кажется, температура только распаляет. Он вещает, как все человечество погружается в пучину греха, порока и преступности... Через малое время уже все собравшиеся околдованы его красноречием... Глаза Распутина пророчески горят. Плоть — враг духа, порок смертелен для нее. Почему же Господь сделал искушения плоти столь невыносимыми? Аудитория не находит ответа. Температура растет, а зажигательная речь отца Григория доводит публику до иступления. Если сила греха велика, то насколько же сильнее прощение?! Здесь Распутин впадает в экстаз, голос его прерывается. Женщины хрипят и задыхаются, а жара все усиливается...»

Сила его личности была такова, что достоверные сообщения оказывали действие прямо противоположное предполагавшемуся. На железнодорожных станциях его встречал почетный караул, во всех гостиных его имя произносилось со священным трепетом. Глядя на фотографию этого шарлатана с косматой головой, трудно понять, в чем заключалась его привлекательность. Все окружающие воспринимали его как посланца иного мира. Избавиться от него можно было только убив, но даже убийство едва не сорвалось.

Во главе заговора стояли князь Юсупов и великий князь Дмитрий Павлович. Были приготовлены пирожные с цианистым калием. Тот же яд был растворен в бокале вина. Распутина пригласили к князю. Он появился в одном из своих экзотических одеяний. (Распутин, бывало, носил бледно-голубую шелковую рубашу с бар-

хатными штанами. На этот раз рубаха была вышита васильками.) Юсупов должен был отвлечь внимание Григория и отравить его. Распутин сначала отказывался есть пирожные, говоря, что они слишком сладкие, но затем проглотил их одно за другим. Яду в каждом заведомо хватило бы, чтобы убить человека, но обычного. Успокоенный Юсупов ждал результата, но тщетно. Через какое-то время он предложил Распутину отравленной мадеры. Тот выпил, смакуя вино с видом знатока. Через несколько минут Григорий пожаловался на легкое жжение в горле и спросил еще вина. Опять никакого эффекта. Юсупов был в отчаянии. Распутин попросил хозяина спеть. Тот подчинился, но голос его дрожал. Распутин выказывал признаки легкого беспокойства. Выйдя из комнаты, Юсупов взял у сообщников револьвер и, вернувшись, выстрелил Распутину в сердце. Издав крик дикого зверя, Распутин навзничь повалился на ковер из звериной шкуры. Князь позвал друзей. Вбежав в комнату, они увидели на полу Распутина без признаков жизни.

Несколько мгновений спустя, когда заговорщики готовились спрятать тело, Распутин внезапно ожил. Левый глаз медленно открылся. Он сумел подняться на ноги и, шатаясь, пошел на Юсупова. Комната огласилась диким ревом. Кровавая пена стекала из уголков рта Распутина. Хриплым шепотом он повторял имя Юсупова.

Князь увернулся от дьявольских обаятий и крикнул, чтобы ему дали револьвер. Распутин в этот момент карабкался вверх по лестнице на четвереньках. В него произвели еще четыре выстрела, и, наконец, он упал и затих, но затем снова пошевелился. В приступе ярости князь стал бить его по голове тростью со свинцовым набалдашником. Вот как живуч был человек, увлекший за собой царский двор.

Тревоги нашего века связаны с боязнью открытого пространства — в душевном смысле, но некоторые люди определенно нуждаются в моральных ограничениях.

Современные ограничения в области секса опреде-

ляются самым человеком. Люди установили их для себя, узнав, какая опасность кроется за так называемой свободой. Так что средневековые предрассудки остались в прошлом.

Сейчас мы находимся в состоянии равновесия, прогресс налицо. Самосознание человека развивается, осознавая необходимость самоконтроля в той же мере, как необходимость тщательной организации авто- и железнодорожного транспорта.

Мы слишком далеки от естественного взгляда на жизнь, который был присущ древним грекам, мы вовсе не стремимся идти их путем. Но глобальный страх, например перед ядерной угрозой, заставляет нас — бессознательно — стремиться вернуть утраченную невинность.

У большинства из нас нет сексуального комплекса или чувства вины, но это, скорее, следствие выработанного самообладания.

Изобретением XX века стали петтинг-вечеринки. О них пишут Кинси, Поммерой и Мартин в «Сексуальном поведении мужчин»:

«В последнее время, особенно среди представительниц высших классов, участились добрачные контакты мужчин и женщин без реальных соитий. Люди заходят гораздо дальше привычных старшему поколению объятий и поцелуев. Они включают все приемы сексуальной прелюдии, используемой умудренными супругами».

Важно то, что это поведение наряду с физической разрядкой (оргазм, достигаемый мастурбацией) дает эмоциональный выход сексуальной энергии. Ушла в небытие викторианская отстраненность. Напомним, что петтинг практикуют неженатые и незамужние личности.

Несмотря на эмоциональную разрядку, на ощущение единения, создаваемое присутствием других участников и отсутствием личной ответственности (боги с Олимпа уже за нами не наблюдают), петтинг не позволяет достичь полного катарсиса.

В XX веке появился и другой выход, эмоционально

бурный, но не осознаваемый как сексуальный по своей природе.

Во всех сексуальных античных культах божество было чем-то далеким, видимым, но недостижимым, подобным Солнцу и Луне. Как бы сильно ни влияло божество на жизнь людей, они не сближались. Одно время в Древнем Риме новобрачная, прежде чем лечь в постель с мужем, должна была оседлать деревянный фаллос божества, олицетворявшего мужскую силу. Обряд был призван исключить отвращение к мужу, которое могло возникнуть от боли при дефлорации. Далекое божество облегчало невесте переход от девственности к жизни женщины. Первый раз она отдавалась не мужчине, а символу.

Вскоре после начала века молодежь начала поклоняться кинозвездам. Сегодня мы видим, как зарождается новый культ, обязанный своим появлением рок-н-роллу и иным музыкальным стилям, чей ритм доводит человека до предельного возбуждения. «Божества» нового культа — в основном мужчины, а адепты — женщины. Излишек энергии мужчины расходуют в иных формах, часто уголовно наказуемых.

Во все времена ослабление «полицейского контроля» за нравственностью, вернее за безнравственностью, вызывало разгул «секса напоказ» во время ярмарок, народных праздников и карнавалов. То, что творится в США на «Марди гра» (Масленицу), можно назвать только открыто непристойным поведением. Подобное происходит и в других странах, причем люди копируют античные действия (вот только богов нет). Иногда верующими овладевают «безбожные» настроения, как будто наступает момент для бунта против Бога (вспомним хотя бы День Дурака).

В наш век многие люди уже не нуждаются в оргиях для раскрепощения, по крайней мере так они думают, но самопознание продолжается. Исследования психологов изменили наш взгляд на жизнь, особенно сексуальную. Зная правду, нельзя избежать ответственности за свое поведение, а истинное знание убить невозможно.

И все-таки у оргиастичности есть свои преимущества. О некоторых я упоминал в предисловии. Все мы нуждаемся в переменах. Ни один гурман не станет есть любимое блюдо на завтрак, обед и ужин. Ни один здравомыслящий человек не посвятит свою жизнь только сексу, — но и не откажется от него полностью. Пусть люди теперь не боятся гнева богов, зато страшатся осуждения близких и угрызений совести. Приятно бывает отдохнуть от умеренности, особенно если это не нарушает законов общепринятой морали. Некоторым людям необходимы внешние ограничители, для них, отрицающих чувство личной ответственности и мудрость науки, оргия остается необходимым и единственно возможным средством.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Глава первая ГРЕКИ	7
Глава вторая РИМЛЯНЕ	28
Глава третья СРЕДНИЕ ВЕКА И РЕНЕССАНС	58
Глава четвертая ПУРИТАНИН И РАСПУТНИК	77
Глава пятая РАСПУТНИКИ ЭПОХИ ГЕОРГОВ И МЕДМЕНХЭМ	88
Глава шестая XVIII ВЕК В ЕВРОПЕ	113
Глава седьмая ВИКТОРИАНЦЫ	124
Глава восьмая XX ВЕК	138

Литературно-художественное издание

Б. Партридж

ИСТОРИЯ ОРГИЙ

Главный редактор *Л. Михайлова*

Редактор *Е. Клокова*

Корректоры *М. Мерецкова, Л. Айдарбекова*

Технический редактор *Т. Кулагина*

Компьютерная верстка *Е. Воронцовой*

ЛР 064134 («КРОН-ПРЕСС») от 07.06.95.

Подписано в печать с готовых диапозитивов 07.07.97.

Формат 84х108¹/₃₂. Печать офсетная. Бумага газетная.

Гарнитура Таймс. Усл. печ.-л. 8,4. Тираж 10 000 экз.

Заказ 12696

ООО Издательский Дом «КРОН-ПРЕСС»

103030, Москва, ул. Новослободская, 18, а/я 54

По вопросам реализации обращаться по адресу:

Москва, Огородный проезд, 6

Тел.: 218-30-03, 219-82-14

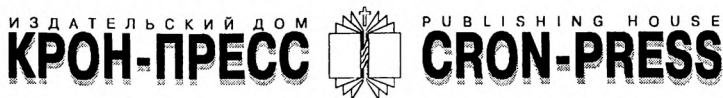
Посетите магазин «КРОН-ПРЕСС» по адресу:

Москва, ул. Новослободская, 18

Тел. 972-14-23

Отпечатано в типографии ГИПП «Янтарный сказ»

г. Калининград, ул. Карла Маркса, 18.

Дорогие читатели!

При Издательском Доме создана служба «Книга-почтой», которая не только рассылает многочисленные заказы во все уголки нашей страны, но и отвечает на тысячи писем наших читателей. Если вы хотите получить книгу быстро и по цене значительно ниже рыночной, необходимо сделать *предоплату*, перечислив деньги на расчетный счет ООО Издательского Дома «КРОН-ПРЕСС», и прислать список заказанных книг и копию квитанции об оплате по адресу:

103030, Москва, ул.Новослободская, 18, а/я 54,

«Книга-почтой»,

указав свой точный почтовый адрес с индексом, Ф.И.О.

Деньги необходимо перечислить на наш расчетный счет:

Наши реквизиты:

ООО Издательский Дом «КРОН-ПРЕСС»

ИНН 7707064700

р/с 467611 в Петровском ОСБ № 5287

к/с 002890123 в МБ АК СБ РФ г. Москвы

к/с 342164500 БИК 044583342

Коды ОКОНХ 87100 ОКПО 40220415

Телефоны: (095) 972-23-71, 972-30-87

Факс: (095) 978-90-31

Книги можно также заказать *наложенным платежом*, прилав свой заказ (с точным почтовым адресом, Ф.И.О.) по адресу, указанному выше.

Цены, указанные в каталоге, действуют в течение первого полугодия 1997 г.

ЖДЕМ ВАШИХ ПИСЕМ!

СЕРИЯ «ЭКСПРЕСС»

Ю. Безелянский **ЛЮБОВЬ И СУДЬБА**

IV-001

Любовь, страсть, рок оставляют неизгладимый след в жизни человека. Тургенев и Виардо, Зинаида Гиппиус и Мережковский, Маяковский и Лиля Брик — все они блуждают по лабиринтам любви. О взаимоотношениях этих и других известных личностей, о влиянии любви на их творчество рассказывает эта книга.

60×90/16, пер. 7+суперобл. (528 с.), ц. 20 т.р.

ВЫСКАЗЫВАНИЯ ЗНАМЕНИТЫХ ЛЮДЕЙ

IV-002

Собрание наиболее вдохновляющих и глубоких мыслей выдающихся умов человечества. Испейте из источника мудрости и совершите путешествие в глубины своей души, чтобы суметь воплотить в жизнь идеи служения людям и обрести истинное счастье.

60×90/16, пер. 7+суперобл. (480 с.), ц. 20 т.р.

К. Линдсей **РАЗВЕДЕННЫЕ, ОБЕЗГЛАВЛЕННЫЕ, УЦЕЛЕВШИЕ**

IV-003

Красавицы и дурнушки, умницы и легкомысленные дурочки — все шесть жен Генриха VIII были очень разные. Счастливой, правда, этот любвеобильный монарх не сделал ни одну. Перед читателем зримо предстает жизнь двора Генриха Тюдора с его интригами, тайнами и кровавыми развязками.

60×90/16, пер. 7БЦ (336 с.), ц. 20 т.р.

А.Меняйлов
КАТАРСИС:
ПОДНОГОТНАЯ ЛЮБВИ

IV-004

Почему миллионы женщин объяснялись клиническому импотенту Гитлеру в страстной любви? Почему столь многие авторы оболгали супружескую жизнь Льва Толстого? Почему так мало известно об интимной жизни Сталина? Какие стороны своей жизни во все века скрывают экстрасенсы-целители, например, тот же Гришка Распутин? Есть ли у человека половинка, как ее встретить и распознать? В чем принципиальное отличие половинки от партнера?

Оригинальный метод психотерапии поможет найти ответы на эти и другие вопросы. Метод прост, доступен каждому. Книга адресована широкому кругу читателей, кто еще не успел совершить непоправимых ошибок в своей семейной жизни.

60×90/16, пер. 7БЦ (640 с.), ц. 30 т.р.

Х.Декоц, Т.Монте
НУМЕРОЛОГИЯ

IV-005

Нумерология — не просто наука о числах, это наука о жизни и динамике человеческих ценностей, которая позволит вам заглянуть в будущее, откроет суть циклических процессов, управляющих карьерой и личной жизнью.

84×108/32, обл. (320 с.), ц. 10 т.р.

Н.Дональдсон
КАК ОНИ УМЕРЛИ

IV-006

Интересная и малоизвестная информация о жизни и смерти более двухсот знаменитых людей — философов, писателей, музыкантов, политических деятелей, кинозвезд. В книге есть и определенный философский смысл: читая ее, невольно задумываешься о бренности бытия и смысле собственного существования.

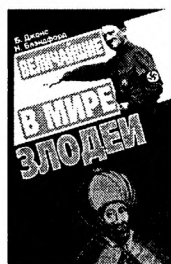
60×90/16, пер. 7+суперобл. (368 с.), ц. 15 т.р.

**Н.Бландел
ВЕЛИЧАЙШИЕ В МИРЕ
ОШИБКИ**

IV-007

Некоторые истории, описанные в этой книге, просты и по-человечески понятны: священник, обвенчавший невесту с шафером жениха; весельчак, разыгравший Британский военный флот; пройдоха, который ухитрился продать Статую Свободы. Но случаются и роковые ошибки, платить за которые приходится честью — а иногда жизнью.
84×108/32, обл. (256 с.), ц. 7 т.р.

**Б.Джонс, Н.Блэндфорд
ВЕЛИЧАЙШИЕ В МИРЕ ЗЛОДЕИ** IV-008

История запятнана злодеяниями многих людей, таких, как А.Гитлер, И.Сталин, Пол Пот, Иди Амин и др., чья жестокость изменила образ человечества и дает веские основания для более внимательного изучения человеческой природы.
84×108/32, обл. (288 с.), ц. 10 т.р.

**П.Рассел
100 КРАТКИХ ЖИЗНЕОПИСАНИЙ
ГЕЕВ И ЛЕСБИЯНОК**

IV-009

Автор, человек «неформальной ориентации», приводит биографии ста выдающихся личностей, оказавших заметное влияние на ход мировой истории и развитие культуры, — приверженцев гомосексуальной любви. Вот только некоторые имена: Сократ и Сафо, Уитмен и Чайковский, Элеонора Рузвельт и Фрэдди Меркьюри.
60×90/16, пер. 7+суперобл. (432 с.), ц. 20 т.р.

Оргия... Это греческое слово имеет два значения.

Первое — религиозные мистерии, связанные с культом древних богов, причем зачастую весьма разнузданного характера.

Второе — разгульное пиршество.

Эта книга — попытка проследить историю оргий с древности до наших дней, понять, что побуждает людей участвовать в них, не боясь осуждения общества и близких.

Мы узнаем, как относились к оргиям великие философы, историки, художники, поэты и артисты, что думали о них психиатры и психоаналитики.

Почему это явление, возникнув на заре цивилизации, сопровождает нас столько веков и в Европе, и в Америке, и в Азии, и в Африке?

Должно ли общество бороться с этим пороком, стремиться искоренить его или разумнее всего смириться?